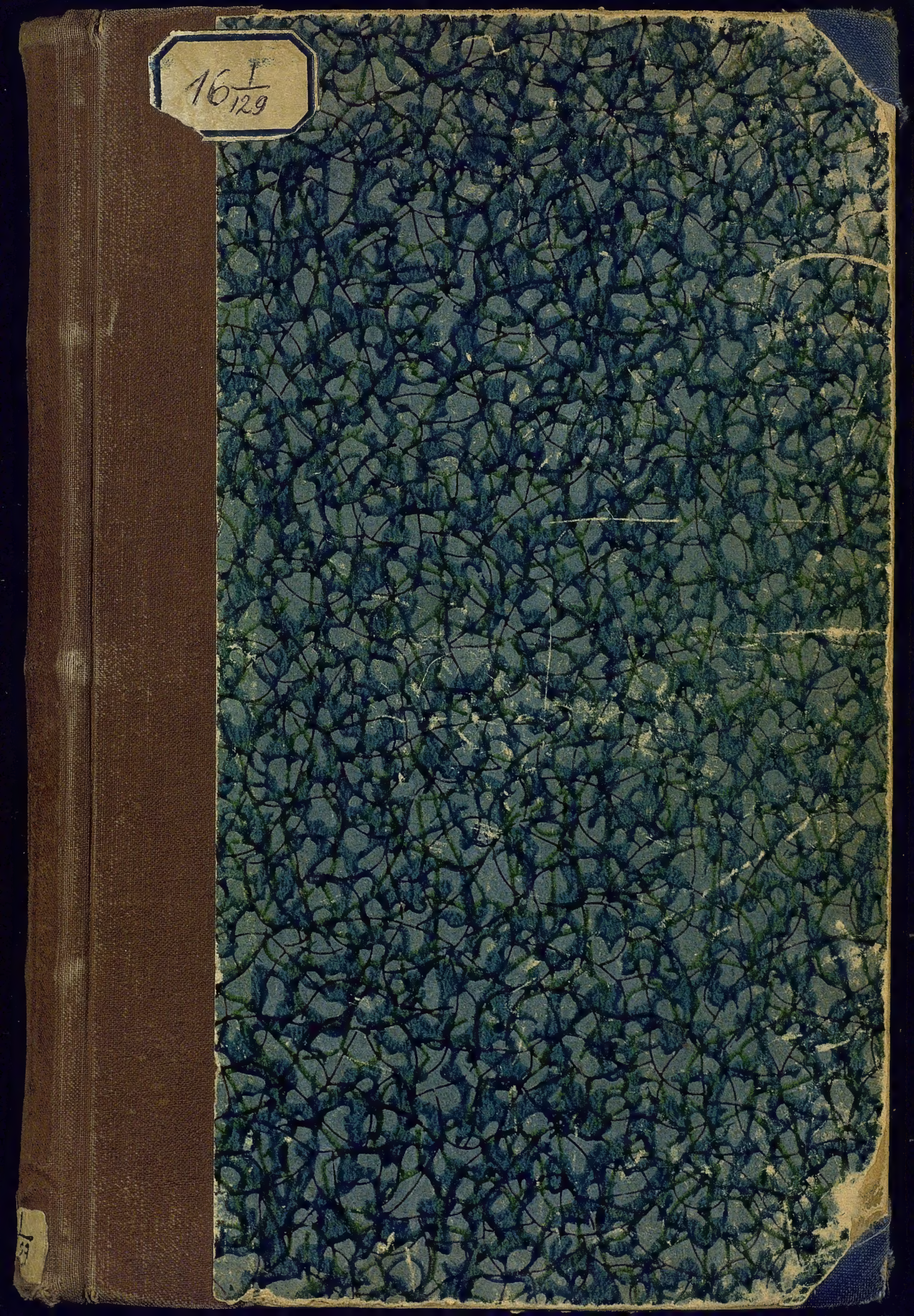

16 I/129

ЧЕРНОМОРСКІЕ КОЗАКИ.

ЧЕРНОМОРСКІЕ КОЗАКИ

ВЪ ИХЪ

ГРАЖДАНСКОМЪ И ВОЕННОМЪ БЫТУ.

ОЧЕРКИ КРАЯ, ОБЩЕСТВА, ВООРУЖЕННОЙ СИЛЫ И СЛУЖБЫ.

Въ семнадцати разсказахъ, съ эпилогомъ, картою и четырьмя рисунками съ натуры.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
1858.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи было представлено въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 23 октября 1858 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ*.

Печатано въ типографіи П. А. Кулиша, на углу Екатерингофскаго и Вознесенскаго проспектовъ, въ домѣ Лея.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЫСОЧЕСТВУ

ГОСУДАРЮ НАСЛѢДНИКУ

ЦЕСАРЕВИЧУ И ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ

НИКОЛАЮ АЛЕКСАНДРОВИЧУ,

АВГУСТѢЙШЕМУ АТАМАНУ

ВСѢХЪ КОЗАЧЬИХЪ ВОЙСКЪ.

УСЕРДНѢЙШЕ ПОСВЯЩАЕТЪ

СОЧИНИТЕЛЬ.

жеземцы сближаются и обмѣниваются разумной мыслью и добрымъ чувствомъ.

И потомъ бываютъ положенія, для многихъ и многихъ бываютъ эти положенія, въ которыхъ край и народъ изучаются дальше черты, откуда сладкій дымъ домашняго очага виденъ.

Одно изъ такихъ положеній представляло мнѣ случаи и способы ознакомиться по всѣмъ направленіямъ съ краемъ и бытомъ моихъ земляковъ и сосѣдей, отчасти даже и сосѣдей по ту сторону Кубани. Изъ того, что старался я сберечь для собственной опытно-

сти и собственныхъ воспоминаній, сложился сборникъ замѣтокъ и очерковъ, вынесенныхъ изъ дѣйствительности, то свѣтлой, то облачной, какова она всегда и вездѣ. И вотъ настала пора, что наше общество горячо подвинулось къ истинному познанію великой нашей земли, нашего orbis terrarum. Пусть же идетъ на встрѣчу этому добровѣщему движенію и убогій козацкій сборникъ.

«Другъ Платонъ, другъ Сократъ, но еще большій другъ — истина». Вотъ путеводная звѣздочка этого незатѣйливаго, необлеченнаго научной формальностью,

труда. И если бъ встрѣтилось мнѣ что-нибудь такъ искренно и не на парадъ писанное о другихъ козакахъ, которые отъ меня далеко, — это что-нибудь было бы мною прочитано съ братскимъ радушіемъ и съ братскимъ снисхожденіемъ къ недостаткамъ. Отъ себя позволяю себѣ — если здѣсь это позволительно — сдѣлать заключеніе и къ другимъ.

ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО

ВСЕАВГУСТѢЙШІЙ АТАМАНЪ!

Какъ ни живо во мнѣ сознаніе бѣдности настоящаго труда, но съ первою мыслью объ изданіи его въ свѣтъ заронилось въ глубину моей души усердное и чистое желаніе — посвятить этотъ сборникъ свѣденій объ одномъ изъ добрыхъ, неутомимо на отечественномъ порогѣ ратующихъ, Престолу, Отечеству и служебному призванію религіозно преданныхъ, козачьихъ войскъ — драгоцѣнному Имени ***ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА,*** *всѣми нами, отъ низовья Амура*

до подошвы Эльбруса, обожаемаго Августѣйшаго Атамана.

Милостивое воззрѣніе ***ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЫСОЧЕСТВА*** *на слабую эту дань священнѣйшихъ чувствъ почтетъ невыразимымъ счастіемъ для себя и для войсковыхъ сотоварищей своихъ*

ЧЕРНОМОРСКІЙ КОЗАКЪ
Иванъ Попка.

6-го декабря 1858 г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Печ. въ Лит Р Берендгофа.
Цензор. В Бекетовъ

Видъ кубанской полосы Черноморья.

ЧЕРНОМОРСКІЕ КОЗАКИ

ВЪ ИХЪ ГРАЖДАНСКОМЪ И ВОЕННОМЪ БЫТУ.

РАЗСКАЗЪ ПЕРВЫЙ.

Топографическій очеркъ Черноморья.

Кавказская линія дѣлится на два крыла: одно изъ нихъ досягаетъ до Чернаго, другое до Каспійскаго моря. Естественною чертою тому и другому крылу служатъ двѣ первостепенныя рѣки, берущія свое начало отъ одной полосы вѣчныхъ снѣговъ и одинаково окаймляющія сѣверную покатость Кавказскихъ горъ, но текущія въ противоположныхъ, одна отъ другой, направленіяхъ и развивающіяся до противоположныхъ оконечностей горнаго хребта. Это Кубань и Терекъ. Первая собираетъ на пути своемъ и уноситъ воды горъ въ Черное, послѣдній — въ Каспійское море.

По теченію Кубани простирается правое, по теченію Терека лѣвое крыло.

Содержаніе Кавказской линіи раздѣлено, неравными долями, между двумя поселенными козачьими

войсками: Кавказскимъ и Черноморскимъ. Все лѣвое и большая половина праваго крыла, или другими словами — больше двухъ третей всей линіи — заняты кавказскими; остальное же протяженіе праваго крыла, до самаго окончанія линіи надъ Чернымъ моремъ — Черноморскими козаками. Хотя населенность и военный составъ обоихъ войскъ почти одинаковы, но поселеніе кавказскихъ козаковъ растянуто въ длинную, болѣе или менѣе узкую полосу, — между тѣмъ, какъ Черноморскіе козаки занимаютъ своимъ поселеніемъ глубокую, почти круглую площадь, извѣстную на Кавказѣ подъ именемъ *Черноморья.* (45° сѣв шир. и 36° вост. долг. отъ о. Ферро (1).

Какъ нераздѣльная часть Кавказскаго перешейка, Черноморье сливается, на востокъ, съ Землею Кавказскаго козачьяго войска и Ставропольской губерніи. На югъ, рѣка Кубань отдѣляетъ его отъ пространствъ, обитаемыхъ кавказскими народами Черкесскаго, или Адигскаго племени: Абадзехами, Шапсугами, Бжедугами, Женейцами и Натхокаджами. Съ юго-запада, омывается оно Чернымъ моремъ, а съ запада, Керчинскій (Таврическій) проливъ отрѣзываетъ его отъ Крыма. Дальнѣйшимъ оттуда рубежемъ, наискось, на сѣверо-востокъ, тянется излучистый берегъ Азовскаго

---

(1) Сосѣдственные горцы называютъ Черноморье *Боткале*, а все остальное Подкавказье просто — Московія. Названіе Боткале перешло къ горцамъ отъ Крымскихъ Татаръ, которые величали этимъ, не слишкомъ блистательнымъ, прозвищемъ Запорожье. Боткале значитъ собственно: обиталище кашниковъ, кашня.

моря, оканчивающійся крутымъ заворотомъ отъ сѣверо-востока прямо къ востоку. Остальное въ этомъ направленіи продолженіе сѣвернаго рубежа Черноморья совпадаетъ съ южною границею Ростовскаго уѣзда Екатеринославской губерніи и Черкасскаго округа Донскаго войска. Живой межей проходитъ по этой чертѣ рѣчка Ея.

Длина Черноморья, по почтовой дорогѣ изъ Ставрополя на Керчь, простирается до 250, а ширина, по другой, перпендикулярной къ первой, почтовой дорогѣ изъ Ростовскаго уѣзда на Екатеринодаръ — до 200 верстъ.

По сдѣланному недавно измѣренію, вся вообще поверхность земли Черноморскихъ козаковъ заключаетъ въ себѣ 28,000 кв. верстъ, или 2,900,000 десятинъ. (Въ этомъ числѣ неудобной земли 600,000 десятинъ).

По числу жителей, считая оба пола, приходится на каждую кв. версту около семи душъ, или на каждую душу — около шестнадцати десятинъ.

Небольшое пространство края, къ сторонѣ Крыма, вышло отдѣльнымъ клиномъ промежду морскихъ и кубанскихъ водъ. Это Таманскій островъ, лоскутъ земли въ 95,973 десятины. Поверхность его холмиста и возвышена надъ морскимъ уровнемъ на 85 футовъ. Сюда Кавказъ отбрасываетъ крайніе свои сѣверо-западные отроги. Западный берегъ Таманскаго острова и противоположный ему берегъ Таврическаго полуострова такъ сходны между собою въ наружномъ

видѣ и внутреннемъ строеніи, какъ двѣ части разломленной пополамъ глыбы земли.

За исключеніемъ Таманскаго острова, все остальное пространство Черноморья состоитъ изъ гладкой и очень мало приподнятой надъ моремъ равнины, или изъ одного необозримаго луга, слегка покатаго къ берегамъ Азовскаго моря, открытаго на востокъ и на сѣверъ и обойденнаго съ остальныхъ сторонъ водами и болотами. По направленію общаго поката къ Азовскому морю, равнинная поверхность Черноморья прорѣзана множествомъ балокъ (плоскодонныхъ овраговъ), сухихъ и мокрыхъ. Послѣднія, какъ способныя задерживать воду, носятъ названіе рѣчекъ. Пересмотримъ ихъ, одну за другою, отъ сѣвера къ югу.

Рѣчка *Ея*, больше другихъ обильная водою и приводящая въ движеніе наибольшее число мельничныхъ поставовъ, беретъ свое начало въ Ставропольской губерніи и, проходя живой межей на сѣверѣ Черноморья, впадаетъ широко разработаннымъ устьемъ въ Ейскій заливъ Азовскаго моря. Лѣвымъ, или внутреннимъ своимъ берегомъ принимаетъ она многіе притоки, изъ которыхъ болѣе замѣчательны по своему протяженію Сасыкъ и Кугуея.

Ясени берется у куреня Староминскаго и исчезаетъ въ ясенскихъ соляныхъ озерахъ. Накатомъ своихъ водъ она вредитъ иногда садкѣ соли на поверхности тѣхъ озеръ.

Албаши берется на одной высотѣ съ Ясенями; *Чолбасы*, примающая въ себя множество притоковъ, достаетъ своею вершиною до станицы Темижбекской

Кавказскаго войска. Обѣ эти рѣчки, не дойдя до моря, какъ-будто встрѣтили рядъ ископанныхъ въ степи ямъ и, наполнивъ ихъ своими скудными водами, одна съ одной, другая съ другой стороны, образовали цѣпь лимановъ, въ числѣ пяти. Изъ нихъ болѣе значительны по величинѣ Чолбасскій и Кущеватый. Отъ послѣдняго отдѣляется слабая нить болотной воды, прикрѣпляющая всю цѣпь къ Бейсужскому заливу Азовскаго моря.

Три *Бейсуга,* Великій, Средній и Малый, выходятъ изъ Земли Кавказскаго войска; не доходя моря, сливаются въ Лебе́жемъ лиманѣ и уходятъ оттуда однимъ общимъ русломъ въ Бейсужскій заливъ. Эти три Бейсуга, съ многочисленными ихъ вѣтвями, преимущественно отличаются болотистымъ свойствомъ своихъ руслъ и водъ.

Лебе́жій лиманъ, наполняемый водами Бейсуговъ и имѣющій видъ лебедя, круто выгнувша́го шею, описываетъ своими искривленіями два небольшихъ полуострова, на которыхъ находится Николаевская пустынь.

Керпили и впадающіе въ нихъ *Кочети* такъ же вытекаютъ изъ Земли Кавказскаго войска, излучисто пробѣгаютъ лучшую мѣстность степи и, въ нѣкоторомъ разстояніи отъ моря, наполняютъ лиманъ Керпильскій. Болотистая, покрытая дремучимъ камышемъ, полоса связываетъ этотъ лиманъ съ Ахтарскимъ заливомъ Азовскаго моря. Воды Керпилей довольно свѣжи, и видъ ихъ живописенъ. Прекрасна здѣсь весна, отраденъ лѣтній вечеръ. Это цвѣтная лента на угрю-

момъ челѣ степи. Высокіе берега рѣки усѣяны курганами, выше которыхъ нѣтъ по другимъ рѣчкамъ. Курганы зеленѣютъ, какъ купы пальмъ въ пустынѣ, а вокругъ нихъ разостланы ковры изъ воронцу и горицвѣту. На ихъ остроконечную вершину любитъ взъѣзжать удалой табунщикъ. Отсюда ему видно, какъ, вдалекѣ, съ разбросанными по вѣтру гривами, несутся къ водопою вольные табунные кони. Отсюда же видны и синія Кавказскія горы. Много старшинъ, служившихъ тамъ боевую службу Государеву, окончили свои усталые дни на привѣтливыхъ берегахъ Керпилей. *И холмы радостію препояшутся:* и на холмахъ этихъ же береговъ опочила благодать Божья. Здѣсь, сквозь степную сизую мглу, дымится молитвенное кадило Маріинской пустыни. Наконецъ,

Понура берется близь куреня Динскаго и, чрезъ пятьдесятъ верстъ протяженія, у куреня Поповичевскаго, поглощается лиманомъ, расплывшимся на нѣсколько рукавовъ и совершенно утратившимъ связь съ приморскими водами.

Нельзя не обратить здѣсь вниманія на одну особенность, именно, что пересмотрѣнныя нами рѣчки, въ извѣстномъ разстояніи отъ моря, сходятся къ отдѣльно лежащимъ котловинамъ и наводняютъ ихъ, какъ будто трубы, приведенныя къ прудамъ, — и что каждая изъ этихъ котловинъ, или прудовъ, къ сторонѣ морскаго берега, имѣетъ кранъ, которымъ избытокъ набираемой воды стекаетъ въ море.

И вотъ, мы уже приблизились къ южной и глав-

ной рѣкѣ — Кубани. «Вотъ, вотъ она, вотъ русская граница!»

Кубань, по черкесски Пшизъ, «князь рѣкъ», въ древности Вардинусъ и Гипанисъ, беретъ свое начало отъ подоблачныхъ снѣговъ Эльбруса. (У Черкесъ «Осшумафъ», холмъ счастія) Служа чертою правому крылу Кавказской линіи, она двумя третями своего теченія орошаетъ Землю Кавказскихъ козаковъ, съ прилегающимъ къ ней нагорьемъ, и только одной низовой третью, на протяженіи 250 верстъ, омываетъ южную окраину Черноморья. Принявъ въ своемъ верховомъ и среднемъ теченіи большіе притоки: Малый Зеленчукъ, Большой Зеленчукъ, Урупъ и, наконецъ, Лабу, она приходитъ къ Черноморцамъ рѣкою значительною, имѣющею ширины, въ среднихъ берегахъ, шестьдесятъ сажень. По продолженію Черноморья, падаютъ въ нее съ нагорной же стороны: Бѣлая, по-черкесски Шевгаше, почти равняющаяся Лабѣ своимъ двухсотверстнымъ протяженіемъ, — далѣе Пшишъ, Псекупсъ, Афипсъ, или Яріокъ, Адакумъ и другіе мелкіе притоки. Эти послѣдніе, скатившись на плоскость, теряютъ свои берега и расплываются озерами и болотами. Принявъ такую массу горныхъ водъ, Кубань относитъ ихъ въ моря Черное и Азовское, въ первое главнымъ теченіемъ, а въ послѣднее рукавомъ, называемымъ Протока, или Кумли-Кубань (песчаная Кубань).

Протока, имѣющая видъ и направленіе искусственнаго канала, отвѣтвляется отъ Кубани у поста «Старый Копылъ», за 130 верстъ до впаденія глав-

наго теченія въ Черное море. Сдѣлавъ крутой поворотъ отъ главнаго теченія вправо, на сѣверъ, она отрѣзываетъ степное Черноморье отъ Таманскаго острова и имѣетъ протяженія отъ своей копыльской вершины до впаденія въ Азовское море около ста верстъ. Въ этотъ рукавъ Кубань сбываетъ почти половину своихъ водъ. Но этого не довольно: отъ праваго берега ея, на значительныхъ одинъ отъ другаго разстояніяхъ, отдѣляются еще второстепенные каналы — «ерики», такъ же направляющіеся къ Азовскому морю, которое какъ-будто оспариваетъ кубанскія воды у Чернаго моря. Ерики *Козачій* и *Энгеликъ* отвѣтвляются выше, *Калаусъ* и *Куркой* — ниже Протоки. Вершины ихъ засорены и набираютъ воду изъ Кубани только во время весенняго ея разлитія. Изъ нихъ ни одинъ не достигаетъ главнаго азовскаго бассейна, какъ Протока, но всѣ поглощаются передовыми его лиманами. Лиманы эти безчисленны и разбросаны въ самомъ разнообразномъ безпорядкѣ, будто валы, выкатившіеся изъ моря и въ него не возвратившіеся. Ближайшіе къ морю имѣютъ связь съ нимъ, дальнѣйшіе наполняются боковыми отраслями Протоки, которой заимствованныя воды дробятся и видоизмѣняются до безконечности. Это жила, отворенная въ безчисленныхъ мѣстахъ. Изъ лимановъ протоцкой путаницы болѣе замѣчательны, по своей обширности и глубинѣ, *Чебургольскій* и *Красногольскій*.

На перерѣзанномъ Протокою, низменномъ поперечникѣ между Кубанью и Азовскимъ моремъ, гдѣ нынѣ раскинулось одно, задвинутое камышами и не

обнимаемое глазомъ, болото, съ частыми оазами открытой воды и сухой земли, кипѣлъ когда-то огромный гидравлическій трудъ. Задачею его могло быть исполинское усиліе оттянуть излишекъ водъ Кубани къ азовскому бассейну, чтобъ обезпечить прилегающіе къ Кубани съ обѣихъ сторонъ удолы отъ наводненій. По преданію, надъ этой водной сѣтью работали тысячи плѣнниковъ, уводимыхъ Крымцами изъ погромовъ Руси и Польши. Работа съ плачемъ и проклятіемъ не пошла въ прокъ: гдѣ падали слезы невольниковъ, тамъ все взялось тиной и плесенью. Въ настоящее время, не только возстановленіе развалинъ этой сложной канализаціи, но даже отысканіе въ нихъ системы и смысла стоило бы не легкихъ трудовъ. Набрались бѣды «ланцюжники» (землемѣры), пока перетянули чрезъ этотъ хаосъ свою цѣпь.

Не много выше того мѣста, гдѣ Протока отложилась отъ Кубани, а именно у поста Славянскаго, Кубань разорвалась на два параллельныя теченія и, слившись вновь, верстахъ въ шестидесяти ниже точки своего разъединенія, образовала продолговатый и низменный *Каракубанскій островъ*, имѣющій въ поперечникѣ отъ трехъ до семи верстъ пространства. Теченіе по лѣвую, то есть внѣшнюю, обращенную къ горамъ, сторону острова, составляетъ рѣку *Кара-Кубань* (побочная Кубань), которая гораздо шире и глубже, чѣмъ теченіе по правую сторону, почти уже пересохшее, но все еще удерживающее за собою названіе «старой Кубани».

Между холмами Таманскаго острова, Кубань образовала изъ своихъ разливовъ четыре обширныя и жи-

вописныя вмѣстилища водъ. Это лиманы: Ахданизовскій, Кизилташскій, Цокуровъ и Бугазскій. Первый больше другихъ и лежитъ отдѣльно, а три послѣдніе сцѣплены гирлами (1). Лиманъ Ахданизовскій очень глубокъ. Это долженъ быть провалъ вулканическаго происхожденія, залитый водами Кубани. На западномъ берегу его возвышается конусообразная гора, съ отверстіемъ на вершинѣ. Когда лиманъ волнуется, изъ отверстія горы выскакиваетъ жидкій пепловидный илъ, — какъ будто внутри горы работаетъ помпа. Не ясно ли обнаруживается здѣсь присутствіе вулкана, погашеннаго вторженіемъ водъ?

Поверхность Ахданизовскаго лимана, въ спокойномъ состояніи, бѣлѣетъ и блеститъ, какъ полотно, — отъ чего и получилъ этотъ лиманъ настоящее свое наименованіе: ахданизъ значитъ «бѣлое море». Онъ имѣлъ когда-то два широкія судоходныя сообщенія съ Азовскимъ моремъ: одно близь куреня Темрюцкаго, а другое — Ахданизовскаго. Теперь отъ этихъ засоренныхъ проливовъ остаются лишь узкія гирла, которыми воды лимана втекаютъ въ море.

Созвѣздіе лимановъ Кизилташскаго, Цокурова и Бугазскаго составляетъ послѣднее низовое теченіе Кубани, расплывавшееся отъ вулканическихъ потрясеній окрестной мѣстности. Изъ крайняго лимана Бугазскаго

---

(1) Лиманомъ называется озеро, имѣющее связь съ другими озерами, или съ моремъ. Узкій и короткій проливъ, посредствомъ котораго лиманъ съ лиманомъ или съ моремъ связывается, называется гирло, то есть горло, gorge.

вытянулось гирло Бугазское — послѣдняя дверь, которою «князь рѣкъ» входитъ въ чертогъ Чернаго моря. Кубань пролегаетъ вдоль извѣстнаго протяженія Кавказскаго хребта жолобомъ, куда скатываются съ сѣвернаго склона хребта горныя рѣки и ручьи....

Со ребръ его текутъ внизъ рѣки,
Предъ нимъ мелькаютъ дни и вѣки.

Отъ боковаго напора перпендикулярныхъ притоковъ, ее хватаютъ судороги, она излучиваетъ и ломаетъ свое теченіе. Здѣсь она вздулась и залила прибрежный удолъ; тамъ перемежилась и обнажила свое перебуравленное ложе — полосу подвижныхъ илисто-песчаныхъ горбинъ и впадинъ; здѣсь подгрызла и поглотила цѣлый утесъ, а тамъ произвела на свѣтъ островокъ, который быстро разрастается въ островъ и покрывается лѣсной и камышевой растительностью. Не удерживая въ равновѣсіи несомыхъ ею водъ, она, то и дѣло, мѣняетъ свою колею, имѣя одинаковое, закону отраженія подчиненное, уклоненіе отъ праваго берега къ лѣвому, отъ степей къ горамъ. И за сколько верстъ уже она оставила гребень древняго своего праваго берега! Эта непостоянная горная рѣка влечетъ съ собою двѣ главнѣйшія невыгоды для края: она не допускаетъ къ своимъ вольнымъ, измѣнчивымъ водамъ судоходства и производитъ своими безпорядочными разливами топи и болота, которыя, затрудняя во многихъ мѣстахъ сухопутныя сообщенія, отравляютъ воздухъ вредными испареніями и наполняютъ его непріятными насѣко-

мыми: комаромъ и мошкой. Эти окрыленныя иглы, возбуждая особенную дѣятельность кожи, колютъ вамъ въ уши самыми утонченными звуками. А лекарство противъ нихъ хуже самой болѣзни: это дымъ тлѣющей навозной кучи.

Проводивъ Кубань до моря, мы теперь послѣдуемъ по излучистымъ берегамъ морскихъ водъ, омывающихъ Черноморье извнѣ. Вотъ, на соединеніи Чернаго моря съ Азовскимъ, видимъ мы Таманскій заливъ. Это бухта, глубоко вдавшаяся въ Таманскій островъ изъ Керчинскаго пролива. При входѣ въ нее, сидитъ курень Таманскій, какъ филинъ на развалинахъ. Здѣсь, полагаютъ, существовала древняя знаменитая Фанагорія — locus ubi Troja fuit. По ту сторону пролива, видны Керчь и Еникале.

Отсюда по юго-восточному берегу Азовскаго моря, въ направленіи къ устьямъ Дона, встрѣчается сперва заливъ Темрюцкій (или Курчанскій). При впаденіи сюда одного изъ двухъ вышеупомянутыхъ гирлъ Ахданизовскаго лимана, помѣщается курень Темрюцкій. Положеніе этой селитьбы очень выгодно въ отношеніи къ рыбацкому промыслу и водянымъ сообщеніямъ. Здѣсь кратчайшій водный путь изъ Азовскаго моря въ Кубань. Близълежащія старыя городища и засоренныя пристани свидѣтельствуютъ о важности, какую имѣла эта мѣстность въ старыя времена. — Далѣе, на значительныхъ другъ отъ друга разстояніяхъ, лежатъ глубоко врывшіеся въ материкъ заливы Ахтарскій и Бейсужскій — бассейны большей части степныхъ рѣчекъ, какъ видѣли мы выше. Еще далѣе — коса Ка-

мышеватка, съ поселеннымъ надъ ней куренемъ подъ тѣмъ же наименованіемъ. Потомъ, на изломѣ Азовскаго берега отъ запада къ востоку, вытянулась далеко въ море коса Долгая. Значительное протяженіе ея открыто, но еще большее скрыто подъ водою, — и здѣсь таятся самыя опасныя мѣли для судовъ, идущихъ изъ Керчи въ Таганрогъ. Наконецъ, коса Ейская, не давно получившая извѣстность поселеніемъ надъ ней портоваго города Ейска. За ней послѣдній заливъ Ейскій, куда впадаетъ Ея.

Пройденные нами заливы и косы представляютъ большія, или меньшія удобства для рыбныхъ ловель и для пристанища морскихъ судовъ. Отлогое и болотистое поморье между заливами Темрюцкимъ и Бейсужскимъ, на протяженіи полутораста верстъ, испещрено множествомъ мелкихъ лимановъ, цѣпляющихся одинъ за другой, имѣющихъ очертаніе поваленныхъ узкогорлыхъ кувшиновъ и представляющихъ величайшія угодья для рыбацкаго промысла. Часть этого воднаго хаоса мы уже видѣли выше, при взглядѣ на отторженіе водъ Кубани къ азовскому бассейну.

Не столько степь, обнаженная, скудная водою и средствами для осѣдлаго обитанія, сколько эти необозримыя рыбопромышленныя угодья, тянули первобытныхъ Черноморскихъ козаковъ съ Днѣпра на Кубань. Козакамъ искони родственнѣе было рыболовство, чѣмъ землепашество; по ихъ военному быту, сподручнѣе имъ было бороздить весломъ мутную волну, чѣмъ сохою степную, часто неблагодарную и всегда прихотливую почву. Для земледѣлія требуется постоянное

нахожденіе у своей десятины, строго разсчитанный трудъ и изученіе многихъ вещей, яже на небеси, горѣ, и на земли, низу; а для рыболовства — ставка на конъ, смѣлость, снаровка, ударъ. Вотъ почему Запорожскіе козаки, дальше всѣхъ другихъ выдвинутые къ противникамъ, могли ладить лучше съ послѣднимъ, чѣмъ съ первымъ занятіемъ, и вотъ почему они славили въ своихъ пѣсняхъ степь, какъ арену подвиговъ, а лиманы, какъ источники пропитанія и снаряженія.

Днiпровый, днiстровый,
Обидва лимани:
Въ нихъ добувалися,
Справляли жупани....

Промежду рыболовныхъ лимановъ находятся солеродныя озера: *Ясенскія,* — ихъ нѣсколько вмѣстѣ, — близь Бейсужскаго залива; *Ахтарскія,* — ихъ тоже нѣсколько вмѣстѣ, — и *Ачуевкое,* близь Ахтарскаго залива; *Бугазское,* близь Бугазскаго гирла; *Меркитантское* и *Тузловское* — первое надъ Таманскимъ заливомъ, а послѣднее при выходѣ Керчинскаго пролива изъ Чернаго моря. Принадлежащее къ ясенской группѣ озеро Ханское имѣетъ въ окружности до пятидесяти верстъ ([1]). Тузловское озеро, прилегающее къ Черному морю, даетъ высшаго качества соль. Вообще озера, лежащія по чертѣ водъ Чернаго моря, производятъ соль болѣе чистую и сильную, нежели тѣ,

---

([1]) Подъ всѣми соляными озерами находится 15,440¼, а подъ рыболовными водами 210,743⅔ десятинъ земли.

которыя примыкаютъ къ Азовскому морю. Соль этихъ послѣднихъ содержитъ въ себѣ растительныя части и другія примѣси, — а это оттого, конечно, что морская вода мѣлкаго азовскаго бассейна, у древнихъ носившаго обидное названіе болота (palus meotis), разведена, у здѣшнихъ береговъ, на половину, если даже не больше, прѣсными водами. Не всѣ вдругъ озера и не всякое лѣто даютъ соль. Нѣкоторыя даже засоряются, заплываютъ иломъ и вовсе теряютъ солепроизводительную силу. Бугазское озеро, лежащее въ глубокой котловинѣ и еще недавно занимавшее первое мѣсто въ спискѣ соляныхъ озеръ, какъ по обилію, такъ и по превосходному качеству своихъ садокъ, почти уже перестало родить соль. Такая въ немъ перемѣна, какъ полагаютъ, произошла отъ того, что внутренніе бока озерной котловины допущено было вспахать: легко смывая взрыхленную землю, дожди нанесли ее на озеро, и озеро заглохло. Соль садится въ іюлѣ и августѣ, при дѣйствіи сильныхъ жаровъ и при отсутствіи дождей. Дождь, благодѣтель и союзникъ нивы, — врагъ солянаго озера. Обыкновенная садка, то есть кристалловидная кора, которою подергивается озеро, бываетъ въ четверть вершка толщиною.

Во времена татарщины, эти соляныя озера принадлежали казнѣ Крымскихъ хановъ и были прикрыты большими редутами, высокіе валы и широкіе рвы которыхъ остаются нетронутыми донынѣ. Въ стѣнахъ редутовъ помѣщались склады соли и ясыръ (плѣнъ), работавшій на озерахъ. Здѣсь же находились гарнизоны, оберегавшіе озера отъ хищническихъ наѣздовъ

Черкесъ, которые живились солью прямо съ озеръ, когда Татары возвышали на нее цѣну въ продажныхъ складахъ.

Въ сосѣдствѣ съ соляными озерами и въ отдаленіи отъ нихъ, встрѣчаются разные солончаки, а такъ же мелкіе лужи и ручьи, которые, пересыхая въ лѣтніе жары, оставляютъ на своихъ ложахъ бѣлый, какъ снѣгъ, порошокъ, по надлежащемъ очищеніи, дающій сѣрнокислую соду. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эта соль попадается большими ноздреватыми глыбами. У береговъ Еи, въ окрестностяхъ куреня Конелевскаго, собираютъ на высыхающихъ озерцахъ бѣловатый илъ, который, въ пережженномъ состояніи, идетъ, вмѣсто мелу, на побѣлку хатъ. Эта масса оказывается, по испытаніи, пережженною магнезіею, соединенною съ известью и другими, однородными съ нею, землями.

Осаживающійся на днѣ Тузловскаго солянаго озера илъ, рыхлый и пушистый, какъ сажа, содержитъ въ себѣ цѣлительныя минеральныя части, подобно Сакскимъ грязямъ въ Крыму. Одинъ внутренно-служащій козакъ, много лѣтъ страдавшій ломотою въ берцовыхъ костяхъ и колючимъ ревматизмомъ въ подошвахъ ногъ, былъ въ нарядѣ для выноски соли изъ озера. Въ теченіе недѣли, что онъ открытыми ногами бродилъ по озеру, болѣзнь его совершенно прошла.

Изъ самаго бѣглаго обзора малыхъ и большихъ водъ Черноморья легко получить убѣжденіе, что, какъ тѣ, такъ и другія, одинаково осѣли и сократились. Независимо отъ причинъ болѣе общихъ, явленіе это можетъ быть объяснено совершеннымъ истребленіемъ

лѣсовъ въ краѣ, рыхлостью и сыпучестью стѣнъ водопріемищъ и накопленіемъ наносовъ въ рѣчныхъ и озерныхъ устьяхъ. Берега Кубани и прочихъ рѣчекъ, лимановъ и гирлъ, равно какъ и берега Азовскаго моря, повсемѣстно песчано-глинисты, изрѣдка содержатъ въ себѣ ползучій щебень и нигдѣ не скрѣплены скалами. Отътого они вѣчно обваливаются и засоряютъ водоемы. Азовское море обрѣзываетъ войсковую землю отъ сѣвера; Кубань гложетъ черкесскій берегъ и натачиваетъ войсковую землю на югѣ, — а Черноморцы подвигаются все ближе къ Кавказу.... Отъ засоренія устьевъ органическая связь рѣкъ и гирлъ съ бассейнами ослабляется и жизненный ихъ пульсъ цѣпенѣетъ.

Вода въ степныхъ рѣчкахъ, или мокрыхъ балкахъ, — что ближе къ дѣйствительности, — задерживается съ весны безчисленными греблями (гатями), похожими, по внутреннему составу и наружной отдѣлкѣ, на ласточкины гнѣзда. Эти незатѣйливыя водовмѣстилища заплываютъ иломъ, испаряются и превращаются въ болота среди лѣта. Къ нимъ ко всѣмъ можетъ быть приложено одно изъ вышепоказанныхъ названій: Чолбасы, что значитъ по-русски «ковшъ воды.» (1) Къ этой татарской насмѣшкѣ надъ маловодь-

(1) Еще не простылъ слѣдъ монгольскаго обитанія на Землѣ Черноморскихъ козаковъ: за большей частью водъ и урочищъ остаются старинныя татарскія названія. Напримѣръ: Ея, правильно Яйя, Иванъ; Сасыкъ, вонючій; Албаши, красная голова; Бейсу, беева, или, можетъ быть, главная рѣка; Керпили, мостовая; Кизилташъ, красный камень; Бугазъ, горло; Темрюкъ, собственное имя; Калаусъ, проводникъ.

емъ мокрыхъ балокъ Черноморцы прибавили еще свою:

Питався шляху, йшовши, линъ,
Де, братця, Келембетівъ млинъ;
Тамъ не гуде, не буркотить:
Мені тамъ добре буде жить.

Степныя воды, насильственно задерживаемыя и лѣниво перепадающія съ колеса одной мельницы на колесо другой, большею частью, солощавы и горьковаты, отъ содержащихся въ нихъ солено-кислаго и сѣрно-кислаго натра и магнезіи. Рѣдко бываетъ лучше и подземная вода, получаемая изъ копаней и колодезей, которыми избуравлена всякая населенная мѣстность, начиная отъ главнаго въ краѣ города до послѣдняго хутора.

Мокрыя балки могли быть, въ старыя времена, каналами съ живымъ теченіемъ. Этими каналами, какъ мы видѣли выше, вода набѣгала въ котловины, а котловины были бассейны, въ которыхъ задерживались запасы прѣсной воды по всей приморской полосѣ. Нельзя думать, чтобъ эти водохранилища были и прежде такъ тощи, какъ теперь, потому что стоки, которыми выходилъ избытокъ воды въ морскіе заливы, оставили по себѣ большія русла, съ широко разработанными устьями. Здѣсь теперь пасутся стада и табуны. Весною, однако жъ, эти заимствованныя пастбища понимаются, не надолго водою, — и тогда столько находитъ сюда изъ морскихъ заливовъ судака и тарани, что одинъ нарочный, скакавшій съ нужными бумагами, при переѣздѣ чрезъ подобное наводнен-

ное пространство, былъ опрокинутъ, вмѣстѣ съ конемъ, быстро двигавшимися колоннами рыбъ. — Вотъ единственныя, въ своемъ родѣ, пространства, гдѣ попеременно разгуливаютъ волъ и судакъ, овца и тарань; гдѣ рыбакъ упираетъ свое длинное весло съ челна и чумакъ спускаетъ съ воза наконечникъ своего длиннаго батога.

РАЗСКАЗЪ ВТОРОЙ.

Курганы и балки.

Странное сравненіе родится въ воображеніи при общемъ видѣ степи, съ ея частыми продольными бороздами — балками. Это широкій листъ, разлинеенный для музыки. И по этимъ линейкамъ дѣйствительно пестрѣютъ головки нотъ — курганы. Когда-то, Богъ знаетъ когда, звучала по нимъ игра труда и жизни человѣка. Курганы тянутся стройными вереницами по берегамъ балокъ, по всему протяженію береговъ и и все въ мѣрномъ отъ нихъ разстояніи. Это неразлучные спутники каждаго углубленія въ гладкой степной поверхности. Гдѣ курганы, тамъ и балки, или котловины, съ водой, или безъ воды; гдѣ нѣтъ кургановъ, тамъ чистая, сухая гладь. Замѣчательна еще одна особенность: гдѣ курганы рѣдки, тамъ они малы, а балки мѣлки; а гдѣ посажены густо, тамъ и величина ихъ значительнѣе, и балки глубже. На Таманскомъ островѣ, они не вытянуты въ струну, какъ по степнымъ равнинамъ, — да тамъ вовсе нѣтъ и балокъ; тамъ встрѣчаются впадины другихъ очерковъ.

Около этихъ впадинъ, курганы сбиты въ кучу — и здѣсь они являются въ самыхъ большихъ размѣрахъ.

Курганы много оживляютъ степь. На нихъ отдыхаетъ взоръ, освѣжается вниманіе. Они шевелятъ эти сонныя балки и вмѣстѣ съ ними бѣгутъ. Безъ нихъ пришлось бы встосковаться отъ недостатка впечатлѣній въ этой безпредѣльной, безцвѣтной и неподвижной пустотѣ.

Что жъ они, эти бѣдныя пирамидки степи, гвоздевыя головки, въ сравненіи съ колоссами равнинъ египетскихъ? Не подаютъ ли онѣ руку съ береговъ степныхъ ручьевъ на берега Нила, чрезъ пространства морей и тысячелѣтій? Вѣдь и съ нихъ смотритъ, конечно, сорокъ вѣковъ, вѣдь и они тяготятъ землю въ качествѣ такихъ же безплодныхъ и безотвѣтныхъ сооруженій, какъ пирамиды фараоновъ.... Но нѣтъ, мы не пойдемъ въ страну Мемфиса и Ѳивъ, не пойдемъ такъ далеко и на такой ученой почвѣ искать разгадки такой скромной загадки, какъ наши курганы. Поищемъ ее дома, на мѣстѣ. Остановимъ вниманіе на этомъ тѣсномъ сочетаніи кургановъ съ балками. Да, изъ этого сочетанія углубленій и выпуклостей родится предположеніе, — если хотите, очень смѣлое, но, кажется, близкое къ здравому смыслу, — предположеніе, что балки и котловины, къ которымъ онѣ направлены, вырыты, а курганы насыпаны.

«Это что за новая, антиклассическая мысль такая? Коликократно....»

Позвольте, позвольте. Что курганы не вышли изъ рукъ Творца вселенной, это не требуетъ доказательствъ. Еще менѣе они могли быть набросаны кротами,

или волнами всемірнаго потопа: они расположены съ разсчетомъ, по мѣркѣ и по линейкѣ. Стало быть, это трудъ человѣка, трудъ разумный, долженствовавшій окупаться положительной выгодой и пользой. Но тутъ, конечно, вопросъ: что именно было цѣлью этого труда — вырытіе ли балокъ, или насыпка кургановъ? Разумѣется, и то, и другое вмѣстѣ. Иначе не было бы этой гармоніи между тѣмъ и другимъ. Балки вырывались для ускоренія осушки низменныхъ равнинъ и для усиленія слабаго естественнаго орошенія пастбищныхъ луговъ, а курганы насыпались для жилищъ, или, лучше сказать, для крѣпкихъ убѣжищъ троглодитамъ.

«Вотъ въ какую даль вы, на своемъ козацкомъ скакунѣ, махнули! И безъ дороги, audacissime! Но не желаете ли обратить вниманіе на то, что между шириною и глубиною балокъ и объемомъ соотвѣтствующихъ имъ кургановъ нѣтъ пропорціи? Non est modus».

Такъ, дѣйствительно такъ. Да и не должно быть иначе. Въ первоначальномъ видѣ, балки были легкія канавы. Человѣкъ понялъ мановеніе природы и помогъ ей; дѣйствіемъ водъ канавы углубились и расширились. Курганы же, напротивъ, отъ времени, — виноватъ, подъ тяжкою пятою вѣковъ, осѣли и сократились.

«Однако, attamen, обрѣтаемые въ курганахъ предметы доказываютъ, что это были не жилища живыхъ людей, а мѣста вѣчнаго покоя умершихъ, — и на аргументахъ, изъ самыхъ нѣдръ сихъ холмовъ извлеченныхъ, утвердилось общее достопочтенное мнѣ-

ніе, что курганы возводились надъ прахомъ героевъ, аки надгробные памятники, tumuli....»

Слушаю и присовокупляю: въ нѣдрахъ кургановъ находятся также клады, по курганамъ направляются степные наѣздники, на курганы выставляется сторóжа; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ курганы были сооружены, какъ кладовыя, какъ указатели дорогъ, какъ подмостки для наблюдательныхъ постовъ. Все это значенія вторичныя, третичныя, товаръ изъ третьихъ и четвертыхъ рукъ. Обширный народный трудъ ископанія балокъ и возведенія кургановъ долженъ быть отнесенъ ко времени первоначальнаго заселенія этой мѣстности людьми. Должны были поднять этотъ трудъ первые поселенцы, потому что имъ не посчастливилось найти на своемъ новосельи готовыхъ пещеръ и готовыхъ рѣкъ. Рыли же люди тѣхъ временъ Меридово озеро и возводили висячіе сады Семирамидины. А здѣсь было гораздо легче и проще. Ручеекъ и водоскатъ служили ватерпасомъ. Одна работа давала матерьялъ для другой. Прошли, конечно, вѣка. На послѣднемъ курганѣ человѣкъ начертилъ первый брульонъ башни, и явился городъ. Тогда-то первобытныя убѣжища, земляные шатры и вмѣстѣ крѣпкіе зàмки людей — курганы перешли отъ живыхъ къ покойникамъ. Поколѣнія за поколѣніями входили и истлѣвали въ нихъ; тѣсноты не было. Любовь, уваженіе и суевѣріе хоронили въ нихъ, вмѣстѣ съ покойниками, золото и другія драгоцѣнности, уцѣлѣвшія до ближайшихъ къ намъ временъ и явившіяся на свѣтъ доказательствами гробоваго значенія кургановъ. И потомъ,

когда курганы вошли въ обычай въ качествѣ хранилищъ праха предковъ, нѣтъ ничего мудренаго, что, въ подраженіе первобытнымъ холмамъ, насыпались надъ прахомъ героевъ и новые, прямо уже какъ надгробные памятники. Но эти вторичные, подражательные курганы не могли составить такой стройной, осмысленной системы, въ какой являются спутники балокъ Черноморья.

Итакъ, itaque, эти улицы кургановъ на балкахъ Черноморья (на другія мѣстности не смѣемъ распространять наше торжественное itaque) были сперва колыбелью, а по времени сдѣлались могилой смертныхъ. Сколько въ мірѣ вещей и дѣлъ, испытавшихъ подобные обороты! И въ настоящее время, если встрѣчаются курганы близь куреня и хутора, они бываютъ увѣнчаны надгробными крестами. Прахъ Тарасенка смѣшивается съ прахомъ Набудонабоназара. И нерѣдко, съ верхняго конца новаго деревяннаго креста, развѣвается бѣлый платъ. Это знакъ, что въ курганѣ затворился на вѣчный покой козакъ военнослуживый. Скоро вѣтеръ оторветъ бѣлый платъ и унесетъ въ степь. Выйдетъ на курганъ козачка и, безъ мысли про покойника, будетъ грызть подсолнушки да выглядывать, не идетъ ли съ поля ея овечка. А потомъ, при угрожающемъ набѣгѣ Черкесъ, старый скупецъ тамъ же схоронитъ свой кувшинъ съ серебромъ. Найдутъ его чрезъ сорокъ вѣковъ, напишутъ сорокъ диссертацій, и стрѣлы гипотезъ будутъ летѣть на тысячу лѣтъ въ сторону отъ мишени.

Любопытство, алчность и религіозная нетерпи-

мость поколѣній, прежде жившихъ, почти уже ничего не оставили, внутри кургановъ, на память, или лучше сказать — въ поживу нынѣшнему населенію. На Таманскомъ островѣ, предпринимаются, однако жъ, и не безъ успѣха, археографическія раскопки кургановъ, наиболѣе кажущихся нетронутыми. Видъ и положеніе находимыхъ въ нихъ предметовъ показываютъ, что это лишь остатки, проскользнувшіе сквозь пальцы давнишнихъ нарушителей безопасности послѣдняго убѣжища человѣка. Эти остатки могли задержаться въ могильныхъ холмахъ отъ поспѣшной, или неискусной разрывки ихъ. Опустошеніе могилъ могло совершаться не открыто, а тайно, какъ дѣйствіе, возмущающее человѣческое сердце, или какъ такое дѣйствіе, которое человѣкъ любитъ совершать безъ товарищей и свидѣтелей, чтобы избѣжать чрезъ то непріятности дѣлиться находкой. Внутри одного кургана найдены были два скелета, съ остатками заступовъ. Положеніе скелетовъ и присутствіе при нихъ заступовъ показывали ясно, что это были обкрадыватели мертвецовъ, что, подкопавшись украдкой подъ курганъ, они погребены были живьемъ, случившимся заваломъ штольны. Наконецъ, и то еще можно замѣтить, что на многія вещи, находимыя въ послѣднемъ покоищѣ человѣка, прежніе курганокопатели смотрѣли не лучше, какъ басенный пѣтухъ на жемчужное зерно. Такъ, въ нѣкоторыхъ курганахъ найдены были, удивительной работы, глиняные сосуды (по большей части греческія lacrymaria), разбитые въ черепки. Разбила ихъ обманутая алчность вандализма.

Ограбленіе кургановъ могло быть совершено, или Аравитянами VIII вѣка, утверждавшими новую вѣру на развалинахъ алтарей и всего, что находилось въ какомъ-либо соотношеніи съ ними, или Монголами XIII вѣка, основывавшими свое господство на развалинахъ современной цивилизаціи и всего, что только служило ей какимъ-либо выраженіемъ. Вѣрно, по крайней мѣрѣ, то, что совершено оно давнымъ-давно: ибо курганы, послѣ перваго разрытія, успѣли, къ нынѣшнему времени, закрыть свои раны и вновь принять свою первобытную коническую форму.

Нельзя, кажется, ожидать этого послѣ поисковъ нынѣшнихъ искателей древностей. Эти минеры археологіи, раздирая могильные холмы отъ маковки до подошвы, не берутъ на себя заботы возвращать имъ, по возможности, прежній видъ. Жаль, что заступъ науки искажаетъ этакъ самую характеристическую черту Черноморскаго края. Трудно выразить тягостное впечатлѣніе, какое производитъ на проѣзжаго отталкивающій видъ этихъ возмущенныхъ и перебуравленныхъ кладбищъ, этихъ тысячелѣтнихъ могилъ, выставляющихъ свою внутренность, разглашающихъ свою завѣтную тайну.

РАЗСКАЗЪ ТРЕТІЙ.

Почва. Естественныя произведенія.

Исключая Таманскій островъ, Земля Черноморскихъ козаковъ состоитъ изъ сплошнаго чернозема, съ глинистою подпочвою. Нигдѣ ни песковъ, ни камня, ни другихъ минераловъ. Въ южной полосѣ, гдѣ почва освѣжается живыми теченіями Кубани и ея отраслей, слой чернозема глубже и жирнѣе, а въ сѣверной, напротивъ, мѣльче и черствѣе. Здѣсь, по маловодью и, можетъ быть, по сосѣдству соляныхъ озеръ, лежащихъ на одномъ уровнѣ съ землей, почва проникнута солями и щелочами, сообщающими ей тягучесть и вялость. Въ южной полосѣ, все растетъ скорѣе и въ бо́льшихъ размѣрахъ, чѣмъ въ сѣверной. Зато въ этой послѣдней, у береговъ Азовскаго моря и р. Еи, землѣ дана особенная способность производить пшеницу «арновку», извѣстную въ торговлѣ подъ именемъ твердаго хлѣба (blé dur) и, преимущественно предъ другими сортами, выдерживающую дальнія перевозки чрезъ моря.

Въ земледѣльческомъ отношеніи, весь Черноморскій край имѣетъ ту невыгоду, что онъ слишкомъ

открытъ для сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, лѣтомъ палящихъ, зимою пронзительно холодныхъ, вымораживающихъ посѣвы и насажденія. А потому подобную мѣстность не должно разбирать и оцѣнивать по одному составу и качеству почвы, внѣ соотношеній ея съ воздухомъ. Что щедро производитъ и матерински живитъ земля, то неожиданно убиваетъ воздухъ. И тогда выходитъ, что «земля есть поядающа живущія на ней».

На Таманскомъ островѣ — черноземъ сѣрый, легкій и какъ-бы очищенный. Здѣшняя почва несравненно нѣжнѣе грубой, хотя и сильной, почвы степнаго пространства; не спекается лѣтомъ, не смерзается зимою до твердости камня, какъ наземная кора степи. Она растворена пескомъ и согрѣта глубо́ко кроющеюся въ ея нѣдрахъ, горною нефтью. Снѣгъ на ней никогда не лежитъ долго. Какъ всѣ вулканическія почвы, Таманская земля очень плодородна, и плодородіе ея постояннѣе, надежнѣе, чѣмъ плодородіе лимфатической почвы «на рѣчкахъ», какъ называется у козаковъ степное Черноморье. Тамъ хлѣбородная сила земли — что́ соломенный огонь: дастъ обильный плодъ годъ-другой, а тамъ и испарится на продолжительное время, — и отощавшая нива гонитъ одинъ бурьянъ. Таманская пшеница отличается желтымъ, янтарнымъ цвѣтомъ и способностью сохраняться долго въ амбарахъ и путешествовать далеко на корабляхъ. Таманскіе арбузы пользуются извѣстностью даже въ Крыму.

При обильныхъ дождяхъ съ весны и подъ вліяніемъ западныхъ и южныхъ вѣтровъ въ продолженіе лѣта,

Земля Черноморскихъ козаковъ производитъ съ успѣхомъ всѣ роды хлѣбовъ, овощей, масляныхъ и прядильныхъ растеній, свойственныхъ южной полосѣ Россіи. Исчисленіе ихъ было бы безполезно. Урожай хлѣбовъ бываетъ — «на рѣчкахъ», до самъ-тринадцати, а на Таманскомъ островѣ, до самъ-двадцати.

Но, будучи скорѣе лугомъ, чѣмъ пахатной полосой, Черноморье отличается силою и разнообразіемъ своей флоры. На пространствѣ нѣсколькихъ десятинъ, вы можете встрѣтить, изъ луговыхъ травъ: разную дятлину или орѣшекъ, разнаго рода горошекъ и другія стручковыя, разныхъ видовъ колосистыя травы, ковыль, ароматную сывороточную траву, козлятникъ, кровохлебку (sanguisorba officinalis), цикорію, яругку, куколь, полевой шалфей, посконникъ, василисникъ, незабудку.

Желтоцвѣтущій «бурунчукъ», то есть, желтая дятлина, trifolium campestre, служитъ вѣстникомъ созрѣванія травы для покоса. Лишь показалъ онъ цвѣтъ, козакъ отбиваетъ косу, набираетъ воду въ боченокъ и сбирается на покосъ. Это бываетъ обыкновенно за двѣ недѣли до Петрова-дня. Пушистый и бѣлый, какъ пѣна, ковыль покрываетъ большія пространства степи по рѣкамъ Бейсугамъ и Чолбасамъ. Это растеніе служитъ отличительнымъ признакомъ земли дѣвственной. Прасолы даютъ ему таинственное, покровительствующее ихъ занятію, значеніе, и украшаютъ имъ свои кибитки и становища.

Изъ растеній, употребляемыхъ въ мануфактурѣ, медицинѣ и на кухнѣ, находятся: вайда, ворсянка,

марена, кермекъ, солодковый корень, бузина, ромашка, сурѣпа, кунжутъ, горчица, спаржа, дикій чеснокъ и хрѣнъ. Послѣднимъ особенно изобилуетъ Таманскій островъ. Здѣсь корень хрѣна бываетъ такой толщины и уходитъ на такую глубину въ нѣдра земли, какъ якорный канатъ, брошенный въ морскую пучину.

Сокровища дубильнаго вещества, кермека кроются преимущественно въ прикубанской полосѣ.

По сочно-черноземному пространству всей южной полосы встрѣчаются терновники и другихъ породъ кустарники. Это слабая тѣнь давно истребленныхъ лѣсовъ и вмѣстѣ указаніе на способность почвы къ произращенію новыхъ. За лѣсоводствомъ пошло бы успѣшно и садоводство. Чтобъ воспитывать виноградную лозу, надобно прежде имѣть подъ рукою тычину. Виноградная лоза, орѣховое дерево, персиковое дерево, черешня, шелковичное дерево и другія въ этомъ родѣ растутъ съ полнымъ успѣхомъ. Нуженъ только заботливый уходъ за ними, пока они въ младенчествѣ, надобно пеленать и кутать ихъ на зиму, чтобъ сѣверовосточные вѣтры не выморозили ихъ корня, а зайцы не обгрызли ихъ коры. Слабые опыты садоводства встрѣчаются повсемѣстно. Лѣсоводство покамѣсть ограничивается насажденіемъ однихъ скорорастущихъ и не долговѣчныхъ породъ: тополи, вербы, ольхи и акаціи, которыя осѣняютъ заборы дворовъ, рубежи хуторскихъ «левадъ» (дачь), берега рѣчекъ и окраины плотинъ, скрѣпляя рыхлый составъ этихъ послѣднихъ.

Въ нѣсколькихъ мѣстахъ по Кубани сбережены

остатки лѣсовъ и кустарниковъ; они взяты въ войсковое вѣдомство. Подъ ними 11,562 десят. земли. Господствующія въ нихъ породы: дубъ, ясень и берестъ, или вязъ. Около старыхъ городищъ, по правому берегу Кубани, попадаются кое-гдѣ остатки виноградниковъ, въ одичаломъ состояніи, — печальные слѣды существованій, нынѣшнимъ жильцамъ невѣдомыхъ. Народы оставляютъ память по себѣ не въ однихъ развалинахъ гордыхъ сооруженій, но и въ скромныхъ былинкахъ царства растительнаго. На Таманскомъ островѣ, плугъ козака проходитъ по бороздамъ, когда-то напаявшимъ виноградники. Отъ этой благородной земли, подававшей на пиры Грековъ чашу вдохновенія, теперь требуютъ только куска насущнаго хлѣба.

Когда-то Сицилія на Ѳракійскихъ водахъ Понта Эвксинскаго, Таманскій островъ рѣзко оттѣняется отъ унылыхъ степныхъ равнинъ не только живописнымъ видомъ своихъ холмовъ и водъ, но и минеральнымъ содержаніемъ почвы. Господствующими въ ней породами представляются глины и пески. Первыя встрѣчаются въ соединеніи съ иломъ, известью и слюдою, и бываютъ желтаго, краснаго, бураго и сине-чернаго цвѣтовъ. Пески, большею частью, являются съ окисломъ желѣза, иногда спекшіеся въ твердыя массы, безъ видимаго цемента, цвѣтовъ преимущественно желтыхъ, изкрасна-бурыхъ и чисто бѣлыхъ, блестящихъ. Между песками и глинами залегаютъ второстепенными породами: известнякъ, песчаникъ, гипсовый шпатъ, алебастръ, селенитъ, сѣрный и желѣзный колчеданъ и бурый желѣзнякъ (водянистое, оки-

сленное желѣзо). Выше Таманскаго куреня, по направленію къ мысу «Лысая гора», могутъ добываться известнякъ, совершенно годный для построекъ, и чугунная руда. Надъ Ахданизовскимъ лиманомъ, въ нѣдрахъ мыса «Дубовый рынокъ», и въ холмистыхъ окрестностяхъ Бугазскаго гирла, подозрѣвается существованіе каменнаго угля.

Вершины высотъ около Ахданиза дышатъ сопками, извергающими тонкій, пепелистый илъ и соленую воду, съ сѣрно-водороднымъ газомъ. Изъ сомкнувшихся кратеровъ потухшихъ вулкановъ, по козацки «горѣлыхъ могилъ», около Фанагоріи, бываютъ по временамъ огненныя изверженія, которымъ предшествуютъ оглушительные, потрясающіе окрестность, взрывы. Тогда бѣдные жители не знаютъ отъ страха, куда дѣваться. Но пробужденіе вулкановъ не бываетъ продолжительно. Чрезъ нѣсколько минутъ, они снова погружаются въ свой вѣковой сонъ, и все вокругъ нихъ приходитъ въ обычный порядокъ. Спятъ вулканы, изрѣдка возмущаютъ ихъ глубокій сонъ безпокойныя грезы, — и кто изъ мудрецовъ истолкуетъ намъ значеніе ихъ сновъ!

Въ окрестностяхъ куреней Вышестебліевскаго и Старотитаровскаго, также въ урочищѣ «Чижиковомъ пеклѣ» и въ сѣверо-западномъ углу острова, на берегу Азовскаго моря, находятся источники нефти, черной и бѣлой (горное масло, pétrole), которая добывается, въ первыхъ трехъ мѣстахъ, изъ колодцевъ, со вставленными въ нихъ плетневыми втулками, а въ послѣднемъ — изъ песку, посредствомъ разноса мор-

скаго берега, имѣющаго здѣсь отвѣсной высоты более 25 сажень. Подъ этой высотою, ниже разныхъ песковъ, глинъ, щебня и мелкихъ раковинъ, залегаетъ пластъ песку сѣраго, пресыщеннаго нефтью до состоянія тѣста. Ширина флеца тринадцать, длина восемдесятъ сажень. Это самый обширный пріискъ, занимающій до ста работниковъ. Вообще же годовая добыча нефти, во всѣхъ показанныхъ мѣсторожденіяхъ ея, можетъ простираться отъ 1,000 до 3,000 вѣдеръ, на сумму отъ 500 до 1,500 руб. сер. Пріискъ скудный, едва окупающій труды и издержки операціи.

Предъ приходомъ козаковъ на Таманскій островъ нефтяные источники были заколочены и засыпаны прежними обитателями этой мѣстности. Спустя уже тридцать почти лѣтъ, были они вновь открыты.

Въ вѣковыхъ болотахъ, прикубанскихъ и приморскихъ, лежатъ цѣлыя пространства торфа, на который не обращено еще никакого вниманія, то есть, на который не пришла еще нужда. Тамъ же водятся піявки, ловля которыхъ давно уже вошла въ область промышленности. Но о промышленности и ея предметахъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ.

РАЗСКАЗЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Климатъ. Народное здоровье. Старые годы.

По географическому положенію (45° с. ш.) и слабому возвышенію своему надъ морскимъ уровнемъ, Черноморье должно считаться теплымъ краемъ. Дѣйствительно здѣсь больше тепла, чѣмъ холода, больше солнца, чѣмъ облаковъ. Но, въ слѣдствіе своей гладкой поверхности и открытаго положенія на сѣверъ, этотъ южный край вчастую испытываетъ холода сѣверной зимы. Сосѣдство же двухъ морей и Кавказскихъ горъ дѣлаетъ климатъ его измѣнчивымъ и непостояннымъ въ высшей степени. Одно время года впадаетъ въ другое, переходы отъ тепла къ стужѣ, отъ ливня къ засухѣ, отъ мертвой тишины къ бурѣ совершаются мгновенно, — и если гдѣ, то особенно здѣсь не слѣдуетъ хвалить день прежде вечера. Народъ, со всей точностію опредѣлилъ свой климатъ въ поговоркѣ: «до Святого Духа не кидайсь кожуха, а по Святомъ Дусі, у тому жъ кожусі». Это значитъ: ни въ какое время года не будь довѣрчивъ къ климату.

Иногда громъ прогремитъ въ декабрѣ, а на другой день ударитъ трескучій морозъ. Иногда въ ян-

варѣ стоитъ сухая и ясная погода, въ февралѣ идутъ дожди, а въ мартѣ падаетъ снѣгъ и свирѣпствуетъ вьюга, и запоздалая стужа пришибаетъ молодую, слишкомъ рано вызванную изъ довѣрчивой почвы, зелень въ поляхъ и почки въ садахъ.

Виноградная лоза на зиму закрывается. По замѣчаніямъ, она боится холоду только въ мартѣ, когда соки ея начинаютъ приходить въ движеніе. Изъ этого видно, что она могла бы зимовать на открытомъ воздухѣ, подъ одной естественной защитой своей коры, если бъ зима не переходила за указанную ей въ календарѣ черту. А какъ это случается слишкомъ часто, то весна бываетъ бурная, сырая и холодная. Потомъ вдругъ наступаютъ жары. Въ маѣ они доходятъ уже до 27°, а среди лѣта до 50° Р на солнцѣ. Въ лѣтнее время, сильныя грозы и градъ — явленіе самое обыкновенное. Лѣтомъ, отъ продолжительнаго зноя, зимою, отъ безснѣжной стужи, земля спекается и разсѣдается широкими трещинами. Самое пріятное время года подъ небомъ Черноморья — осень. Въ сентябрѣ и октябрѣ бываетъ, по большей части, сухо, ясно, тепло и тихо. Листъ на деревѣ держится долго. Солнце свѣтитъ кротко и привѣтливо. Esse phoebi dulcius lumen solet, jamjam cadentis.... Все, что имъ освѣщено, кажется приласканнымъ, пьющимъ наслажденіе изъ его лучей и дремлющимъ въ нѣгѣ. Тогда и самъ не ищешь тѣни, а желаешь быть облитымъ съ головы до ногъ этимъ сладостнымъ свѣтомъ. И слышишь тогда во всѣхъ звукахъ природы любящій голосъ: «Дѣти мои, еще малое время я съ ва-

ми....» Тихо идетъ это прекрасное время, а уходитъ скоро. Наступаетъ ноябрь, съ его свинцовымъ небомъ, съ его дождями и туманами, а тамъ и Николинъ-день, съ морозомъ и инеемъ. Самые сильные морозы (до 28°) бываютъ около Рождества. Въ эту пору становится Кубань. Стужа приходитъ обыкновенно на голую землю, безъ снѣгу. Взъерошенная и внезапно застывшая грязь представляетъ тогда изъ улицъ, въ мѣстахъ населенныхъ, и изъ дорогъ, въ открытомъ полѣ, чудовищныя терки, по которымъ ходьба, или ѣзда ни у кого не вырываетъ пріятныхъ восклицаній. Во всей силѣ слова, бываютъ тогда *строптивые пути* на войсковой землѣ.

Въ продолженіе зимы снѣгъ падаетъ часто, но не лежитъ долго: или таетъ онъ отъ теплаго солнца и сыраго вѣтра съ моря, или смывается дождями. Санямъ службы мало. Если зима нѣсколько лѣтъ сряду была слабая и короткая, какъ говорятъ здѣсь, «сиротская», то потомъ непремѣнно явится лютая и продолжительная, какъ-бы наверстывающая, за одинъ разъ, недоимки и упущенія многихъ лѣтъ. И тогда-то бываетъ гибель на стада у оплошныхъ хозяевъ.

Атмосфера и народное здоровье видимо подчинены вліянію вѣтровъ. Среди зимы и среди лѣта дуетъ съ напряженіемъ, какъ-бы подобранный на короткіе поводья, сѣверо-восточный вѣтеръ (у Черкесъ «негхкой»), провожатый всѣхъ невзгодъ для края: лѣтомъ — засухи, зимою — рѣзкаго, глубоко проникающаго холода.

Про него можно повторить здѣсь слова, сказанныя

подъ другимъ небомъ: «Изъ всѣхъ вѣтровъ, заключенныхъ въ мѣхахъ Эола, онъ самый злой, коварный и опасный. Какъ сила дурнаго глаза, губительно его вліяніе; какъ чаша испитой неблагодарности, снѣдаетъ грудь ядовитое дуновеніе его. Вѣрный союзникъ смерти, онъ вздуваетъ парусъ Харона и носитъ на крыльяхъ своихъ болѣзнь и заразу. Только угрюмаго могильщика радуетъ мрачный пришлецъ изъ странъ далекихъ и пустынныхъ. И слышатся въ воѣ его стоны и вопли несчастныхъ страдальцевъ. Безотрадно несется онъ, несопутствуемый ни однимъ изъ сладкихъ ароматовъ странъ цвѣтущихъ. Только печаль и уныніе оставляетъ онъ на широкомъ пути своемъ. Не защищаютъ отъ него, ни стѣны каменныя, ни яркое пламя, ни одежда теплая....»

Сѣверо-восточный вѣтеръ производитъ лѣтомъ разслабленіе и отвращеніе отъ труда на воздухѣ, а зимою насылаетъ катарры, колотья, ревматизмы. На смѣну ему поднимается съ Чернаго моря юго-западный вѣтеръ, теплый, порывистый, сырой, брызжущій дождями. Подъ его вліяніемъ возникаютъ лихорадки, горячки, рожистыя воспаленія лица. Переходъ юго-западнаго вѣтра въ сѣверо-западный сопровождается внезапнымъ градомъ, или снѣгомъ.

Въ теченіе лѣта и зимы тихіе дни рѣдки. Вѣтры дуютъ почти исключительно угловые и весьма рѣдко прямые. Послѣдніе поднимаются не иначе, какъ въ скоротечныхъ и потрясающихъ буряхъ. Ртуть въ барометрѣ не поднимается выше 30 дюймовъ и неопускается ниже 28 дюймовъ и 8 линій. Высокое

стояніе ртути бываетъ при дѣйствіи сѣверо-восточнаго, а низкое — юго-западнаго вѣтра.

Воздухъ, въ составныхъ своихъ частяхъ, по сдѣланнымъ испытаніямъ, не обнаруживаетъ рѣзкихъ уклоненій отъ обыкновенныхъ пропорцій; но нельзя не допустить въ механико-химической его смѣси присутствія постороннихъ частей, какъ вѣсомыхъ, такъ и неуловляемыхъ орудіями науки. Присутствіе водяныхъ частей въ воздухѣ обличается обыкновенной его сыростью. Въ кладовыхъ господствуютъ затхлость, плесень, ржавчина. Въ закромахъ и погребахъ жизненные припасы подвергаются скорой порчѣ, вина — окисанію. Дерево самое крѣпкое скоро согниваетъ въ землѣ. Живыя деревья въ садахъ покрываются гусеницею, мхомъ, грибовидными наростами и язвами, истощающими ихъ обильные соки, а въ сердцевинѣ поражаются чахоточною трухлостью. Къ этимъ явленіямъ присоединяются частые туманы и весьма обильныя росы. Наконецъ послѣднее свидѣтельство о густотѣ воздуха является въ лѣтнихъ маревахъ, или миражахъ, такъ здѣсь обыкновенныхъ. Примѣсь водяныхъ частей въ воздухѣ происходитъ отъ близости горъ, брызжущихъ водами, отъ смежности морей и болотистыхъ пространствъ, которыя постоянно бродятъ и испаряются, то нагрѣваясь послѣ зимняго охлажденія, то остывая отъ глубоко проникнувшаго ихъ лѣтняго жара. И притомъ глинистая подпочва степей не способна проводить далеко въ глубину падающія на поверхность земли, въ дождяхъ и снѣгахъ, орошенія.

Изъ болотъ, облегающихъ край съ трехъ сторонъ и загроможденныхъ сорными, разлагающимися на корнѣ, растеніями, отдѣляются тлетворныя вещества, производящія желчную лихорадку, на козацкомъ языкѣ «корчій», на черкесскомъ «тхегхау». Эта топическая на всемъ Подкавказьи болѣзнь имѣетъ здѣть характеръ скорѣе эпидемическій, чѣмъ спорадическій. Она возникаетъ по мѣрѣ возвышенія лѣтнихъ жаровъ и достигаетъ своей апогеи въ августѣ. Тогда уцѣлѣвшіе отъ лихорадки составляютъ содержаніе къ испытавшимъ ее, какъ 2: 10. Полевые труды, въ потѣ чела, подъ знойнымъ небомъ, при недостаткѣ здоровой воды, распространяютъ и раздражаютъ, а обильные сборы плодовъ и овощей, особенно дынь, питаютъ болѣзнь въ народѣ. Свѣжая рыба и раки степныхъ прудовъ, раки — любимое pour la bonne bouche козацкой вечери — такъ же не благопріятствуютъ народному здоровью.

Эпидемическая холера, посѣтившая Кавказъ въ 1832, 1847 и 1848 годахъ, дѣйствовала на Черноморьи не такъ сильно, какъ въ мѣстахъ, болѣе здоровыхъ. Въ куренѣ Стороджерелієвскомъ, поселенномъ самымъ невыгоднымъ образомъ для жизни, среди болотъ протоцкой полосы, и неимѣющемъ среди лѣта годной для питья воды ближе, какъ верстъ за пять, холера вовсе не дѣйствовала. Не отъ того ли, что жители пьютъ тамъ воду не свѣжо почерпнутую, а подержанную въ посудѣ извѣстное время, требующееся для ея перевозки?

Отъ лихорадокъ страдаютъ наиболѣе жители болот-

ной прикубанской полосы и войска, занимающіе кордонную линію. Тамъ, по роду своей службы, козакъ, и днемъ, и ночью, подвергается вліянію открытаго воздуха и держится въ мѣстахъ, выгодныхъ въ тактическомъ и невыгодныхъ въ гигіеническомъ отношеніи. Въ степной и приморской мѣстности дѣйствія болѣзни не такъ сильны, а въ возвышенной части Таманскаго острова, почти незамѣтны.

Степь, поэтическій удѣлъ козачьяго житья-бытья, могла бы пользоваться лучшимъ воздухомъ, если бъ не была засорена множествомъ добровольно созданныхъ лужъ, изъ которыхъ лѣтняя атмосфера черпаетъ свои міасмы. Это запруды на балкахъ, о которыхъ было уже говорено выше. Скудныя степныя водоскопища отъ застоя и тепла подергиваются зеленой плесенью, задвигаются иломъ и производятъ камышъ, — растеніе вредное своими испареніями и разложеніемъ въ водѣ своихъ пней, недоступныхъ, ни для косы, ни для огня. Грязные «ставы» (запруды), нерѣдко разрушаемые весенними наводненіями, терпѣливо возстановляются и поддерживаются для водопоя стадъ и для работы мельницъ. Камышъ не искореняется, а напротивъ поддерживается, какъ необходимое въ хозяйствѣ добро, какъ топливо, кровельный и городильный матеріялъ.

Не вдаваясь въ разсужденіе о томъ, больше ли выгодъ, или больше лишеній принесло бы народу отсутствіе запрудъ и гатей на степныхъ балкахъ, — не на всѣхъ конечно, но на бо́льшей ихъ части, — выполнимъ печальную обязанность показаніемъ еще од-

ной болѣзни, свойственной обозрѣваемому нами краю. Это цынга, гнѣздящаяся въ жилищахъ бѣдности и неопрятности, заносимая нерѣдко служивыми козаками изъ закубанскихъ укрѣпленій, а иногда развивающаяся и дѣйствующая эпидемически. Лихорадка и цынга, эти два мѣстные бича народнаго здоровья, если не истребляютъ, то замѣтно перераживаютъ народонаселеніе, въ основаніе котораго призвано было племя крѣпкаго закала.

Мирные Черкесы, обитатели прикубанскихъ болотъ лѣвой стороны, предохраняютъ себя отъ цынги чрезвычайно воздержнымъ и подвижнымъ образомъ жизни, а также обильнымъ употребленіемъ въ пищу перцу, чесноку и луку. Мать, желая отвязаться отъ докучающаго ей ребенка, сунетъ ему въ руку луковицу, и тотъ ее съѣстъ безо всего, съ утѣшеннымъ и веселымъ видомъ, словно пряникъ.

Пока климатъ этого края улучшится мѣрами, зависящими отъ человѣческой воли и предпріимчивости, пока это будетъ, — а вотъ, по сказкѣ старожиловъ, на ихъ вѣку, произошли въ температурѣ мѣстной атмосферы видимыя измѣненія: зимы сдѣлались гораздо суровѣе противъ старыхъ годовъ. Въ тѣ годы не знали, какъ на зиму припасать для стада сѣно, а для пастуха кожухъ; въ тѣ добрые годы озимыя запашки полей оканчивались предъ Рождествомъ, а яровыя начинались послѣ Крещенья.

Тогда житье было на козачинѣ. Какое диво, что [само небо было къ намъ ласковѣе! Мы величили другъ другу братомъ, а кошеваго отамана батькомъ.] Такъ

оно было и на самомъ дѣлѣ. Мы не чувствовали тѣсноты въ свѣтличкѣ о трехъ окнахъ, подъ низко-спущенной камышевой крышей, гдѣ, на свѣтаньи Божьяго дня, звонко чиликали воробьи, благодарные за ночлегъ подъ однимъ съ нами смиреннымъ кровомъ. Наши матери и молодицы разъѣзжали въ стародубовскихъ кибиткахъ, въ которыхъ только и роскоши было, что мѣдныя головки на «цвяшкахъ» (гвоздикахъ); а мы-то, мы съ пренебреженіемъ смотрѣли на колеса, — и насъ носили стремена. Стремя было для козацкаго чобота, что крыло для пяты Меркурія. На дружескихъ пирахъ мы пили свою родную варенуху, услаждали вкусъ мнишками, а слухъ цымбалами, — и, подъ ихъ разудалое, задирающее за живое, бряцанье, отплясывали журавля да метелицу. Пуля и даже сабля не брали насъ въ бою, затѣмъ что никто изъ насъ назадъ не оглядывался (1). У домашняго очага мы были недоступны, ни для корчея, ни для иной злой немочи, — не было преждевременныхъ морщинъ, за которыя могли бъ они ухватиться. Все недоброе отъ насъ, какъ мячъ, отскакивало. Просто — житье было на козачинѣ.

Оплакивающій оное доброе время не берется быть истолкователемъ измѣненія, воспослѣдовавшаго въ климатѣ Черноморья, на памяти одного только поколѣнія людей. Но изъ его собственной памяти не ис-

---

(1) По козацкому повѣрью, заговоръ отъ пули и сабли можетъ быть дѣйствительнымъ только для тѣхъ, кто въ бою ни разу назадъ не оглянется. Условіе, sine qua non, и весьма основательно.

парились еще повѣствованія древнихъ историковъ о томъ, что за пятьсотъ лѣтъ до Рождества Христова Таврическіе Скифы, предпринявъ походъ въ Индію, переходили чрезъ Черное море по льду; что за сто лѣтъ до той же эры, Митридатъ сражался съ Скифами на льдахъ того же моря, и что, наконецъ, въ XI вѣкѣ, русскій удѣльный князь Глѣбъ, по льду Воспора Киммерійскаго, то есть Керчинскаго пролива, измѣрялъ разстояніе отъ Тмутаракани до Керчи. Выходитъ, что зима на Черноморьи не есть явленіе новое. Ничто не ново подъ луною.

РАЗСКАЗЪ ПЯТЫЙ.

Народность. Религія. Населенность. Жилища. Замѣчательныя поселенія. Слѣды старинныхъ селитебъ. Отличительныя черты въ быту общественномъ и семейномъ. Отличительныя качества нравственныя.

Черноморскіе козаки вышли изъ послѣдней Запорожской Сѣчи и населили нынѣшній свой край въ 1792 году. Къ первобытному ихъ населенію, состоявшему изъ двадцати тысячъ «куренныхъ» или служилыхъ людей, присоединились по времени — горсть Запорожцевъ, вышедшихъ изъ Турціи, подъ именемъ Буджацкихъ козаковъ, и два поселка добровольныхъ выходцевъ изъ-за Кубани — Черкесъ и Татаръ. Сверхъ этихъ маловажныхъ приселеній, сдѣланы были три раза значительныя переселенія на Землю Черноморцевъ Малороссійскихъ козаковъ, изъ губерній Полтавской и Черниговской. [1]

---

[1] Съ самого начала, въ 1792 году, перешло на Черноморье 13 тысячъ строевыхъ козаковъ и при нихъ до 5 тысячъ душъ женскаго пола. За тѣмъ, въ слѣдствіе особыхъ мѣръ правительства, подошло

Въ позднѣйшее время возникли въ предѣлахъ Черноморья два приморскія поселенія, съ особыми сословіями, не имѣющими ничего сходнаго съ сословіемъ козачьимъ. Мы будемъ касаться ихъ только въ показаніи статистическихъ цифръ; общія же свѣдѣнія и замѣтки о разныхъ сторонахъ народнаго быта и характера будутъ относиться всегда къ господствующему сословію козачьему.

Малороссійскіе козаки, изъ которыхъ набиралась Запорожская Сѣчъ, во все время ея существованія, —

еще въ-растяжку, въ видѣ отсталыхъ, до 7 тысячъ семейныхъ и безсемейныхъ козаковъ, находившихся на поселеніи въ разныхъ мѣстахъ Новороссійскаго края, послѣ упраздненія Запорожской Сѣчи. Это населеніе коренное.

Къ нему прибыло:

Въ 1808 году, до 500 добровольно возвратившихся изъ Турціи Буджацкихъ козаковъ, старинныхъ сѣчевыхъ односумовъ Черноморцевъ.

Въ 1809 — 1811 годахъ, переселенцевъ изъ малороссійскихъ губерній, Полтавской и Черниговской, 23,089 мужскаго и 16,672 женскаго пола душъ.

Въ 1821 — 1825 годахъ, вторыхъ переселенцевъ изъ тѣхъ же губерній 20,274 мужскаго и 19,689 женскаго пола душъ.

Въ пятилѣтіе 1845 — 1850 годахъ третьихъ переселенцевъ изъ тѣхъ же и отчасти изъ Харьковской губерній, да разныхъ вольноприписныхъ, все таки изъ Малороссіи, до 8,500 мужескаго и 7,000 женскаго пола душъ.

Добровольно вышедшихъ изъ-за Кубани, въ 1798 году, Черкесъ и, въ 1801 году, Татаръ, съ прибывавшими по одиначкѣ, до позднѣйшаго времени выходцами — къ первымъ изъ-за Кубани, къ послѣднимъ изъ Крыма, 1,000 душъ мужескаго и около того же числа женскаго пола. (Въ числѣ Черкесъ нѣсколько десятковъ семействъ очеркесившихся Армянъ и Грековъ).

А всего къ коренному населенію прибыло въ войсковой составъ: 53,363 мужескаго и 44,361 женскаго пола душъ.

кровные родичи Черноморцамъ; а потому приселенія ихъ, какъ ни были они значительны, не внесли никакой разноплеменности въ населеніе коренное, и въ настоящее время весь войсковой составъ черноморскаго народонаселенія носитъ одну физіономію, запечатлѣнъ одною народностью — малороссійскою. Самые инородцы (Черкесы и Татары), числительность которыхъ не простирается далѣе одной тысячи мужескаго пола душъ, исчезая въ массѣ господствующаго населенія, уже достаточно окозачились. Не мало удивляетъ захожаго Русскаго человѣка, когда Черкесъ заговоритъ съ нимъ языкомъ Пырятинскаго уѣзда. «Что за диво!» думаетъ Русскій человѣкъ: «нельзя сказать, чтобъ былъ хохолъ, а говоритъ — изъ рукъ вонъ.»

Черноморцы говорятъ малороссійскимъ языкомъ, хорошо сохранившимся. На столько же сохранились, подъ ихъ военною кавказскою оболочкою, черты малороссійской народности въ нравахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ, въ быту домашнемъ и общественномъ. Напѣвъ на клиросѣ, веснянка на улицѣ, щедрованье подъ окномъ, жениханье на вечерницахъ и выбѣленный уголъ хаты, и гребля съ зелеными вербами, и волъ въ ярмѣ, и конь подъ сѣдломъ — все напоминаетъ вамъ, на этой далекой кавказской Украинѣ, гетманскую Украину Наливайка и Хмельницкаго.

Мыслю, слѣдственно существую, сказано о Нѣмцахъ, по крайней мѣрѣ сказано это у нихъ. Пою, слѣдственно живу, можетъ быть сказано о племенахъ Славянскихъ. Такъ, старая пѣсня гетманской Украины живетъ неразлучно съ поколѣніями народа, перенесша-

го своихъ пенатовъ съ Днѣпра на Кубань, и звучитъ она тысячеустной повѣстью о славныхъ дѣлахъ и высокихъ качествахъ праотцевъ, въ завѣтъ правнукамъ, далеко ушедшимъ отъ предковскихъ могилъ....

За исключеніемъ небольшаго числа инородцевъ, всѣ черноморскіе жители, войсковаго состава, исповѣдуютъ греко-русскую вѣру, за неприкосновенность которой ихъ прадѣды пролили потоки крови въ борьбѣ съ нетерпимостью польскаго католичества. Расколовъ нѣтъ. Жертвующая преданность народа къ церкви безпредѣльна. Не бываетъ наслѣдства, самаго скромнаго, изъ котораго бы какая-нибудь часть не поступила на церковь. Въ этомъ отношеніи Черноморцы остаются вѣрны святому обычаю своихъ предковъ: отъ всѣхъ пріобрѣтеній меча и весла приносить лучшую часть храму Божію.

Инородцы, въ войсковомъ составѣ находящіеся, принадлежатъ къ послѣдователямъ суннитскаго магометанства: Татары — по задушевному вѣрованію, Черкесы по имени. Здѣсь кстати будетъ замѣтить, что, какъ Шапсуги, къ племени которыхъ принадлежатъ черноморскіе Черкесы, такъ и другіе закубанскіе горцы слабо привязаны къ исламу и недалеки отъ религіознаго индефферентизма. Когда первый, еще не знавшій, какъ взяться за свое дѣло, эмиссаръ Шамиля, Хаджи-Магометъ, явился среди Абадзеховъ (въ 1841 году) и заговорилъ къ нимъ, съ высоты корана, о правовѣріи, то дворяне, бывшіе въ числѣ первыхъ его слушателей, пожали отъ недоумѣнія плечами и холодно отозвались, что такія рѣчи прилично выслуши-

вать только мулламъ, а не благороднымъ уоркамъ (дворянамъ). Не дженетъ и гуріи корана, а страхъ стыда и желаніе извѣстности въ своемъ обществѣ, — чтобъ не сказать чувство чести и жажда славы, — одушевляютъ черкесскаго уорка на битвы и опасности. Въ недавніе годы умеръ у Абадзеховъ ста-двадцатилѣтній старецъ, послѣдній представитель того времени, когда горцы не были еще мусульманами, даже и по имени. Позднѣйшая турецкая пропаганда, наложившая клеймо ислама на окружавшія старца поколѣнія, не имѣла надъ нимъ никакого дѣйствія. Новое вино неудобно вмѣщается въ старый мѣхъ. Наконецъ, въ послѣднія минуты жизни абадзехскаго Маѳусаила, муллы приступили къ нему съ увѣщаніемъ, чтобъ, по крайней мѣрѣ, въ другой міръ явился онъ правовѣрнымъ, если не хотѣлъ быть таковымъ на семъ свѣтѣ. Ветхій днями горецъ не сдавался, и служители корана рѣшились испытать надъ нимъ послѣднее средство: пламеннымъ словомъ стали они рисовать воображенію умирающаго картины рая и ада, до которыхъ оставался ему одинъ только шагъ и между которыми проходъ такъ узокъ, какъ лезвее шашки. Тогда умирающій пришелъ въ волненіе, закрылъ глаза рукою и послѣднимъ, остававшимся у него голосомъ проговорилъ: «Не хочу въ вашъ адъ, не хочу и въ вашъ рай; дайте мнѣ спокойно уйти въ то мѣсто, куда ушли добрые и честные люди — мои сверстники.» И чрезъ минуту ушелъ.

Всѣхъ жителей въ предѣлахъ Черноморья, обоего пола:

Козачьяго сословія.	165,000 [1]
Городовыхъ сословій портоваго города Ейска	20,000
Нѣмецкихъ колонистовъ	220
Итого.	185,220 душъ.

Оставляя въ сторонѣ городъ Ейскъ и нѣмецкую колонію, войдемъ въ особенное разсмотрѣніе козачьяго населенія. Въ вышепоказанной общей цифрѣ 165 тысячъ, заключается мужескаго 85,000 и женскаго пола 80,000 душъ. Изъ двухъ милліоновъ трехъ сотъ тысячъ удобной, въ предѣлахъ Черноморья, земли, — за указными отводами ея для кордонной линіи, портоваго города Ейска и нѣмецкой колоніи, для войсковаго дворянства и духовенства, для почтовыхъ станцій и скотопрогонныхъ дорогъ, для рыболовныхъ, соляныхъ и нефтяныхъ промысловъ, для мельницъ и другихъ отдѣльныхъ надобностей, и наконецъ въ запасъ для имѣющаго увеличиться народонаселенія, — приходится въ дѣйствительный надѣлъ козаковъ по шестнадцати десятинъ на душу мужескаго пола.

Въ естественномъ движеніи козачьяго народонаселенія, среднимъ числомъ, родится 5,300 душъ; бракомъ сочетавается 1,250 паръ; умираетъ 4,000 лицъ. Приращеніе составляютъ 1,300 лицъ, въ годъ.

Число умирающихъ къ числу живущихъ относится, какъ 1 : 41.

---

[1] Въ этомъ числѣ значится 860 душъ обоего пола крѣпостныхъ дворовыхъ людей, большая часть [illegible]рыхъ предназначена къ поступленію въ козаки.

Число заключаемыхъ браковъ къ общему числу жителей относится, какъ 1: 132.

Число раждающихся къ общему числу жителей относится, какъ 1: 31.

Всѣ вообще жители Черноморья, какъ козачьяго, такъ и другихъ сословій, населяютъ три города, одну нѣмецкую колонію, шестьдесятъ три куреня, или станицы (1), пять поселковъ и до трехъ тысячъ хуторовъ. Среди этого населенія находятся двѣ монашескія пустыни: мужеская и женская.

У Черноморцевъ стараго времени, какъ равно и у Запорожцевъ, куренемъ называлась казарма, не только въ смыслѣ зданія, но, еще болѣе, въ смыслѣ помѣщавшейся въ ней самостоятельной части войска, поставленнаго на походную ногу, мобилизованнаго. Каждый курень имѣлъ приписанное къ нему село, или нѣсколько селъ, откуда снабжался жизненными припасами. Съ 1803 года, по замѣненіи куреней, въ смыслѣ частей войска, полками, названіе это осталось при селахъ, которыя въ позднѣйшее время стали называться и станицами, для сходства съ другими козачьими войсками. За названіе станицъ первыя ухватились канцеляріи, и съ такой поспѣшностью, какъ за замѣну слова *сей* слогомъ *этотъ*.

Курени носятъ тѣ же названія, какія изстари существовали въ Запорожскомъ войскѣ. Изъ нихъ лежащіе

---

(1) Въ числѣ 63 куреней считаются и города Екатеринодаръ и Тамань, потому что они имѣютъ двоякое учрежденіе — городское и куренное.

по Кубани, на линіи, укрѣплены окопомъ и огорожею, въ защиту отъ нападеній горцевъ. Число дворовъ въ куренѣ простирается обыкновенно отъ 200 до 1,000.

Край заселенъ неровно: на одной полосѣ народонаселеніе легло слишкомъ густо, на другой слишкомъ рѣдко. Первая изъ этихъ крайностей не представляетъ никакой соразмѣрности между числомъ жителей и подлежащимъ имъ, по положенію, количествомъ земли.

Во всѣхъ показанныхъ городахъ, куреняхъ, поселкахъ и хуторахъ состоитъ: церквей 70, съ монастырскими; изъ нихъ десять каменныхъ, остальныя деревянныя; мечетей 3; войсковыхъ домовъ, каменныхъ до 30, деревянныхъ и турлучныхъ 140 [1]; общественныхъ запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ 60; соляныхъ магазиновъ 4; почтовыхъ станцій 25; лавокъ каменныхъ до 100, деревянныхъ до 600; трактировъ 10; питейныхъ домовъ до 200; бань публичныхъ 14; кузницъ 150; заводовъ рыбоспѣтныхъ до 200, кирпичныхъ до 30, черепичныхъ 2, кожевенныхъ 6, салотопенный 1 и маслобойныхъ 3; мельницъ, водяныхъ 70, вѣтреныхъ 750; домовъ обывательскихъ до 32,000.

Между обывательскими козачьими строеніями каменныхъ не встрѣчается почти вовсе, деревянныя

---

[1] Сверхъ войсковыхъ зданій, состоящихъ въ предѣлахъ войсковой земли, находятся въ С. Петербургѣ казармы, съ конюшнями, выстроенныя изъ доходовъ Черноморскаго войска, для помѣщенія Лейбъ-гвардіи Черноморскаго козачьяго дивизіона.

очень рѣдки; земляныя, то есть сложенныя изъ землебитнаго кирпича, или просто изъ просушеннаго дерна, находятся на Таманскомъ островѣ да по берегамъ Азовскаго моря и р. Еи, гдѣ почва, по своей сухости и тягучести, оказывается годною для подобнаго рода строеній. Господствующія же у Черноморцевъ постройки суть турлучныя или мазанковыя, въ составъ которыхъ входитъ гораздо меньше лѣса, чѣмъ глины. Врываются въ землю столбы, называемые сохами, и на нихъ накладывается сверху «вѣнецъ», то есть бревенчатая связь, служащая основаніемъ кровельнымъ стропиламъ и матицѣ. Стѣнные промежутки между сохами задѣлываются плетенкою изъ камыша, или хвороста. Рѣдко положенныя отъ матицы къ вѣнцу доски, съ камышевою, поверхъ ихъ, настилкою, образуютъ потолокъ. Этотъ остовъ зданія получаетъ плоть и кожу изъ глины, смѣшанной съ навозомъ. Если это жилище пана, то въ немъ будетъ оконъ очень много, вдвое больше противъ того, сколько нужно; если урядника, то при немъ будутъ «присѣнки», крылечко на двухъ столбикахъ, въ родѣ козырька при фуражкѣ. Новыя присѣнки при старой хатѣ показываютъ, что шапка хозяина еще недавно украсилась урядничьимъ галуномъ. Если въ хатѣ порядокъ и довольство, то на дымовую трубу будетъ надѣтъ деревянный островерхій колпакъ, съ пѣтушкомъ, вмѣсто кисточки, поворачивающимся по вѣтру. «У богатого козака дымарь съ крышкою, а въ убогого лобъ из шишкою». Турлучныя постройки не должны быть, во первыхъ, обширныя и высокія, а во вторыхъ,

войсковыя, или, что одно и тоже, казенныя. Въ первомъ случаѣ, онѣ не будутъ имѣть надлежащей прочности, а во второмъ неудобны тѣмъ, что требуютъ непрерывнаго ремонта. Трещина показалась въ потолкѣ — мазка; косой дождь ударилъ въ стѣну — еще бо́льшая мазка; а пропущена мазка — зданіе пошло валиться. Потомъ столбы, на которыхъ держатся потолокъ и крыша, скоро подгниваютъ въ основаніи, и зданіе косится, ползетъ врозь. Послѣднее неудобство могло бы быть устранено съ помощью жидкаго стекла, если бы покрывать этимъ стекломъ концы столбовъ, врываемые въ землю, что дѣлало бы ихъ недоступными гніенію. Какъ бы то ни было, но турлучныя жилища, особенно въ этомъ непостоянномъ и нездоровомъ климатѣ, тяжелы: всякая сырость и порча воздуха задерживаются въ нихъ долѣе, и многолюдная семья не можетъ въ нихъ дышать такъ легко, какъ въ деревянной избѣ. Четвероногіе черкесы кладовыхъ и чулановъ предаются въ нихъ хищничеству съ большимъ удобствомъ; они прокладываютъ себѣ скрытные пути внутри самыхъ стѣнъ, отъ основанія до потолка. Да и самое производство постройки непривлекательно — что-то въ родѣ горшечнаго дѣла; и если бъ Діогенъ явился не въ Афинахъ, а въ Черноморьи, то эмблемою человѣческаго пріюта избралъ бы онъ не бочку, а глиняную макитру (1). Но покамѣстъ еще толь-

---

(1) Большой кувшинъ, съ широкимъ отверстіемъ. Замѣчательно, что у Закубанскихъ горцевъ архитектура тоже турлучная, хотя и живутъ они среди лѣсовъ. Подобные парадоксы можно объяснять не иначе,

ко такія жилища доступны средствамъ Черноморцевъ. Ихъ безлѣсный край осужденъ снабдѣваться строевымъ лѣсомъ издалека: съ Дону и изъ-за Кубани, отъ горцевъ. На Донъ — далеко и дорого, а на Кубани, по военнымъ обстоятельствамъ, не всегда бываетъ лѣсъ въ привозѣ. Первые осѣдлые обитатели Черноморья, козаки екатерининскаго вѣка, не находя пріюта на поверхности обнаженной пустыни, зарывались въ землянки, — и эти мрачныя, сырыя убѣжища дѣлались могилами для цѣлыхъ тысячъ новосельцевъ.

Однако жъ выгода глиняныхъ жилищъ та, что ихъ не легко беретъ огонь. Поэтому пожары довольно рѣдки, не только въ куреняхъ, но и въ городахъ, которыхъ, какъ было уже упомянуто, три, а именно: Екатеринодаръ, Тамань и Ейскъ.

Екатеринодаръ — главный городъ въ Землѣ Черноморскихъ козаковъ, при рѣкѣ Кубани, въ 220 верстахъ выше ея устья, въ 62 отъ крѣпости Устьлабинской, въ 260 отъ Ставрополя и въ 1,400 верстахъ отъ Москвы. У горцевъ Екатеринодаръ называется «Бжедугскяль», то есть Бжедугскій городъ, по ближайшему его сосѣдству съ Бжедугскимъ народомъ.

Мѣстоположеніе города, болотистое и нездоровое, представляетъ мало удобствъ для обитанія, не только городскаго, цивилизованнаго, но даже самаго проста-

---

какъ застарѣлыми привычками народа, жившаго когда-нибудь на другой мѣстности, подъ другими условіями. Въ Закавказскомъ краѣ встрѣчаются поселенія, которыя, будучи расположены между лѣсами, употребляютъ на топливо кизякъ, а не дрова.

го и близкаго къ природѣ. Осенью и весною, нерѣдко даже и среди зимы, улицы города бываютъ наполнены топями, почти непроходимыми. Тогда возъ съ тяжестью проѣхать по нимъ не можетъ. Въ слѣдствіе чего, базары, на которые привозятся съѣстные припасы для пропитанія городскаго населенія, учреждаются внѣ города, и кому съ какого угла надобно въѣхать въ городъ, тотъ туда и направлется съ поля, хоть бы для этого приходилось околесить верстъ десять. Въ то печальное время, на главнѣйшихъ площадяхъ образуются озера, и люди, не любящіе шутить, утверждаютъ, что видятъ на нихъ дикихъ утокъ. Одна только привычка козаковъ ѣздить смѣло верхомъ по самымъ опаснымъ, закрытымъ неровностямъ дѣлаетъ такое затруднительное положеніе городскихъ сообщеній выносимымъ. Но горе страннику, заброшенному судьбою или службою въ войсковой городъ, во время растворенія въ немъ пятой стихіи! Извощиковъ — и заведенія нѣтъ, да хотя бъ и были, все равно оставались бы безъ практики.

Общая всему краю климатическая болѣзнь — лихорадка, спорадическая и эпидемическая, преимущественно гнѣздится и развивается въ главномъ городѣ, при основаніи котораго, на виду хищнаго непріятеля, вниманіе козаковъ было поглощено одними тактическими соображеніями. Спасибо, что попалось имъ въ тѣ поры мѣсто, обойденное съ трехъ сторонъ болотами, за которыми можно было заснуть спокойно. Это же мѣсто было покрыто лѣсомъ. Лѣсъ рубили и около пней, безъ дальныхъ хлопотъ, «будовали» хаты.

Много трудовъ было уложено на осушку города посредствомъ канавъ; но это ни сколько не помогло, потому-что площадь, занимаемая городомъ, приподнята у краевъ и вдавлена посрединѣ. Видъ ея поверхности сравниваютъ съ блюдомъ и находятъ, что сколько она удобна для огорода, столько же невыгодна для города.

Екатеринодаръ, такъ названный во имя, блаженной памяти, Государыни Екатерины II-й, основанъ въ 1794 году. Въ протоколѣ объ основаніи его сказано: «Ради войсковой резиденціи, къ непоколебимому подкрѣпленію и утвержденію состоящихъ на пограничной стражѣ кордоновъ, при рѣкѣ Кубани, въ Карасунскомъ кутѣ, воздвигнуть градъ.» Какъ видите, цѣлью «воздвигнутія града» была опора кордонной стражи! Нынѣ, въ этомъ, отставшемъ отъ современнаго значенія, градѣ насчитывается до 2,000 домовъ, то есть хатъ, изваянныхъ изъ глины вышеобъясненнымъ способомъ и покрытыхъ камышемъ и соломою. Частныхъ каменныхъ зданій ни одного, деревянныхъ, подъ желѣзною крышею, нѣсколько. Хаты стоятъ въ такихъ положеніяхъ, какъ-будто имъ скомандовано «вольно, ребята»: онѣ стоятъ, и лицомъ, и спиной, и бокомъ на улицу, какая въ какомъ расположеніи духа, или какъ какой выпало по примѣтамъ домостроительной ворожбы, предшествовавшей ея постановкѣ. Однѣ изъ нихъ выглядываютъ изъ-за плетня, другія изъ-за частоколу, третьи, и не многія, изъ-за досчатаго забора; но ни одна не выставится открыто въ линію улицы. Напротивъ, большая ихъ часть прячется въ

глубь двора, сколько можно догадываться, по сознанію своей некрасивой и бѣдной наружности. Въ хатахъ и дворахъ соблюдается чистота; на улицы выбрасывается соръ, гдѣ и лежитъ онъ, пока поглотятъ его лужи. Эти улицы, кромѣ дароваго свѣта луны, когда онъ есть, не знаютъ другаго освѣщенія. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, онѣ были очень широки и по бокамъ ровны. Теперь ширина ихъ нѣсколько съузилась и бока сдѣлались зубчаты, словно рѣчные берега, испытавшіе частые обвалы. И дѣйствительно, ихъ непрочные заборы не далеко отошли отъ рыхлыхъ береговъ какой-нибудь степной рѣчки. Эти частокольные и плетневые заборы, подгнивая въ своемъ основаніи, часто требуютъ перестановки, а каждая перестановка, неизвѣстно для какого именно общаго блага, выдвигаетъ ихъ впередъ, все ближе и ближе къ форватеру улицы. Такое наступательное движеніе, совершаясь одинаково съ обѣихъ сторонъ, представляетъ печальную перспективу, или лучше сказать—уничтожаетъ всякую перспективу въ будущемъ развитіи города ([1]). Если городильный матерьялъ будетъ оставаться надолго одинъ и тотъ же, — въ чемъ неумѣстно было бы сомнѣваться, — то легко можно высчитать время, когда обѣ линіи той, или другой улицы достигнутъ желаемаго соединенія, сольются какъ половинки затворенной двери. Тогда, — что жъ тогда будетъ съ этимъ бѣднымъ бурьяномъ, который, не подозрѣвая возмож-

---

([1]) Нельзя ли изъ этого, современнаго намъ, явленія объяснить необыкновенное съуженіе улицъ въ азіятскихъ городахъ?

сти подобнаго событія, безпечно и простодушно растетъ на улицахъ, къ особенному удовольствію разгуливающихъ по нимъ животныхъ, ненавидимыхъ Черкесами? — До первой холеры произросталъ на улицахъ войсковой резиденціи, равно-какъ и всѣхъ подчиненныхъ ей куреней, бурьянъ мягкихъ породъ; съ показаннаго же времени, не только на улицахъ и площадяхъ, но даже на выгонахъ и на всѣхъ большихъ дорогахъ, появилась острая колючка, занесенная на Черноморье изъ Крыма, какъ полагаютъ, въ мычкахъ извощичьихъ лошадей. Этотъ растительный лишай съ чрезвычайной быстротою распространился по всему лицу войсковой земли. Крапива любитъ развалины и запустѣніе; крымская колючка, напротивъ, избираетъ для себя мѣста жилыя и усыпаетъ своими иглами свѣжіе слѣды человѣка.

Чтобъ сократить дальнѣйшее описаніе Екатеринодара, — чрезъ что онъ ничего не потеряетъ, — довольно сказать, что этотъ городъ имѣетъ видъ большаго села, главная особенность котораго состоитъ въ томъ, что оно служитъ вывѣскою всѣхъ остальныхъ селъ въ краѣ. Кто видѣлъ Екатеринодаръ, тому не для чего смотрѣть Черноморье.

Войсковой городъ Екатеринодаръ не подходитъ подъ общее учрежденіе городовъ въ губерніяхъ. Люди торговые, промышленные и ремесленные, люди собственно городовыхъ сословій могутъ имѣть въ немъ временное пребываніе, могутъ быть только гостями; но правъ осѣдлости и гражданства въ немъ не получаютъ. Осѣдлое же его населеніе

состоитъ исключительно изъ однихъ козаковъ, общество которыхъ и составляетъ курень Екатеринодарскій, нисколько не отличающійся въ своемъ учрежденіи и бытѣ отъ другихъ куреней. Именуется этотъ курень городомъ потому, что въ немъ находятся власти, присутственныя мѣста и заведенія, приличныя городамъ, и потому, что имѣетъ онъ гербъ, котораго символы знаменуютъ сторожевое поселеніе у воротъ государства. Жителей въ Екатеринодарѣ до 8,000 душъ обоего пола. Въ томъ числѣ: генераловъ 2, штабъ- и оберъ офицеровъ до 150, урядниковъ болѣе 300 и козаковъ 3,500. Лицъ духовнаго званія 25. Временные гости и посѣтители города суть: Русскіе люди податныхъ состояній, Армяне, Жиды и Черкесы.

Въ Екатеринодарѣ имѣетъ пребываніе войсковой наказный атаманъ, съ главнымъ войсковымъ управленіемъ, военнымъ и гражданскимъ. Изъ общественныхъ зданій города могутъ быть упомянуты 4 церкви, православныхъ, а 1 армянская. Изъ нихъ одна только православная церковь, устроенная въ зданіи войсковой богадѣльни, каменная; всѣ остальныя деревянныя. Возведенная въ городской крѣпости, въ первыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, войсковая соборная церковь есть рѣдкое, по сложному и громадному своему составу, деревянное зданіе, покоящееся на деревянныхъ же стульяхъ. Одинъ архитекторъ назвалъ оное дерзостью архитектуры. Въ этой церкви три алтаря. Иконостасы алтарей величественны. Это не постройка мастера, а созданіе художника. Колонны, карнизы, рѣзьба, живопись — все изящно. Въ лѣвомъ придѣлѣ, съ краю

отъ дверей, стоитъ большая икона, представляющая сонъ Іакова. Не насмотришься на это высокое произведеніе неизвѣстной, но не дюжинной кисти. Ликъ спящаго патріарха — страница изъ книги Бытія. Въ лицахъ и воздушной постановкѣ крылатыхъ небожителей, сходящихъ и восходящихъ по лѣстницѣ между небомъ и землей, отсвѣчиваетъ тайное помышленіе: къ чему намъ эти ступени?...

Проспектомъ на соборную церковь проходитъ чрезъ весь городъ главная улица, называемая «красною». Никогда эпитетъ не былъ помѣщенъ такъ неудачно. На этой улицѣ и еще на двухъ торговыхъ площадяхъ находится 160 лавокъ, изъ коихъ до 50 каменныхъ; остальныя деревянныя. Внѣ города, на ярмарочной площади, устроено 248 лавокъ деревянныхъ, принадлежащихъ войску и клонящихся къ паденію. Торговля имѣетъ большое содержащее и малое содержимое.

Войсковая гимназія и первоначальное училище; духовное уѣздное училище; войсковой госпиталь; два провіантскихъ магазина, войсковой и казенный; два пороховыхъ парка и два арсенала; войсковая богадѣльня, — единственное въ городѣ двухъ-этажное зданіе; войсковой острогъ, огороженный высокимъ дубовымъ тыномъ, какъ въ старину огораживались наши города, и имѣющій видъ звѣринца; карантинная застава; мѣновой дворъ для торговыхъ сношеній съ горцами; паромная переправа чрезъ Кубань; два или три завода кирпичныхъ, одинъ пивоваренный и одинъ салотопенный; остатки дубоваго палисада со стороны горцевъ и множество вѣтреныхъ мельницъ со стороны

мирнаго населенія; обезоруженная крѣпость, ровесница городу, и наконецъ рытвины и хомлы стариннаго городища, надъ которымъ, въ качествѣ позднѣйшей іеремiады, помѣстилась кордонная козацкая вышка, — вотъ всѣ примѣчательности Екатеринодара, устройство котораго, какъ нельзя больше, выражаетъ старинное козацкое правило: «на границѣ не строй свѣтлицы.»

Однако жъ, какъ богатство и бѣдность составляютъ понятія относительныя, не подчиненныя одному всеобщему мѣрилу, то и Бжедугскяль, въ свою очередь, пользуется славою великолѣпнѣйшаго города въ мірѣ; пользуется онъ этою славою между обитателями бѣдныхъ закубанскихъ ауловъ, въ глазахъ которыхъ стекло въ окнѣ есть величайшая роскошь, и по сокращенной географіи которыхъ Русское государство не простирается отъ Кубани далѣе Дона.

Измѣнятся обстоятельства, измѣнится и войсковой городъ къ лучшему. На этомъ пути начнетъ онъ съ того, что перейдетъ на лучшее мѣсто, гдѣ не была бы затруднена, не только органическая, но и промышленно-торговая жизнь. Таковымъ мѣстомъ могла бы быть—

Тамань, древняя Фанагорія, Таматарха, Тмутаракань, — въ эпоху завоеванія края нашимъ оружіемъ, — Турецкая крѣпость Хункала, — нынѣ одна изъ небогатыхъ и немноголюдныхъ станицъ Черноморскаго войска. Она лежитъ подъ 45° сѣв. шир. и 36° вост. долг., при восточной бухтѣ Керчинскаго пролива, на сообщеніи Подкавказья съ Крымомъ. Въ 1848 году учреждено пароходное сообщеніе между Таманью и Керчью.

Въ Тамани одна пристань для мелкихъ судовъ, одна церковь каменная, 10 лавокъ и 150 домовъ, большею частію земляныхъ и сложенныхъ изъ обломковъ старинныхъ каменныхъ зданій, отрываемыхъ изъ-подъ земли. Эти приземистые домики покрыты черепицей и землей. Подъ земляную кровельную насыпь подстилаютъ морскую траву камку, выбрасываемую изъ пролива на берегъ. Камка имѣетъ ту особенность, что никогда не гніетъ подъ землей. Общественныхъ заведеній, кромѣ убогой гостинницы и первоначальнаго училища, никакихъ. Жителей до 1,500 душъ обоего пола. Изъ нихъ 32 офицера.

Тамань носитъ названіе и имѣетъ гербъ города по однимъ лишь историческимъ воспоминаніямъ; по настоящему же своему учрежденію, это курень, какъ и всѣ остальные. Гербъ Тамани заключаетъ въ себѣ, сверхъ эмблемъ рыболовства и солянаго промысла, великокняжескую шапку, въ память существовавшаго здѣсь, въ одинадцатомъ вѣкѣ, русскаго удѣльнаго княжества. По положенію своему на соединеніи двухъ морей, Тамань можетъ *встать изъ своего вѣковаго праха* и сдѣлаться для Черноморья тѣмъ же, что наша сѣверная столица для всего государства. Здѣсь войско «прорубило бы окно» для Ѳеодосійской желѣзной дороги и цивилизаціи внутреннихъ провинцій. Но для этого, да и вообще для приведенія въ надлежащій видъ главнаго сухопутнаго сообщенія Кавказа съ Крымомъ, необходимо, прежде всего, подумать объ устройствѣ прочной шоссейной дороги чрезъ болото, отдѣляющее Таманскій островъ отъ степнаго Черноморья.

Тамань лежитъ на песчаной равнинѣ, у подошвы потухшаго вулкана. Прежніе обитатели этой мѣстности умѣли заставить песокъ лежать смирно; не смѣлъ онъ шевелиться подъ виноградной лозой, курагой и другими садовыми насажденіями. При козакахъ же выходитъ, что въ Екатеринодарѣ за грязью, а въ Тамани за пескомъ пройти трудно. Особеннаго сожалѣнія заслуживаютъ разореніе и запустѣніе водопроводовъ, обильно снабжавшихъ Тамань прѣсною водою, въ прежнее время. Вода двухъ уцѣлѣвшихъ фонтановъ чрезвычайно пріятна и здорова. По срединѣ города лежитъ обширный резервуаръ. Когда-то былъ онъ выложенъ камнемъ и наполнялся водою изъ окружавшихъ его водометовъ; теперь онъ разоренъ и запущенъ, и если набирается иногда водою, такъ отъ однихъ лишь дождей, или тающихъ снѣговъ.

Смежно съ Таманью лежитъ крѣпость Фанагорія, построенная Суворовымъ, въ 1792 году. Она составляла послѣднее звѣно въ цѣпи крѣпостей, возведенныхъ на Кубани при основаніи здѣсь нашей линіи, и въ настоящее время упразднена, какъ и остальныя ея сверстницы.

Отъ города отжившаго перейдемъ къ городу, начинающему жить, къ портовому городу *Ейску*. Этотъ, какъ обыкновенно пишутъ его теперь, юный городъ лежитъ у Ейской косы Азовскаго моря. Ейская коса, ближайшая къ устьямъ Дона, вдается въ море на семь верстъ и имѣетъ видъ искуственнаго мола, котораго раздвоенная оконечность образуетъ гавань, удобную для стоянки и нагрузки большихъ судовъ. Ейскъ учреж-

денъ 6 марта 1848 года, съ цѣлью доставить ближайшій сбытъ за границу произведеніямъ Черноморья, Ставропольской губерніи и земли Кавказскихъ козаковъ. Онъ населяется людьми свободныхъ податныхъ состояній, безъ причисленія ихъ къ козачьему сословію и съ дарованіемъ новосельцамъ льготъ отъ податей и повинностей на пятнадцать лѣтъ. Изъ войсковаго сословія предоставлено селиться въ немъ только чиновнымъ лицамъ да козакамъ торговаго общества. Устройство города идетъ быстро и правильно. Самые скромные домики возводятся изъ приличныхъ матеріяловъ и съ соблюденіемъ всѣхъ условій городской архитектуры. До настоящаго времени (1857 г.) возведено уже: фасадныхъ домовъ 700, надворныхъ жилыхъ строеній до 800 и лавокъ до 150; открыто магазиновъ 60; устроено заводовъ: кирпичныхъ 20, черепичныхъ 2, кожевенныхъ 6 и маслобойныхъ 3.

Въ числѣ двадцати тысячъ городскихъ жителей (какъ показано выше) состоитъ купеческихъ капиталовъ: первой гильдіи 144, второй гильдіи 37 и третьей 225.

Судовъ изъ-за границы бываетъ въ приходѣ до 120 и въ отходѣ около того же числа. Привозъ заграничныхъ товаровъ простираетса на сумму до 51,500 руб.; отпускъ за границу произведеній Подкавказья — до 330,000 руб. сер. Привозятся: маслины, орѣхи, олифъ, рожки, перецъ, сыръ; отпускаются: пшеница, льняное сѣмя, сурѣпа, шерсть, кожи.

Между городомъ Ейскомъ и куренемъ Долгимъ, на берегу Азовскаго моря, въ урочищѣ «Широка па-

дина» поселена, въ 1852 году, нѣмецкая колонія Михельсталь. Въ ней домовъ 32 и жителей 220 душъ обоего пола. Жители эти переведены сюда изъ Острогожскаго уѣзда Воронежской губерніи, съ цѣлью служить козакамъ образцомъ добропорядочнаго хозяйства.

Изъ козачьихъ поселковъ, лежащихъ у береговъ Азовскаго моря и обязанныхъ своимъ происхожденіемъ рыболовному промыслу, заслуживаетъ вниманія Ачуевская усадьба, находящаяся при болотистомъ устьи Протоки. Здѣсь самый богатый рыболовный заводъ, изстари принадлежащій войсковой казнѣ и приносящій ей 30 тысячъ рублей серебромъ годоваго дохода. Онъ помѣщается на остаткахъ Турецкой крѣпости, которая когда-то замыкала входъ въ кубанскія воды изъ Азовскаго моря. Въ этомъ мѣстѣ, наиболѣе посѣщаемомъ судами рыбопромышленниковъ, войско соорудило каменную церковь и на своемъ иждивеніи содержитъ ея причетъ.

По всему Азовскому поморью и по берегамъ Ахданиза, Кизилташа, Бугаза и Таманскаго залива, лежатъ въ холмахъ и рытвинахъ остатки крѣпостей, пристаней и селитебъ Татарскихъ, Генуэзкихъ, Греческихъ, — широкая нива для археолога. По Каракубанскому острову и внизъ оттуда по протяженію праваго берега Кубани до самаго Бугаза, тянется цѣпь опустѣлыхъ, поросшихъ травою, городковъ, въ которыхъ жили Некрасовскіе козаки, служившіе султану за іудины сребренники. Съ приходомъ сюда Черноморцевъ, противъ которыхъ дрались они какъ непріятели, Некрасовцы перебрались за Кубань, къ Анапѣ; а когда

Пустошкинъ, въ 1807 году, взялъ и Анапу, они ушли за море, въ Турцію. Распространяющееся могущество отечества гналось за отступниками грознымъ преслѣдователемъ. Настигаемые имъ всюду, они могли восклицать: куда уйду отъ духа твоего и отъ лица твоего куда убѣгу?... Понесусь ли на крыльяхъ зари, переселюсь ли на край моря — и тамъ рука твоя поведетъ меня....

Поселенія живыя, нынѣшніе курени, большею частію многолюдны, выражаясь точнѣе — многодворны, — и только. Говорить о каждомъ изъ нихъ значило бы повторять непривлекательное, и, тѣмъ не менѣе, съ подлиннымъ вѣрное изображеніе главнаго войсковаго города. Изъ шестидесяти трехъ куреней только два инородческіе непохожи на всѣ остальные. Это Гривинскій — Черкесскій, при устьи ерика Энгелика, и Адынскій — Татарскій, близь Ясенскихъ соляныхъ озеръ. Первый населенъ, въ 1798 году, Шапсугами, выведенными изъ-за Кубани уоркомъ (дворяниномъ) Али-Шеретлукомъ. Этотъ Али-Шеретлукъ, съ немногими приверженными къ нему подвластными, искалъ у козаковъ убѣжища отъ озлобленной противъ него демократической партіи, которая, въ то время, по милости Турецкаго шаріата, усилилась въ Шапсугскомъ обществѣ до того, что ниспровергла древнее его феодальное устройство. Адынскій курень населенъ, въ 1801 году, Крымскими Татарами, жившими хуторами около Анапы, откуда грабежи и насилія горцевъ принудили ихъ перебраться къ Черноморцамъ. Въ числѣ позднѣйшихъ выходцевъ изъ-за Кубани приселились къ Гривинскому куреню нѣсколько десятковъ семей очерке-

сившихся Армянъ и Грековъ, предки которыхъ завлечены были торговлею изъ Турціи въ ущелья Кавказа.

Мѣстомъ первоначальнаго поселенія куреня Адынскаго былъ сѣверный берегъ Таманскаго залива; но недостатокъ земли и другія причины заставили войсковое начальство перевести его оттуда на теперешнее мѣсто, въ 1850 году. Въ то же время нѣсколько десятковъ черкесскихъ семействъ, съ потомками уорка Али-Шеретлука, отдѣлились отъ Гривинскаго куреня и перешли въ низовье Керпилей, къ куреню Новоджереліевскому, гдѣ составили особый поселокъ. Разомъ съ ними, Армянскія и Греческія семейства отселились къ куренямъ Брюховецкому и Переяславскому.

Оба инородческіе куреня имѣютъ общее со всѣми прочими учрежденіе и управленіе, но въ отбываніи службы пользуются особыми льготами. Объ отличительныхъ свойствахъ ихъ обитателей можно сказать, что Черкесы самый безпокойный народъ въ собственномъ общежитіи и въ сосѣдствѣ съ козаками, а Татары самые лучшіе работники на соляныхъ озерахъ.

Относительно всей совокупности куреней можно высказать два общія замѣчанія: въ куреняхъ, прилегающихъ къ рыбопромышленнымъ водамъ, больше жизни, благоустройства и довольства, больше добрыхъ нравовъ, — и самые козаки, взятые въ смыслѣ военныхъ людей, бодрѣе, развязнѣе и смышленѣе; напротивъ, въ куреняхъ степныхъ, гдѣ преобладаетъ пастушескій бытъ, меньше предметовъ, на которыхъ глазамъ отрадно было бы остановиться; козаки менѣе развиты и болѣе склонны къ конокрадству и волокрадству, бо-

лѣе подвержены этой нравственной болѣзни бѣднѣйшаго класса войсковаго народонаселенія. Тѣ, наконецъ, изъ степныхъ куреней, на поляхъ которыхъ меньше хуторовъ, имѣютъ лучшій видъ и лучшую нравственность предъ тѣми, которые сжаты хуторами. Всѣ вообще курени населены простыми и мало-достаточными козаками. На пятьдесятъ домохозяевъ едва приходится одинъ, который имѣлъ бы *свой плугъ*, то есть могъ бы пахать землю собственными средствами, не дѣлая складчины съ другими домохозяевами, *не спрягаясь*. Чиновные и сколько-нибудь состоятельные жители разсѣяны въ одиночку, по хуторамъ. Эти тучные отростки отъ тощаго дерева разносятъ соки и глушатъ корни жизни общественной. Можетъ быть, при степномъ скотоводствѣ, хуторъ, поселенный у мѣста, столько же необходимъ, какъ кочевая кибитка; но нельзя не замѣтить, что козацкое общество тяготѣетъ больше къ своей окружности, чѣмъ къ средоточію, что раздробленіе, особничество, или, какъ сами козаки говорятъ, «показанщина» (отъ слова казанъ, котелъ) составляютъ отличительную черту характера Черноморцевъ. Имъ все какъ-то тѣсно, и въ самомъ куренномъ поселеніи они отодвигаются, сколько можно дальше, одинъ отъ другаго. Они не сливаются въ обществѣ, какъ камни въ зданіи. У нихъ каждая отдѣльная личность обчеркнута рѣзко, угловато—не скоро подберешь и приставишь одну къ другой, — и если у кого, такъ это у нихъ *крайности соприкасаются*. Умственныя способности и нравственныя свойства не подѣлены въ народѣ съ приблизительною уравнитель-

ностью, — что въ обществѣ человѣческомъ такъ же благотворно, какъ ровная температура въ воздухѣ, и чѣмъ Богъ одарилъ велико-русскій народъ, — не подѣлены, а брошены въ толпу полными пригоршнями, назахватъ и наудачу. Сюда попало слишкомъ много, туда слишкомъ мало. Овому талантъ, овому пять талантъ. Можно сказать, что природа, засѣявъ поле умственно-нравственной жизни двухъ единокровныхъ народовъ — велико-русскаго и мало-русскаго, въ первомъ народѣ свой посѣвъ заборонила и поровняла, а въ послѣднемъ оставила такъ. Нѣтъ народа въ великомъ племени славянскомъ, болѣе способнаго и готоваго, какъ народъ мало-русскій, открыть въ самомъ себѣ смѣшныя и слабыя стороны и осмѣять ихъ съ безпощаднымъ сарказмомъ. Всѣ, живущія въ устахъ велико-русскаго народа, насмѣшки надъ простодушіемъ хохловъ, надъ упругостью ихъ практическаго смысла, надъ неповоротливостью ихъ соображенія и эксцентричными странностями характера суть ни что иное, какъ блѣдные переводы съ малороссійскаго. Что и показываетъ въ одномъ и томъ же народѣ, и силу, и немощь разумѣнія, избытокъ и нищету духа, на такихъ близкихъ между собою разстояніяхъ, что столкновенія и разноголосица между этими противорѣчіями неизбѣжны. Не печатанныхъ Гоголей между Черноморцами много. Москаль, себѣ на умѣ, — подсмѣивается надъ хохломъ, надъ Нѣмцемъ и Татариномъ, а надъ собой нѣтъ. Черноморецъ, когда онъ созданъ съ головой свѣтлой и сердцемъ возвышеннымъ, осмѣетъ недостатки и слабости въ отцѣ родномъ, раз-

ругаетъ низкое свойство и гадкій поступокъ въ родномъ братѣ. Умственно-нравственныя симпатіи въ его природѣ берутъ верхъ надъ симпатіями плоти и крови, сосѣдства и товарищества. Нельзя ручаться, чтобъ онъ прикрылъ упившагося Ноя.

Къ особничеству присоединяется наслѣдованное козаками отъ отдаленнѣйшихъ ихъ предковъ, расположеніе къ «байдикамъ» и «баглаямъ». Эти славянскія, или куфическія слова, по глубокой своей древности, сдѣлались нынѣ не переводимыми, а смыслъ имѣютъ точно тотъ же, что италіянское dolce fare niente и турецкій кейфъ (1).

Отъ соединенія показанщицы съ баглаями родится бѣдность, а отъ бѣдности происходитъ забвеніе различія между мое и твое. Впрочемъ, этотъ безпорядокъ обнаруживается только на степныхъ табунахъ и стадахъ. Плохо лежитъ, брюхо болитъ (2). Но кражи со взломомъ рѣдки. Отъ времени до времени, на большихъ промежуткахъ, вспыхнетъ застрявшая гдѣ-нибудь въ глуши искра былаго запорожскаго гайдамац-

---

(1) По народной поговоркѣ, баглаи бываютъ трехъ родовъ: школярскіе — поутру; бурлацкіе — среди дня, и панскіе — ввечеру.

(2) Изъ вѣдомостей, по особенному случаю доставленныхъ войсковому атаману отъ всѣхъ станичныхъ правленій, за 1847 годъ, видно, что, въ теченіи того года, число покражъ, о которыхъ поданы были *письменныя объявленія,* было слѣдующее: лошадей 681, рабочихъ воловъ 541, коровъ и быковъ 1,111, разнаго гулеваго скота 410 головъ. Но по этимъ цифрамъ нельзя еще опредѣлить настоящую степень скотокрадства, потому-что далеко не обо всѣхъ случаяхъ кражи подаются письменныя объявленія, которыя обыкновенно не приносятъ никакой пользы.

тва и составится шайка разбойниковъ. Укрываясь въ камышахъ и захолустьяхъ степныхъ балокъ, они нападаютъ на безпечные хутора, пекутъ растопленною сѣрою денежныхъ людей, чтобъ исторгнуть у нихъ завѣтную кубышку съ карбованцами, преслѣдуются вооруженною силою и гибнутъ на висѣлицѣ.

За особничествомъ слѣдуетъ, или ему предшествуетъ дробленіе семействъ и дѣлежъ хозяйствъ. Въ Черноморской козацкой хатѣ не то, что въ великороссійской крестьянской избѣ, — вы не найдете трехъ и четырехъ поколѣній на однихъ полатяхъ. Здѣсь семьи вообще малолюдны; ихъ не связываютъ въ большіе снопы ни рекрутская сказка, ни подушный окладъ. Два-три сына стараго козака, вступая въ тотъ возрастъ, когда войско зоветъ ихъ на службу Государеву, когда особенно должны бы они подать другъ-другу руку, чтобы отсутствіе изъ дому одного вознаграждалось присутствіемъ при домохозяйствѣ другаго, — разрываются, роятся изъ отцовской хаты, слѣдуя пословицѣ: «не кайся рано вставши, а молодъ оженившись», — и каждый городитъ себѣ особый дворъ. Потомъ, покидая свою молодицу одинокою и безпомощною и напѣвая себѣ въ полголоса:

Котилися вози зъ гори,
Поламались спиці,
Да вже-жъ мині не ходити
На ті вечерниці, —

самобытный козакъ выѣзжаетъ на службу, а въ новой его хатѣ, прежде-чѣмъ паукъ успѣлъ раскинуть свой

ткацкій приборъ, поселяются бѣдность и нужда. Эти непрошенные жильцы встрѣчаютъ добраго молодца, когда онъ лихо, съ пистолетнымъ выстрѣломъ, возвращается съ служебной очереди, и они же — male suada fames — въ ночной темнотѣ, направляютъ его арканъ на статнаго коня въ панскомъ табунѣ. Поучительно-печальная истипа басни о молодомъ деревцѣ, домогавшемся отдѣла отъ стараго лѣса, является здѣсь въ безчисленныхъ примѣрахъ. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что если обитатель Черноморья не любитъ сносить тяготы своего ближняго, то съ удивительнымъ терпѣніемъ несетъ свое собственное бремя; товарищу, протянувшему къ нему руку, отдаетъ послѣдній грошъ, не подумавши; за односума, оплошавшаго въ бою, умираетъ не колеблясь, и сокрытою отъ взоровъ людскихъ, горячею слезою кропитъ давно заросшую могилу брата, друга, благодѣтеля.

Непонятная натура. Что есть въ ней лучшаго, то скрыто, а пустяки и глупости снаружи.

РАЗСКАЗЪ ШЕСТОЙ.

Земельный урядъ. Хозяйство. Промыслы.

Перестань меня кормить, иди меня защищать.

Еще въ недавнія времена, козакъ, внѣ военной послуги, былъ табунщикомъ, охотникомъ и рыболовомъ. Эти промыслы, пропитывая и снаряжая воинственнаго сына степей, вмѣстѣ съ тѣмъ, служили ему пріуготовительными упражненіями для его козацкаго военнаго призванія. Около табуновъ, незнакомыхъ съ стойломъ, онъ дѣлался наѣздникомъ; около стадъ, угрожаемыхъ звѣремъ, — стрѣлкомъ, бойцемъ. Онъ свыкался съ невзгодами пастушескаго и охотническаго кочеванья для перенесенія трудностей и лишеній бивака. Въ поискахъ, безъ дорогъ, за похищенными или затерявшимися животными, онъ изощрялъ память мѣстъ и способность оріентироваться, въ ясный день и въ темную ночь, въ дождь и въ туманъ, — а отъ степнаго одиночества пріобрѣталъ онъ терпѣніе и чуткость, которыя такъ нужны были ему для военныхъ засадъ, для отводныхъ одиночныхъ карауловъ, разъ-

ѣздовъ, поисковъ. Въ рыбачьемъ дощаникѣ знакомился онъ съ бурною стихіей, чтобъ, на другомъ поприщѣ, смѣло и ловко владѣть весломъ канонирской лодки. Таковъ былъ, таковъ и теперь еще отчасти домашній бытъ козака на Черноморьи. Но это бытъ устарѣлый, опадающій листъ съ дерева, — его вытѣняетъ новый земледѣльческій бытъ.

Какъ семейный и земскій поселянинъ, пріуроченный къ своему водворенію и повинностью, стучащею на зарѣ къ нему въ окно, и колыбелью, зыблющейся подлѣ прялки его молодицы, нынѣшній козакъ сдружился съ плугомъ и въ немъ ищетъ твердой опоры своему существованію. По изреченію одного изъ семи мудрецовъ, онъ молится Богу о хлѣбѣ насущномъ, держась за плугъ.

Впрочемъ хлѣбопашество Черноморскаго края составляетъ для народа предметъ насущнаго только труда, а не богатства и даже не довольства. Оно чуждо всякаго полеводнаго порядка и не всегда достаточно для пропитанія мѣстнаго народонаселенія. Привозъ хлѣба изъ Ставропольской губерніи обратился въ существенную потребность екатеринодарскихъ рынковъ и станичныхъ ярмарокъ. Для продовольствія козаковъ на линіи и въ войсковомъ гарнизонѣ, хлѣбъ закупается за предѣлами войсковой земли, чаще всего въ Воронежѣ.

Обыкновеннымъ количествомъ засѣвается на поляхъ Черноморья озимыхъ и яровыхъ хлѣбовъ 50 тысячъ четвертей; собирается 300 тысячъ четвертей (самъшестъ.) Причитается на душу около двухъ четвертей.

Сборъ картофеля отъ посадки въ одну весну простирается до 15 тысячъ четвертей. Разведеніе его сообщается отъ козаковъ и къ мирнымъ Черкесамъ.

Значительная часть земледѣльческаго труда посвящается огородамъ и бакшамъ, гдѣ и подсолнечнику дано право гражданства. По части огородничества больше видно вниманія къ свеклѣ, чѣмъ къ капустѣ. Табакъ, кунжутъ, сурѣпа, макъ, ленъ и конопля могли бы воздѣлываться съ особенной выгодой, если бы для нихъ оставались руки отъ земледѣльческаго труда первой необходимости.

Въ обезпеченіе народнаго продовольствія, на случай неурожая хлѣбовъ, устроено по куренямъ до шестидесяти запасныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, въ которыхъ нормальная засыпка должна состоять не менѣе, какъ изъ 160 тысячъ четвертей; но, по ограниченности посѣвовъ и сборовъ, наличный составъ ея рѣдко доходитъ и до 50 тысячъ четвертей.

Независимо отъ особенностей почвы и климата, успѣхамъ земледѣлія не вполнѣ покровительствуетъ тревожный бытъ жителей, которые обязаны, не только въ урочное для службы, но и во всякое другое время, соблюдать боевую готовность для происходящей у нихъ на порогѣ, войны съ горцами. Разрядивъ ружье и снарядивъ плугъ, льготный козакъ не успѣетъ иногда дотянуть починной борозды, какъ безочередной нарядъ отрываетъ его отъ мирнаго труда и переноситъ съ поля пахатнаго на поле ратное. Отъ этого происходитъ, что лѣтнія полевыя работы въ краѣ чаще отправляются женщинами, чѣмъ мущинами. Если

въ Римѣ былъ воздвигнутъ храмъ женскому счастію, то на Черноморьи, безспорно, заслуживало бы этой почести женское трудолюбіе.

Къ высказанному, болѣе или менѣе случайному и преходящему неудобству присоединяется неудобство существенное, не только задерживающее развитіе и усовершенствованіе земледѣлія, со всѣми его отраслями, но, вообще, противодѣйствующее утвержденію общественности и благосостоянія въ краѣ на прочныхъ основаніяхъ. Это, — чтобъ не сказать болѣе, — неудобство заключается въ отсутствіи уравнительнаго и положительнаго распредѣленія земли.

Земля, населяемая козаками, есть земля войсковая, или подвижная, terre mouvante. Всѣ козаки ей крѣпки, но она никому изъ нихъ не крѣпка. На ней невозможно никакое частное потомственное владѣніе; на ней допускается только пожизненное пользованіе. Это одинъ изъ трехъ видовъ жалованья, производимаго государствомъ козакамъ за службу. Остальные два вида заключаются въ денежной дачѣ и льготѣ. Условія, размѣры и порядокъ пользованія войсковой землей, до позднѣйшаго времени, не были опредѣлены закономъ, и самая земля не была приведена въ точную извѣстность межевымъ порядкомъ, — земля же бѣ невидима. Предоставлено было каждому члену войсковой семьи, какъ чиновному, такъ и простому, пользоваться землей по мѣрѣ надобности. Такое патріархальное правило могло быть хорошо только въ прежней отчизнѣ Черноморцевъ — на Запорожьи, гдѣ всѣ безъ изъятія козаки были равны по правамъ состоянія, гдѣ военные

чины имѣли значеніе должностей, въ которыя достойнѣйшіе изъ козаковъ избирались свободными голосами куреней, на потребное время, и, по сложеніи которыхъ, чиновные избранники опять становились въ общій рядъ съ остальными членами своего сословія. Это были Цинцинаты, которые вчера ѣхали въ тріумфальной колесницѣ, а сегодня тянули изъ воды рыболовную сѣть. Но на Черноморьи, гдѣ уже служба козачья соединилась съ заслугой и выслугой, гдѣ поэтому явились бригадиры, полковники, преміеръ-маіоры и секундъ-маіоры, и гдѣ отъ войсковаго «товарищества» рѣзко оттѣнилось новое, болѣе требовательное сословіе, «панство»,—патріархальное поземельное правило, очевидно, не могло больше имѣть мѣста. Однако оно осталось во всей своей запорожской простотѣ и неопредѣленности. Въ первыя десять-двадцать лѣтъ новой жизни войска на Кубани, пока еще земли было слишкомъ много, а осѣдлаго и зажиточнаго населенія слишкомъ мало, отсталая неумѣстность упомянутаго правила не была замѣчаема, ни правительствомъ, ни самыми козаками. Но когда осѣдлая жизнь въ краю утвердилась, населеніе увеличилось и разжилось, тогда замѣтно стало, какой разгулъ произволу и насилію открывала пустота, оставленная въ вышесказанномъ поземельномъ правилѣ. Тогда патріархальное «по мѣрѣ надобности» обратилось въ феодальное «по мѣрѣ возможности».

Какъ между пользующимися и предметомъ пользованія не было поставлено никакой посредствующей управы, то облеченные властью и чинами члены вой-

сковой семьи, сколько хотѣли и могли, на столько и расширяли размѣры своего земельнаго пользованія, не заботясь о томъ, что остается на долю ихъ нечиновныхъ собратовъ, и не принимая въ руководство другаго правила, кромѣ правила тройнаго прямаго, выражающаго извѣстную истину, что по брюху и хлѣбъ, что большому кораблю большое и плаваніе. Такое направленіе родилось изъ самыхъ пріемовъ первоначальнаго заселенія земли. Въ то время, чтобъ придать пользованію характеръ владѣнія, чиновные члены войсковаго общества отособились отъ своихъ нечиновныхъ сочленовъ и водворились хуторами въ-одиночку по глухимъ степнымъ займищамъ. Матеріальнымъ удобствамъ существованія пожертвованы были обязанности и нравственныя выгоды общежитія. Расположились жить на вольной землѣ такъ, какъ-бы предъ словомъ жить не стоялъ слогъ: *слу*. Такой образъ основнаго разселенія войсковаго общества долженъ былъ имѣть потомъ свое особенное вліяніе и на воспитаніе народа, и на духъ войска, и на цивилизацію страны.

Призвавъ козаковъ на новое поселеніе, правительство дало землю вообще *войску,* сказать яснѣе — обществу, отнюдь не допуская какихъ-либо исключеній, или привиллегій въ пользу отдѣльныхъ классовъ, ранговъ и лицъ. Никакихъ даже намековъ на это не встрѣчается въ старыхъ актахъ о войсковой землѣ. По естественному порядку вещей, отличенныя рангами лица могли и должны были имѣть свои преимущества въ земельномъ пользованіи, не покидая народа

одного съ ними призванія и не уклоняясь за кругъ общиннаго пользованія, — какъ это и указано въ позднѣйшее время, и какъ это изстари велось въ Кавказскомъ войскѣ. Трудно дойти, по какимъ феодальнымъ преданіямъ, при первоначальномъ заселеніи Черноморцами войсковой земли, общинное пользованіе ею, и самое даже призваніе составлять общество оставлены были однимъ только простымъ козакамъ; чиновные же старшины, *яко вожди и наставники народа* (¹), наложили руку на лучшія земельныя дачи и сказали: наше!

А къ этой чуть изъ васъ лишь лапу кто протянетъ,
Тотъ съ мѣста живъ не встанетъ.

Они жаловали землю другъ другу письменными актами, въ которыхъ явилось, во всей ясности буквы, «вѣчно-потомственное владѣніе». Послѣ того, названіе войсковой осталось при землѣ, какъ почетное титло. Жалованные акты не предъявлялись правительству и потому не могли имѣть той прочности, какую воображали видѣть въ нихъ, и жалователи, и жалуемые. Главное дѣло въ томъ, что связанныя съ ними, отдѣльныя земельныя жалованья, подъ названіемъ хуторовъ, не сопровождались никакими межевыми дѣйствіями и освященіями и никакими даже полицейскими ограниченіями. Единственнымъ ограниченіемъ служили имъ предѣлы

(¹) Видѣть ниже эпилогъ.

Утѣшительно сказать, что такія распоряженія, при нынѣшнихъ мѣрахъ благоустройства края, можно уже считать дѣлами давно минувшихъ дней, *преданьемъ старины глубокой.*

вліянія и авторитета того, или другаго, высокочиновнаго старшины. А потому, когда высокочиновный и далеко раздвигавшій границы своего земельнаго довольствія старшина сходилъ въ могилу и самъ превращался въ глыбу войсковой земли, тогда широкія границы его довольствія, потѣсненныя новымъ, поднявшимся на верхъ лѣстницы войсковой іерархіи, чиновнымъ старшиной, съуживались съ быстротою утренней тѣни, — и оставленное первымъ движимое имѣніе въ рогахъ, гривахъ, рунахъ и скирдахъ превращалось въ прахъ, какъ червонцы фортуны, прорвавшіе ветхую суму нищаго. Исполнялся со всей строгостью извѣстный приговоръ, равно общій царствамъ, обществамъ и отдѣльнымъ лицамъ.

Такъ возникли первые хутора, извѣстные подъ именемъ «панскихъ».

Въ теченіи времени, сами куренныя общества, другими словами — нечиновные члены войсковой семьи, увлекшись примѣромъ произвола войсковыхъ патриціевъ, объявили за собою право жаловать хуторами своихъ собратовъ, плебеевъ. Кому было тѣсно въ куренѣ, кому было нужно отодвинуться отъ его полиціи и повинностей, тотъ ставилъ угощеніе куренному обществу и, подъ единственнымъ вліяніемъ угощенія, получалъ отъ этого общества письменное, запечатлѣнное безчисленными рукоприкладствами, дозволеніе выселиться изъ слободы въ поле, «сѣсть хуторомъ». Народное *мы* потѣшалось тѣмъ, что изъ нечиновной массы выдвигались впередъ люди способные сидѣть хуторами не хуже себялюбиваго панскаго эгоизма.

Но какъ печально было разочарованіе недальновидной толпы, когда созданный его особнякъ-хуторянинъ, дослужившись чиновъ, дѣлался паномъ и, обыкновенно, становился самымъ неумѣреннымъ притѣснителемъ прежнихъ своихъ сотоварищей, въ земельномъ пользованіи; или когда хуторокъ простаго бѣднаго человѣка, посредствомъ продажи, дара и наслѣдованія, переходилъ во владѣніе «заможнаго» пана, и когда этотъ новый заможный владѣлецъ — на отведенный для нѣсколькихъ десятковъ животныхъ лоскутъ земли переводитъ огромную худобу (четвероногое хозяйство), въ игольное ухо вводилъ верблюда. Тутъ ужъ просто повторялась уловка Дидоны, которая, по словамъ историческаго преданія, выпросила себѣ подъ усадьбу земли столько, сколько могла занять одна воловья кожа, потомъ изрѣзала кожу на тонкіе ремни и, приставляя ихъ одинъ къ другому, захватила обширную площадь.

Въ нынѣшнее время, различіе между хуторами панскими и куренными исчезло. И тѣ, и другіе, раздвигая свои земельныя дачи произвольно, почти въ самыя улицы куреней, расширенныхъ увеличившимся народонаселеніемъ, равно сдѣлались несносны куреннымъ обществамъ. Завязалась неугомонная, недостойная благоустроеннаго края борьба между куренями и хуторами. Чтобъ остановить и сократить земельные захваты хуторовъ, курени выдвигаютъ противъ нихъ свои плуги, подходятъ подъ нихъ траншеями, ископанными раломъ; а хутора, въ видѣ усиленныхъ вылазокъ, напускаютъ на куренныя пашни свои стада

и табуны. Борьба, какъ видите, земледѣльческаго быта съ пастушескимъ. Неурядамъ, жалобамъ и искамъ, самымъ нелѣпымъ, нѣтъ числа. Козаки «оборали» пана, а панъ порубилъ козачьи плуги и вытопталъ посѣвъ козачій. Урядникъ посѣялъ жито, а сотникъ, по его житу, взялъ да посѣялъ пшеницу, и тому подобное. Богъ знаетъ, какъ бы далеко зашла эта поземельная усобица, если бы не подоспѣло войсковое положеніе 1842 года. Напомнивъ козакамъ общинное значеніе войсковой земли, оно взялось сдѣлать то, чего дотолѣ не доставало и въ чемъ была ощущаема, въ среднемъ и нисшемъ слоѣ войсковаго населенія, настоятельная потребность — опредѣлить условія, размѣры и порядокъ пользованія землею, постановить строгую управу между пользовщиками и предметомъ пользованія. Не многихъ особняковъ, приверженцевъ бездоказательнаго дѣла хуторовъ, оно смутило; народъ и большинство войсковаго дворянства его благословили, и нетерпѣливо ждутъ дня, когда будутъ введены въ обѣтованную землю, когда новый земельный порядокъ изъ книги перейдетъ въ дѣло.

Войсковымъ положеніемъ указано учинить межевое измѣреніе и распредѣленіе войсковой земли и отвести въ пожизненное пользованіе: на каждаго козака по 30 (¹), оберъ-офицера по 200, штабъ-офицера по 400 и

(¹) По нынѣшнему числу жителей, приходится только по 16 десятинъ на душу мужескаго пола. Недостачу земли легко пополнить водой, которой здѣсь такъ много. То есть, можно надѣлить рыболовными водами станицы Таманскаго острова и другія приморскія. Давъ просторъ стани-

генерала по 1,500 десятинъ. Приведеніе сей Высочайшей воли въ исполненіе составляетъ одно изъ текущихъ распоряженій настоящаго времени. Туманъ неизвѣстности, со временъ Чингисъ-Хана носившійся надъ курганами и балками войсковой степи, рѣдѣетъ предъ планшетомъ съемщика; вѣха землемѣра маячитъ объявленіемъ: nec plus ultra, а цѣпь его звучитъ радостной вѣстью: на земли миръ....

При вышеизъясненномъ положеніи обитаемой и обработываемой земли на Черноморьи, земледѣліе занимаетъ второстепенное мѣсто въ ряду предметовъ народнаго хозяйства; на первомъ же планѣ находится худобоводство, то есть, скотоводство, овцеводство и коневодство. Худобоводство принадлежитъ преимущественно панскому сословію.

Равнинныя пространства Черноморья разстилаются однимъ необъятнымъ пастбищемъ, гдѣ, по всѣмъ направленіямъ, движутся худобы рогатаго скота, овецъ и лошадей, родъ которыхъ переведенъ на Кубань съ Днѣпра, изъ богатыхъ зимовниковъ Запорожья, — послѣдняго, уже не любившаго рыцарской нищеты, Запорожья. Рогатый скотъ отличается крупнымъ ростомъ и дородствомъ, шерсть имѣетъ сивую и принадлежитъ къ извѣстной породѣ украинской, или черкасской; ов-

---

цамъ степнымъ, эта мѣра оживила бы населеніемъ и промышленнымъ трудомъ рѣчныя устья и морскіе берега, которые, при тридцати-десятинномъ надѣлѣ землею, по необходимости должны оставаться пустыней. Эта же мѣра воспитывала бы способныхъ людей для службы на флотиліи, въ которой была и можетъ еще быть надобность.

цы, молдавской породы, замѣчательны своей длинной, но жестковатой шерстью; лошади составляютъ поколѣніе, конечно, уже переродившееся, степныхъ запорожскихъ заводовъ. Масти ихъ преимущественно темныя.

Для улучшенія степнаго коневодства былъ учрежденъ на рѣкѣ Керпиляхъ, въ 1811 году, войсковой конный заводъ. Существовалъ онъ болѣе двадцати лѣтъ, но безъ замѣтной пользы для края, и перевелся самъ собою. Въ бѣдственный 1833 годъ всѣ, состоявшія въ немъ матки, сосуны и производители погибли отъ неурожая кормовъ, — такъ, по крайней мѣрѣ, гласятъ оффиціальные отчеты того времени.

При двухъ или трехъ частныхъ отарахъ простыхъ овецъ имѣются, въ небольшихъ количествахъ, тонкорунные цигаи. Это обломки существовавшаго здѣсь войсковаго овчарнаго тонкошерстнаго завода. Въ 1816 году былъ учрежденъ, тоже на рѣкѣ Керпиляхъ, сказанный заводъ и при немъ фабрика для выдѣлки суконъ, годныхъ козакамъ на обмундировку. И заводъ, и фабрика шли не такъ-то хорошо: войсковая казна тратилась, не покрывая расхода приходомъ, и потому оба заведенія проданы, въ 1846 году, на сломъ.

По послѣднимъ свѣденіямъ насчитывается въ предѣлахъ Черноморья, независимо отъ ѣзжалыхъ, или рабочихъ животныхъ, рогатаго скота до 200 тысячъ, овецъ простыхъ до 500 тысячъ и тонкошерстныхъ около 2 тысячъ, лошадей до 50 тысячъ поголовьевъ (1).

---

(1) Домашнихъ свиней насчитывается въ краѣ до 60 тысячъ головъ.

Для прокормленія этихъ массъ животныхъ заготовляется на каждую зиму сѣна, среднимъ числомъ, 85,000 стоговъ, или 21,250,000 пудовъ, на сумму до 700,000 рублей (¹). (Какъ здѣсь, такъ и во всѣхъ дальнѣйшихъ случаяхъ, счетъ денегъ — на серебро).

Для обозначенія принадлежности, мелкія животныя имѣютъ клейма на ушахъ и рогахъ, а крупныя тавра (тамга) на ляшкахъ. Тавро обыкновенно состоитъ изъ начальныхъ буквъ имени и прозванія худобовладѣльца; но попадаются и особенные іероглифы. Буквы берутся изъ русскаго алфавита, который поэтому осужденъ бродить въ безпорядкѣ и вразсыпную по всей степи. Иногда, изъ сближенія разнотаврныхъ животныхъ выходятъ забавные каламбуры. Изъ тавръ составляется своего рода геральдика, изученіе которой обязательно для пастуховъ и табунщиковъ большихъ худобъ.

Каждый годъ закупается въ Черноморьи, наибольшимъ количествомъ, рогатаго скота 30 тысячъ, овецъ 150 тысячъ и лошадей 5 тысячъ головъ, на сумму отъ 800 тысячъ до милліона рублей. Шерсти, кожъ и сала вывозится на 100 тысячъ рублей. За пару воловъ платится на мѣстѣ 30 — 125, за корову 10—20, за овцу 2 — 3½ и за лошадь 20 — 80 рублей. За пудъ кожъ бычьихъ 5, за пудъ шерсти простой 2 и за пудъ сала 3 руб.

(¹) Добывается въ годъ соломы до 2 милліоновъ пудовъ. Заготовляется для топлива бурьяну 50 тысячъ и камышу 80 тысячъ кубическихъ сажней.

Рогатый скотъ и овцы выгоняются изъ Черноморья въ Воронежскую губернію, откуда большая ихъ часть, живьемъ или въ продуктахъ, идетъ въ обѣ столицы. Лошадей гоняютъ на ярмарки въ Ростовъ и Бахмутъ, откуда лучшія, изъ вторыхъ или третьихъ рукъ, достигаютъ Бердичевской ярмарки. За удовлетвореніемъ домашнихъ требованій въ дивизіонъ лейбъ-гвардіи, въ конные полки и войсковую артиллерію, черноморскіе табуны снабжаютъ лошадьми артиллерію, конно-подвижные парки и полковые обозы кавказской арміи. Этими же лошадьми ремонтируется отчасти и нижегородскій драгунскій полкъ. За подъемную лошадь платятъ до 40, за ремонтную до 80 руб., рѣдко дороже. Черноморская лошадь имѣетъ шею плотную и короткую, голову большую — что отнимаетъ у нее статность, легкость и способность сбираться на мундштукѣ. Зато она крѣпко сложена, сильна, тверда на ногахъ, крайне переносчива, неразборчива въ кормѣ, чутка и памятлива; при всемъ этомъ, однако жъ, дика и своенравна, и больше имѣетъ нужды въ уздѣ, чѣмъ въ шпорѣ. На это у козаковъ ведется поговорка: «кіньску голову знайди, и ту зануздай». Въ горахъ Грузіи, долго сохраняетъ она память о своихъ родныхъ равнинахъ и по нимъ тоскуетъ; вообще же, не скоро свыкается и скоро раззнакомливается съ сѣдломъ и упряжью; но когда не выходитъ изъ подъсѣдла и изъ упряжи, трудно найти коня, болѣе способнаго къ походамъ продолжительнымъ, сопряженнымъ съ недостатками и лишеніями. Наконецъ лошадь черноморская, какъ и всѣ вообще

лошади глубокихъ степей, недовѣрчива и пуглива. Послѣднiй недостатокъ вселяютъ въ нее, съ самаго ранняго возраста, ночныя нападенiя волковъ на табуны. ([1]) Впрочемъ, у козаковъ это еще не большой руки недостатокъ, потому что онъ граничитъ съ качествомъ, въ высшей степени похвальнымъ: эта же самая полохливость, подавляя въ конѣ безпечность и сонливость, поддерживаетъ въ немъ чуткость и осторожность, — а что козаку больше нужно, какъ не это?

Донская лошадь отличается отъ черноморской тѣмъ, что она выше на ногахъ и легче, и что шея у нея длиннѣе и гибче. Черкесская же лошадь превосходитъ и ту и другую легкостью, соединенною съ силою, умѣренностью въ кормѣ и пойлѣ, добронравiемъ и смѣлостью. Впрочемъ, два послѣднiя качества въ черкесской лошади не столько врожденныя, сколько прiобрѣтенныя. Подъ оплошнымъ сѣдокомъ и эта лошадь пуглива. Черкесъ въ сѣдлѣ не спуститъ рукавовъ и не оставитъ нагайки безъ дѣла ни на одну минуту. Черкесъ въ сѣдлѣ безжалостный тиранъ коня; но какъ скоро вынулъ ногу изъ стремени, онъ дѣлается рабомъ и нянькой своего усталаго скакуна. Послѣ Арабовъ, никто не школитъ лошадей такъ жестоко и вмѣстѣ не ухаживаетъ за ними съ такой заботливостью и нѣжностью, какъ Черкесы ([2]).

([1]) Раны, нанесенныя волками жеребятамъ, лечатъ промыванiями изъ майской дождевой воды, которою для этого и запасаются въ маѣ не все лѣто.

([2]) Кавалеристамъ любопытно будетъ знать двѣ вещи: первое, что

Ничего похожаго на это нельзя сказать про уходъ за худобами на Черноморьи. Ихъ не укрываютъ отъ ненастья, имъ не оказываютъ никакихъ пособій, когда губитъ ихъ зараза. Круглый годъ скитаются онѣ на подножномъ кормѣ и довольствуются сѣномъ только въ случаѣ сильныхъ морозовъ, глубокихъ снѣговъ и гололедицы. Въ слѣдствіе скуднаго питанія, животныя выходятъ изъ зимы — кости да кожа (хурда), весной набираютъ тѣло, изъ котораго теряютъ половину, среди лѣта, отъ нужи—комара и мухи, — и только осенью достигаютъ полной сытости, которая и служитъ имъ запасомъ самопитанія въ зиму.

Плохое содержаніе, водопои изъ стоячихъ водъ, гнилостныя испаренія изъ болотъ, злокачественныя росы, самое даже скопленіе животныхъ въ большіе гурты и другія, еще недознанныя, причины производятъ въ худобахъ, а больше всего въ рогатомъ скотѣ, повальныя болѣзни и падежи. Чума, сибирская язва или карбункулъ, ракъ на языкѣ, воспаленіе легкихъ и кровавая диссентерія опустошаютъ стада рогатыхъ, а оспа, парши и мотлица (tabes hepalis), пуще волчьихъ поборовъ, сокраща-

---

Черкесы считаютъ большимъ вредомъ для лошади постоянно содержать ее въ хорошемъ тѣлѣ. Лошадь, какъ луна — говорятъ они — должна то-и-дѣло переходить отъ полноты къ ущербу и обратно. Второе, что скребница и щетка никогда не должны касаться лошади. Вмѣсто этихъ грубыхъ орудій, Черкесъ употребляетъ собственную пятерню, и какъ лѣтомъ, такъ и зимою, моетъ коня на рѣкѣ водою, съ мыломъ, — послѣ чего, держитъ его въ рѣкѣ такъ, чтобы вода доставала до брюха и холоднымъ своимъ прикосновеніемъ заставляла коня вбирать животъ внутрь, какъ можно глубже. Конюшня у Черкеса всегда темная, темнѣйшая.

ютъ отары овецъ. Замѣчено, что въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ рѣчекъ съ стоячею водою, и гдѣ скотъ поятъ изъ копаней, какъ, напримѣръ, по хуторамъ «Гречаной балки», падежи бываютъ слабѣе.

Къ козамъ не пристаетъ зараза, и самые волки ихъ обходятъ, не изъ страха, но единственно изъ желанія не заводить шуму. Лошади подвержены болѣзнямъ гораздо меньше, чѣмъ другая худоба, но зато гибнутъ онѣ, иногда цѣлыми косяками, отъ внезапныхъ катастрофъ зимы, каковы метель и гололедица.

Зимнія метели въ открытыхъ степяхъ ужасны. Онѣ бурлятъ иногда по нѣскольку дней сряду. Среди теплаго, яснаго и тихаго дня воздухъ вдругъ начинаетъ холодѣть и мутиться. Небо изъ синяго дѣлается сѣрымъ. Курганы, пригорки, дороги являются не на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ вы ихъ привыкли видѣть. Знакомые предметы кажутся незнакомыми. Былинка вдали представляется деревомъ, собака конемъ. Не задумывайтесь въ эти минуты, а то какъ-разъ сблудитесь. Потомъ, показываются и медленно кружатся въ воздухѣ легкія снѣговыя пушинки, и воздухъ какъ-будто колышется. Потомъ, вдругъ — фрррь, — самый большой мѣхъ Эола лопнулъ и снѣгъ начинаетъ сыпать хлопьями. Наконецъ, небо и земля исчезаютъ; все воздушное между ними пространство наполняется густою снѣжною пылью, которая забиваетъ человѣку зрѣніе и дыханіе. Теперь ужь не до ѣзды, — поверните коня изъ-за вѣтра и стойте. И слышно ли вамъ, какъ ревутъ, гдѣ-то недалеко, стада?... Буря срываетъ ихъ съ становищъ, крутитъ и мечетъ на всѣ сто-

роны. Надъ курганами, оказывающими сопротивленіе стремительному потоку воздуха, вздымаются смерчи. Въ эту недобрую годину волки рыщутъ стаями и безпощадно рѣжутъ отбившихся отъ кучи животныхъ. Рогатая скотина и овца стоятъ крѣпче противъ натисковъ непогоды; онѣ сколько-нибудь свычны съ базомъ, за ними могутъ слѣдовать пастухъ и собака. Вѣрный песъ идетъ за стадомъ и тогда, какъ ужь оно разбито бурею и покинуто пастухомъ. Но лошадей, гуляющихъ вольными табунами по широкому раздолью, буря, случается, заноситъ безъ вѣсти, иногда сбрасываетъ съ обрывистыхъ береговъ въ море и въ лиманы, гдѣ онѣ идутъ подъ ледъ, или гибнутъ отъ голода, въ снѣжныхъ сугробахъ, сбившись въ кучу и обгрызая одна другой гривы и хвосты.

Другое, гибельное для худобъ, явленіе зимы въ степи, — гололедица. Ее производитъ морозъ, прервавшій шедшій дождь, — что такъ обыкновенно подъ этимъ измѣнчивымъ небомъ. Отъ гололедицы особенно терпятъ лошади. На ихъ долю заготовляются на зиму самые скудные запасы сѣна, потому-что природа дала коню способность добывать себѣ сухой подножный кормъ, «калданъ», копытомъ изъ-подъ снѣга. Но эта способность оказывается недѣйствительною, когда посохшая на корнѣ трава покрывается ледяною корою, не уступающею ударамъ твердаго копыта. Тогда глазъ видитъ, да зубъ не иметъ, — и бѣдный конь, набивъ себѣ безъ пути ноги и понуривъ голову, испытываетъ мученія Мидаса.

Независимо отъ невзгодъ метеорологическихъ, бы-

ваютъ бѣдственные годы — засуха, повсемѣстный неурожай травъ. Тогда крайность доходитъ, среди зимы, до того, что сдираютъ съ хатъ старыя соломенныя крыши и обращаютъ ихъ въ кормъ голодающимъ животнымъ. Бываютъ и частные случаи, ввергающіе худобохозяевъ въ отчаянное положеніе. Осенній пожаръ, запущенный въ степи, для очищенія старыхъ полей отъ сорныхъ растеній, возьметъ иногда направленіе къ сѣннику и уничтожитъ сотни тысячъ пудовъ сѣна — обезпеченіе существованія нѣсколькихъ тысячъ животныхъ. Такъ, въ недавніе годы, погибъ богатѣйшій въ Ейскомъ округѣ скотный заводъ Бардака, преемника Цымбала, славившагося рогатою худобою еще въ Запорожьи. Уже въ позднюю осень, степной пожаръ истребилъ обширные бардаковскіе сѣнники. На ту же бѣду подскочила жестокая и продолжительная зима. Надобно было пріобрѣтать сѣно и солому по неслыханно-дорогимъ цѣнамъ, а подъ конецъ зимы, не было уже возможности достать ихъ ни за какія сокровища. Худоба начала валиться, и конецъ былъ тотъ, что изъ двухъ тысячъ головъ рогатаго скота, отборной, извѣстной на весь округъ, породы, вышло изъ зимы только двѣсти штукъ. Несчастіе это сразило и самаго худобовода: сильный человѣкъ, запорожскаго закала и покроя, человѣкъ, которому стоило только схватить дикаго быка за рога, чтобъ смять его, какъ козленка, запечалился, слегъ и больше не вставалъ.

Про неурожайные годы, сама природа учредила

на Черноморьи запасные магазины кормовъ, большая часть которыхъ замкнута, однако жъ, для худобъ, на все время, пока будетъ оставаться отворенными храмъ Януса на границѣ. Это плавни, или глубокія болотистыя займища, загроможденныя всякимъ растительнымъ хламомъ, на который нѣтъ засухи и неурожая, и которымъ можно не побрезговать въ нуждѣ. Плавни Кубани, какъ театръ линейной козацкой войны,— театръ съ самымъ слабымъ освѣщеніемъ, — неприступны для мирныхъ стадъ и табуновъ. Но въ другія плавни, отодвинутыя отъ линіи и отъ хищничества горцевъ, крупныя худобы приходятъ искать спасенія отъ голоднаго мору. Особенно сбиваются онѣ въ низовьяхъ Протоки и около заливовъ Ахтарскаго и Бейсужскаго. И тогда сходятся на одной чертѣ два, столь различные, промысла—худобоводство и рыболовство. Чѣмъ пользуясь, мы перейдемъ къ рыболовству.

Въ морскихъ и рѣчныхъ угодьяхъ Черноморья ловятся: осетръ, какъ величали его сластолюбцы древняго Рима — юпитеровъ мозгъ; севрюга, визгъ, или шипъ — помѣсь осетра и севрюги; бѣлуга, сула, иначе судакъ; чабакъ, иначе лещъ; тарань, сазанъ, населяющій лиманныя и рѣчныя воды и поражаемый слѣпотою, когда буря или охота странствовать завлекутъ его въ горько-соленыя пучины моря; сомъ, долговѣчный жилецъ кубанскихъ суводей: сельдь, рѣдкій гость восточныхъ береговъ Азовскаго моря, селява или шамая, рыбецъ, кефаль, которой икра высоко цѣнится

Константинопольскими Греками; камбула ([1]); тучный скатъ (rasa pastinaca) и дельфинъ.

Какъ около пастбищъ, хищный звѣрь, такъ около рыболовныхъ водъ промышляетъ, шумными стаями, хищная птица: пеликанъ (баба-птица), бакланъ, цапля, нырокъ и мартышка — martin pêcheur. Въ нравахъ этихъ крылатыхъ рыболововъ подмѣчаются черты, достойныя вниманія естествоиспытателя, или, по крайней мѣрѣ, естествонаблюдателя. Пеликанъ и бакланъ, соперники по ремеслу, отличаются, къ удивленію, дружбою и взаимною услужливостью. Когда, при холодномъ вѣтрѣ и пасмурной погодѣ, рыба сбивается въ колоды и опускается ко дну; когда тяжелый и важный пеликанъ безуспѣшно погружаетъ въ мутныя волны свой носъ, длинный и закругленный, какъ щипцы кузнеца, тогда проворный и ловкій бакланъ ныряетъ на дно, выноситъ оттуда добычу и подѣляется ею съ своимъ высокостепеннымъ, но голоднымъ сосѣдомъ. Послѣ завтрака, благодарный пеликанъ принимаетъ подъ свое широкое и теплое крыло и обогрѣваетъ промокшаго до костей водолаза. Увидавъ изъ камыша эту странную чету: неподвижнаго, невозмутимо-важнаго пеликана, въ огромномъ жабо, и торчащую изъ-подъ его крыла вертлявую голову баклана, съ красными, плутовскими глазами, охотникъ позабудетъ о выстрѣлѣ и покатится со смѣху. Вотъ они: меценатъ и сочинитель похвальныхъ одъ — въ перь-

---

([1]) Ново-греческое слово, происшедшее отъ Эллинскаго *кимбали* — древнее музыкальное орудіе, на которое камбула похожа видомъ.

яхъ! И не правда ли, что человѣку стóитъ только замѣнить своимъ разумнымъ покровительствомъ пріютное крыло тяжелой птицы, чтобъ сдѣлать баклана для рыболовства тѣмъ же, чѣмъ дѣлаются на рукавицѣ охотника соколъ и ястребъ для птицеловства? Если вѣрить путешественникамъ, — да какъ же, впрочемъ, имъ и не вѣрить? — въ Китаѣ дѣйствительно существуетъ подобный родъ рыболовной охоты.

Во всѣхъ рыболовныхъ мѣстахъ, лежащихъ въ чертѣ морскихъ, приморскихъ и рѣчныхъ водъ, находится рыбопромышленныхъ заведеній, называемыхъ забродами, болѣе 300. Изъ нихъ рыбоспѣтныхъ заводовъ до 200. По этимъ заведеніямъ дѣйствуетъ: кармаковъ, или крючьевъ 700 тысячъ, волокушъ 80, неводовъ 30 (самая большая длина невода тысяча саженъ), сѣтей 500, лодокъ разной величины и подъ разными наименованіями, какъ-то: дубовъ, барказовъ, дощаниковъ и каюковъ 300 и, рыбаковъ 3,000 человѣкъ. На приготовленіе рыбы потребляется до 200 тысячъ пудовъ соли, въ годъ (1).

Рыболовный заводъ составляютъ: помѣщеніе для рабочихъ, магазинъ продовольственныхъ и другихъ необходимыхъ для нихъ запасовъ, амбаръ для соли, комяги, или солила, устроенныя въ видѣ большихъ закромовъ, рыболовные снасти и приборы, какъ-то:

---

(1) Для просола одной тысячи штукъ сулы требуется соли 20, а тарани 5 пудовъ. На просолъ одного пуда красной рыбы идетъ 10 фунтовъ соли, т. е. четвертая часть вѣса рыбы. Крымской соли, какъ болѣе крѣпкой, может быть употреблено меньше.

для открытыхъ водъ — невода, волокуши и кармаки; для гирлъ, устьевъ и, вообще, малыхъ и тѣсныхъ водъ — сѣти, вентери, сандови и разныхъ родовъ самоловы; сверхъ того, для зимнихъ подледныхъ тоней — топоры, ломы, багры, бузлуки — подвязныя подковы къ сапогамъ для твердой ходьбы по льду. Производство рыбной ловли посредствомъ показанныхъ снастей общеизвѣстно. Мы скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ только рыболовныхъ способахъ, которые не вездѣ извѣстны, или которыхъ употребленіе не слишкомъ обширно. Вотъ, напримѣръ, способъ, составляющій скорѣе удальство охотника, чѣмъ работу промышленника, и подходящій къ тѣмъ способамъ, какими китовъ ловятъ.

Въ безоблачные лѣтніе дни, при совершенномъ спокойствіи въ воздухѣ и на морѣ, морская рыба, преимущественно бѣлуга, подходитъ къ устьямъ рѣкъ и гирламъ лимановъ «обмывать жабры прѣсною водою» (¹), и, всплывая на зеркальную поверхность взморья, приходитъ въ неподвижное, сонное состояніе. Вооружась сандовями, то есть, желѣзными трезубцами, насаженными на шесты, къ которымъ прикрѣплена длинная бечева, ловкіе рыболовы тихо подплываютъ на лодкахъ къ дремлющимъ рыбамъ и, сколько есть силы, пускаютъ въ нихъ сандовями. Ощутивъ ударъ, рыба стремительно идетъ въ глубину, унося въ своемъ туловищѣ желѣзо сандови, которой привязь, между

(¹) Въ жабрахъ ея заводятся отъ горько-соленой воды тонкіе и длинные черви, которые ее безпокоятъ, пока не повыпадутъ отъ дѣйствія на нихъ прѣсной воды.

тѣмъ, свободно попускается съ лодки. Чрезъ короткое время, пораженная рыба лишается силъ и безъ труда притягивается къ лодкѣ. Этотъ родъ рыболовства требуетъ меткости и силы въ ударѣ (здѣсь-то козацкая рука наметывалась когда-то на удары пикой) и глубокой тишины въ подъѣздѣ: не только отъ малѣйшаго шума, всплеска, но даже отъ тѣни, упавшей отъ лодки на поверхность воды, рыба пробуждается и, встрепенувшись, исчезаетъ въ морской пучинѣ.

Въ Таманскомъ заливѣ ловятъ рыбу камбулу съ помощью огня. Выбравъ темную и тихую ночь, отправляются на промыселъ въ двухъ лодкахъ, между которыми, отъ борта одной до борта другой, протянута, при самой поверхности воды, рогожа. На лодкахъ зажигается яркій огонь. Рыба всплываетъ на свѣтъ, вспрыгиваетъ надъ водою и падаетъ на рогожу, а оттуда, разумѣется, поступаетъ въ мѣшокъ.

Въ устьяхъ мелкихъ степныхъ рѣчекъ, большими количествами, ловится, по веснѣ, тарань. Эта скромная рыба, приготовляемая въ прокъ, составляетъ для козака такую же насущную потребность въ быту домашнемъ, какъ добрый другъ русскаго воина — сухарь, въ быту походномъ. Вяленая и копченая тарань расходится, съ весны, сотнями тысячъ по всему Черноморью и составляетъ запасъ здоровой пищи для косарей, на время лѣтнихъ постовъ. Для лова тарани употребляется вентерь (1). Это огромный самоловъ,

---

(1) Не отъ Латинскаго ли venter, чрево? Устройство и самое дѣй-

устроенный изъ нити и обручей такъ, что зашедшая въ него, нехитрая и смирная рыбка, какова тарань, не можетъ найти обратнаго выхода. Тарань въ морѣ тоже, что овца на сушѣ: стóитъ только одной войти съ простоты въ самоловъ, за ней ввалится цѣлый табунъ. Вентеря ставятся одинъ за другимъ, вдоль рѣчнаго устья. Отъ каждаго изъ нихъ раскинуты на обѣ стороны крылья, направляющія рыбу въ ловушку. Рыба идетъ сперва вверхъ, противъ теченія рѣки, стало быть изъ моря въ степь, а потомъ, когда вымечетъ икру, отходитъ назадъ въ море, ужь по теченію рѣки. Въ первомъ случаѣ она называется «ходовикъ», а въ послѣднемъ «утекачъ». Само собою разумѣется, что ходовикъ наполняетъ вентеря передніе, а утекачъ, въ свою очередь, задніе, дѣлающіеся передними. Въ среднія же ставки попадаетъ лишь то, что не попало, ни въ передній, ни въ задній вентерь. По видимому, середнія ставки должны быть самыя невыгодныя. Но какъ онѣ, по своему серединному положенію, не остаются безъ дѣла, ни при наступательномъ, ни при попятномъ походѣ рыбы, то двойной, хотя и умѣренный ловъ приводитъ ихъ выгоды въ равновѣсіе съ выгодами крайнихъ ставокъ. Гораціева златая средина и здѣсь не остается въ накладѣ. Однако, въ отклоненіе споровъ да перекоровъ, рыболовы разбираютъ мѣста для вентерныхъ ставокъ по жребію.

Чернь морскихъ рыбъ — тарань никогда не посту-

ствіе вентеря дѣйствительно схоже съ брюхомъ и его пищепріемнымъ каналомъ. Въ одинъ разъ набирается съ вентерь до 15 тысячъ тарани.

паетъ на рыбоспѣтные заводы. Легіоны ея, попадающіе въ морскіе неводы и волокуши, выпускаются обратно въ море, или отдаются за дешевую цѣну, прямо изъ волокушъ и неводовъ, жителямъ приморскихъ куреней и поселковъ. Сотни семействъ, не имѣющихъ достатка для производства лова собственными средствами, являются къ чужимъ тонямъ съ подвижными солилами и, забирая тарань изъ снастей, солятъ и спѣютъ ее мелкими партіями. Этотъ второстепенный промыселъ называется «толовирствомъ». Само собою разумѣется, что забродчикъ смотритъ съ нѣкоторымъ неуваженіемъ на толовирщика, который является съ поклономъ только туда, гдѣ есть удача; а отъ несчастливыхъ тоней идетъ дальше, какъ муравей отъ пустой житницы.

Всѣ рыбопромышленныя воды принадлежатъ войсковой казнѣ и отдаются на откупъ, отъ котораго получается дохода въ годъ 82 тысячи рублей (¹).

Ловъ рыбы раздѣляется, по числу годовыхъ временъ, на четыре періода: «весняный», съ ранней весны до мая; «меженный», съ мая до сентября; «просольный», съ сентября до замерзанія заливовъ и взморьевъ, и «подледный», отъ замерзанія до вскрытія лиманныхъ и морскихъ водъ. Первый изъ этихъ періодовъ, начинающійся въ минуту пробужденія отъ зим-

---

(¹) Нынѣ составляются правила для взиманія прямаго дохода съ производителей рыболовнаго промысла, безъ посредства откупа. Одни только устья Протоки, на которыхъ существуетъ богатѣйшій забродъ *ачуевскій*, будутъ оставаться въ откупномъ содержаніи.

няго замиранья всѣхъ жизненныхъ силъ природы, разлитія рѣкъ и вторженія прѣсныхъ водъ въ морскіе лиманы, составляетъ золотое время для рыболововъ. Тогда бѣлая морская рыба подходитъ къ берегамъ для помета икры; она ищетъ теплыхъ, мѣлкихъ и спокойныхъ водъ, и несмѣтными полчищами заходитъ въ ерики и лиманы, въ эти естественные садки и ловушки. Противоположную крайность представляетъ періодъ меженный. Рыба перемежается, забродыі пустѣютъ, и немногихъ забродчиковъ, остающихся вѣрными своимъ мрежамъ, народная поговорка относитъ къ разряду людей сомнительнаго трудолюбія: «на межень иде лежень».

Осенній періодъ называется просольнымъ потому, что вылавливаемая, въ продолженіе его, рыба не спѣется и не въ корень, а слегка просаливается. Уловы просольнаго и подледнаго періодовъ отличаются не столько количествомъ, сколько качествомъ рыбы; въ это время, бываетъ она особенно вкусна. Лучшіе балыки приготовляются изъ февральской и мартовской рыбы.

Для подледныхъ тоней вырубаются двѣ большія полоньи, на разстояніи нѣсколькихъ сотъ саженъ одна отъ другой. На обѣ стороны отъ той и другой полоньи, пробивается, полукругомъ, множество малыхъ и частыхъ прорубей, охватывающихъ своимъ расположеніемъ обширную площадь. На поверхности этой площади стараются какъ можно меньше ходить и шумѣть, чтобъ рыба подъ льдомъ не полошилась. Совокупность полоней съ прорубями имѣетъ видъ вмѣсти-

тельнаго знака и называется «салъ». (На открытой водѣ такъ называется всякое пространство, захваченное снастью). Въ одну изъ полоней неводъ погружается, а въ другую вытягивается. Полукруговыя линіи боковыхъ прорубей служатъ путями для провода неводныхъ урѣзовъ, съ помощью шестовъ и багровъ, подъ льдомъ, отъ полоньи погрузной до высыпной. Подледный ловъ дѣло не легкое. Чтобъ управиться съ одной неводной тоней — дня мало.

Во всякое время года, благопріятно дѣйствуетъ на производство лова умѣренный сѣверо-западный вѣтеръ «горбатокъ», правильнѣе арабатокъ (отъ арабатской косы Азовскаго моря). Какъ бы ни устали рыболовы въ протеченіи дня, но если добрый ихъ союзникъ, горбатокъ, потянулъ ночью, они и ночь еще проработаютъ. Сильный вѣтеръ затрудняетъ и даже останавливаетъ неводной и волокушный ловъ. Волненіе спутываетъ и ссучиваетъ снасти. Если море разыгралось послѣ засыпки невода, то забродчики прекращаютъ тягу и спѣшатъ убрать неводъ въ дубъ, — что не легко сдѣлать съ двухверстнымъ протяженіемъ бечевы и нити. Приходится иногда, для спасенія снасти, рѣзать ее и кусками выхватывать изъ бушующихъ волнъ. Кармачному лову, напротивъ, непогода на морѣ благопріятствуетъ. Волненіе раскачиваетъ крючья и насаживаетъ на нихъ самую осторожную рыбу. Но какъ кармаки становятся въ открытомъ морѣ, не ближе пяти верстъ отъ береговъ: то надобно, чтобъ забродчики не боялись гнѣва моря и молодецки пускались, чрезъ горы и пропасти волненія, къ обуреваемымъ снастямъ.

Трусы просидятъ непогоду на берегу, и та же самая зыбь, которая набила рыбу на крючья, посрываетъ ее съ нихъ и унесетъ за кармачную линію, нерѣдко даже разстроитъ и разрушитъ самую снасть.

Въ тѣ времена, какъ козаки свободно промышляли, по ихъ выраженію: добувались въ войсковыхъ рыболовныхъ водахъ, порядокъ въ рыболовномъ дѣлѣ былъ такой: забродчики не договаривались на денежную плату, какъ наемники, но работали на долю, «на добычь», раздѣляя съ производителемъ промысла успѣхъ и неудачу, пополамъ. Для нихъ этотъ промыселъ былъ тиражъ лотереи, положенной въ закрытую урну моря. Черноморскіе, такъ же точно какъ и Запорожскіе, козаки не принимали въ свой языкъ обыкновеннаго выраженія: ловить рыбу; вмѣсто того, они живописно изъяснялись: «добуваться, ити на добичь». Они возвышали въ своемъ взглядѣ и въ своей рѣчи трудный, опасный и невѣрный, какъ сама война, рыболовный промыселъ. Вооружась весломъ и неводомъ, они проникались молодецкимъ одушевленіемъ, какъ бы шли на побѣду и завоеваніе, — и дѣйствительно, окончаніе каждаго рыболовнаго періода праздновалось у нихъ, какъ возвращеніе изъ похода, съ побѣдой и завоеваніемъ. Свѣжее преданіе свидѣтельствуетъ, что, доколѣ козаки, а не «городовики» работали на забродахъ, рыбы вылавливалось несравненно больше, и что, какъ на Запорожьи, такъ и на Черноморьи, въ былое время, самые сильные, расторопные и храбрые козаки выходили изъ забродовъ. Одинъ та-

кой козакъ тянулъ за собою въ бой десять другихъ, взявшихъ пику послѣ пастушеской укрючины.

Каждый изъ четырехъ рыболовныхъ періодовъ оканчивался на забродахъ дѣлежемъ вылову, «дуваномъ добычи», между заводчикомъ и забродчиками. Отложивъ изъ всей добычи одну долю на покрытіе издержекъ, употребленныхъ хозяиномъ на содержаніе ватаги, и другую на уплату въ войсковую казну пошлиннаго налога, чистый за тѣмъ прибытокъ дѣлили на двѣ половины, изъ которыхъ одну забиралъ забродохозяинъ, а другую ватага. Послѣдняя вела потомъ свой частный дуванъ. Атаманъ ватаги, какъ укасчикъ и предводитель промысла, бралъ двойной пай противъ рядоваго забродчика. Этотъ старинный обычай сохраняется на нѣкоторыхъ забродахъ и донынѣ; но откупщики предпочитаютъ ему простой способъ найма работниковъ за деньги, въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ рабочія руки не дороги.

На всемъ пространствѣ рыбопромышленныхъ водъ годовой выловъ рыбы, средними количествами, простирается: сулы до 4 милліоновъ, тарани 5 милліоновъ, сазана 200 тысячъ, чабака 50 тысячъ, рыбца 30 тысячъ, и селявы (шамаи) 300 тысячъ штукъ; красной рыбы до 40 тысячъ пудовъ; икры изъ бѣлой рыбы, или галагану до 40 тысячъ, икры изъ красной рыбы до 4 тысячъ, клею до 100 и визиги до 200 пудовъ, жиру до 2 тысячъ ведеръ.

Ловъ сельдей незначителенъ, и для приготовленія ихъ не употребляется никакихъ усовершенствованныхъ способовъ, какъ напримѣръ — способъ корнвалійскій.

Средняя на мѣстахъ лова продажняя цѣна рыбы, спѣтой и въ корень соленой: красной 3 руб. за пудъ, бѣлой отъ 10 до 60 руб. за тысячу. Рыба и произведенія ея вывозятся водою въ Ростовъ, Таганрогъ, Бердянскъ и Одессу, — сухимъ путемъ, въ Землю Кавказскаго войска и Ставропольскую губернію. Сбытъ рыбы послѣднимъ путемъ доставляетъ извощичьему промыслу работы на 2,000 подводъ, въ годъ. Изъ Ростова и Таганрога рыба расходится по южной полосѣ Россіи и Польшѣ, а изъ Одессы отправляется въ Константинополь и Аѳины.

Какъ худобоводство подвержено неотвратимымъ утратамъ отъ эпизоотическихъ заразъ и климатическихъ невзгодъ, такъ рыболовство испытываетъ потери и убытки отъ наводненій. Эти явленія, не слишкомъ, впрочемъ, частыя, бываютъ въ началѣ весны, когда бассейны морскихъ лимановъ наполняются прибылою водою изъ степныхъ рѣчекъ, а съ моря, въ то же время, поднимаются продолжительные вѣтры, въ упоръ на лиманныя гирла. Большая часть азовскихъ забродовъ помѣщаются на береговыхъ, вдающихся въ море отлогостяхъ — косахъ. Сѣверо-западный вѣтеръ, налегая на юго-восточный берегъ моря, набиваетъ большой бурунъ на косы. Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, море незамѣтно приходитъ въ напряженное состояніе у береговъ, наконецъ, въ нѣсколько минутъ, вскипитъ оно и хлынетъ на косы, покроетъ ихъ и унесетъ отъ забродовъ наловленную рыбу, лодки, снасти и запасы. Наводненіе приходитъ и уходитъ съ быстротою набѣга морскихъ разбойниковъ.

Въ изъятыхъ отъ откуповъ и доставляющихъ пропитаніе народу степныхъ рѣчкахъ водятся: окунь, тотъ окунь, котораго Авзоній въ своихъ стансахъ величалъ услажденіемъ стола; карась и щука, которыхъ взаимныя отношенія извѣстны изъ Русской пословицы; сазанъ, какъ выше замѣчено, охотникъ до путешествій, и линь, домосѣдъ, лѣнтяй, полагающій истинное счастіе въ домашней тинѣ.... Господствующіе же обитатели сихъ смиренныхъ и бурь-невѣдающихъ водъ — раки.

Опасное сосѣдство горцевъ дѣлаетъ недоступными для рыбопромышленниковъ передовыя воды Кубани, которыя, по козацкому повѣрью, «вѣчно съ кровью текутъ». Только боевые люди съ кордонныхъ постовъ, или изъ пограничныхъ куреней отваживаются бросать въ эти завѣтныя воды кармакъ и сѣть. И случается, что пуля горца непріятно просвиститъ надъ головою рыболова; но нужда говоритъ: «это не больше, какъ точка — продолжай».

Приливы Кубани, возобновляющіеся съ каждымъ ливнемъ, падающимъ на горы, приносятъ на Черноморье пловучій лѣсъ, сломленный, или исторгнутый съ корнемъ по лѣсистымъ берегамъ горныхъ рѣчекъ, впадающихъ въ Кубань. Эти кажущіеся остатки плотовъ, потерпѣвшихъ крушеніе, такъ же составляютъ для побережныхъ прикубанскихъ жителей предметъ ловли.

Между морскими рыболовными угодьями, природа или рука человѣка, — это вопросъ, — предусмотрительно расположила неисчерпаемые запасы соли, ко-

торая, какъ извѣстно, составляетъ предметъ первѣйшей потребности въ рыболовномъ промыслѣ. Это, знакомыя уже намъ, соляныя озера. Войсковымъ жителямъ предоставлено добывать соль съ озеръ въ опредѣленныхъ количествахъ: козаку пятьдесятъ, а офицеру сто пудовъ въ годъ, на семью, съ платою акциза въ пользу войсковой казны по $4^2/_7$ коп. сер. отъ пуда. Главный же сборъ и распродажа соли принадлежатъ войсковой казнѣ. За наполненіемъ войсковыхъ запасныхъ магазиновъ, соль идетъ значительными отпусками въ рыболовные заводы и въ аулы закубанскихъ горцевъ, — въ ту и другую сторону не менѣе 300 тысячъ пудовъ въ годъ. При благопріятныхъ обстоятельствахъ, сборъ соли со всѣхъ озеръ, за лѣто, могъ бы быть доведенъ до трехъ милліоновъ пудовъ, если еще не болѣе; но онъ не доходитъ и до одного, какъ по ограниченности мѣстныхъ способовъ, такъ и по краткости существованія соляныхъ садокъ. Для уничтоженія ихъ довольно одного дождя. Въ видахъ особенной пользы войсковой казны, принято не допускать жителей къ сбору соли, пока войсковая казна не возведетъ при озерахъ своихъ «кагатовъ» (соляныхъ бугровъ); но дождь не всегда ждетъ, пока войсковая казна управится съ своимъ дѣломъ, и жители не всегда уѣзжаютъ отъ озеръ съ «молодой солью».

Въ войсковую казну, въ эту, можно сказать, артельную складчину цѣлаго войска, несутъ оброкъ даже самые неудобные участки войсковой земли — болота. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ водятся пьявки. Сборъ этихъ полезныхъ пресмыкающихся ограниченъ для жи-

телей чертою домашней потребности, — все же, что внѣ ея, отдается на откупъ, прибавляющій къ годовому итогу войсковыхъ доходовъ, иногда тысячу рублей, иногда половину этого. Пьявки идутъ въ Турцію, гдѣ кровопусканіе въ такомъ обширномъ употребленіи.

Какъ домостроительная хозяйка, войсковая казна беретъ въ одномъ мѣстѣ, чтобъ отдать въ другомъ. Для развитія и улучшенія садоводства въ сельскомъ хозяйствѣ козаковъ, заведенъ при городѣ Екатеринодарѣ, на войсковомъ иждивеніи, общеполезный разсадникъ, въ которомъ насчитывается 25 тысячъ кустовъ виноградныхъ лозъ и 19 тысячъ фруктовыхъ деревъ. Породы тѣхъ и другихъ взяты изъ Крыма. При разсматриваніи почвы Черноморья, мы уже имѣли случай говорить о садоводствѣ; теперь прибавимъ, что этой статьѣ суждена здѣсь прекрасная будущность, болѣе или менѣе отдаленная. Изображенія на древнихъ Фанагорійскихъ монетахъ, древнее названіе этого края «Пандикапея», — что значитъ всесадіе, — и нѣкоторые признаки, не совсѣмъ сглаженные съ поверхности степи кочевою ногайскою кибиткою, свидѣтельствуютъ, что нынѣшнее степное Черноморье, когда-то, быть можетъ предъ нашествіемъ на Кавказъ Монголовъ, было однимъ обширнымъ садомъ, какъ нынѣ степныя поляны Бессарабіи. Сдѣланные до настоящаго времени опыты и начатки, изданныя постановленія о землѣ и наконецъ частныя мѣры со стороны высшаго кавказскаго начальства поощряютъ, болѣе всякаго другаго труда и промысла, народную предпріимчивость къ распространенію и усовершен-

ствованію въ краѣ садоводства. Но садоводство требуетъ больше рукъ, чѣмъ худобоводство, а потому послѣднее и остается преобладающей статьей въ козачьемъ хозяйствѣ.

Въ пользу лѣсоводства такъ же предначертаны полезныя правила, долженствующія придти въ дѣйствіе, когда курени будутъ ограждаемы въ своихъ земельныхъ довольствіяхъ межевыми распоряженіями. Въ то время, не говоря уже объ улучшеніи климата и степныхъ водъ, пойдетъ успѣшнѣе и пчеловодство, которому благопріятствуетъ богатство флоры, но вредитъ безлѣсье и скудоводье. Какъ къ садоводству съ лѣсоводствомъ, такъ и къ пчеловодству замѣтна въ козакахъ врожденная охота. Любятъ они посадить около хаты деревцо и кустикъ, и потомъ оживить ихъ жужжаніемъ пасѣки. Но покуда еще не со всей точностью исполняется живущее въ ихъ поговоркѣ обѣщаніе пчелы: «прогодуй мене до купала — я зроблю изъ тебе пана». Одной лѣтней засухи или запоздалой весенней стужи, на беззащитной мѣстности, достаточно, чтобъ трудолюбивое насѣкомое унесло свое обѣщаніе въ гробъ, которымъ дѣлается для него улей. Недоброкачественность степныхъ водъ и росъ такъ же оказываетъ вредное вліяніе на пчеловодство; иногда, при самомъ обильномъ наносѣ въ улей, пчела вымираетъ, какъ-будто отъ отравы, источникъ которой, конечно, скрывается въ загнившей и проникнутой солями, водѣ. Въ немногихъ лѣсистыхъ пространствахъ по Кубани, эта вѣтвь сельскаго хозяйства держится прочно и развивается успѣшно.

Всѣхъ пасѣкъ (пчельниковъ) считается болѣе 600; въ нихъ ульевъ до 4 тысячъ. Получается меду до 12 тысячъ и воску до 4 тысячъ пудовъ.

Тамъ же, на Кубани, по всему ея протяженію и по всѣмъ раздѣленіямъ ея водъ, существуетъ охота, достойная рыцарскихъ полеваній среднихъ вѣковъ. Кабанъ, олень, дикая коза, порѣшня, волкъ, лиса, заяцъ, фазанъ, лебедь, тетеревъ — вотъ дичь глубокихъ прикубанскихъ захолустьевъ. Любимая охота козаковъ — это отважная охота за кабаномъ, противникомъ чуткимъ, неустрашимымъ, коварнымъ и свирѣпымъ. Дѣйствуютъ противъ него засадой и винтовкой. На волка ставятъ капканъ, на фазановъ силки. Съ борзыми охотятся по хуторамъ степныхъ пространствъ, гдѣ такъ же нѣтъ недостатка въ дичи, четвероногой и летающей, особенно послѣдней. Съ ранней весны и до самой зимы, по лиманамъ, рѣчкамъ и полямъ стадятся: дикіе гуси и утки, драхвы, стрепеты, колпы, куропатки. Въ молодой травѣ бьетъ на зарѣ перепелъ; въ синевѣ поднебесья раздается веселый крикъ журавлей, — этотъ свѣтлый, далеко слышный крикъ, котораго Запорожцы желали своимъ предводителямъ, когда поздравляли ихъ съ принятіемъ атаманской булавы (1).

Черноморскій козакъ охотникъ отъ природы. Охота съ винтовкой и капканомъ занимала въ прежнее время, какъ исключительный промыселъ, значительную

---

(1) Дай тобі, Боже, лебединий вікъ, а журавлиний крикъ.

часть жителей прикубанской и протоцкой полосы. Но теперь на службѣ война, а дома работа мало времени оставляютъ Черноморцу для любимаго его охотничьяго промысла, и произведенія этого промысла, за удовлетвореніемъ домашнихъ нуждъ, входятъ въ торговлю незначущею статьею. Только заячьихъ кожъ вывозится за предѣлы края до 25 тысячъ штукъ въ годъ.

РАЗСКАЗЪ СЕДЬМОЙ.

Промышленность. Торговля. Мѣновыя сношенія съ Черкесами. Торговое общество.

Въ краю, не такъ давно заселенномъ, въ климатѣ негостепріимномъ и въ сосѣдствѣ съ народами дикими, дышущими разбоемъ и «охотнѣе проливающими кровь, чѣмъ потъ», промышленность не могла еще сдѣлать большихъ успѣховъ. О младенчествѣ ея можно судить уже потому, что всѣ почти предметы производительности края сбываются въ самыхъ мѣстахъ ихъ происхожденія. Даже сельскій производящій трудъ и сельскія ремесла, большею частію, отправляются сторонними руками. Разсѣянные по куренямъ и хуторамъ работники, плотники, каменьщики, тележники, колесники, бондаря, шаповалы, дубильщики кожъ и даже, между ними, Цыганъ, съ своей бродячей наковальней, — весь этотъ народъ, смышленый и дѣятельный, невозлагающій желѣза, ни на браду, ни на плечо, весь онъ нахожій, велико-и-малороссійскій — «москаль» и «городовикъ» (¹).

(¹) Городовиками называютъ Черноморцы Малороссіянъ, въ кото-

Изъ ремесленныхъ гостей края обращаютъ на себя вниманіе тележники, колесники и бондаря. Основавъ свои мастерскія въ Екатеринодарѣ и нѣкоторыхъ прикубанскихъ куреняхъ, гдѣ, во всякое время, можно имѣть подъ рукою свѣжій берестъ, дубъ и другое, пригодное для ихъ дѣла, дерево привозимое на Кубань горцами, они снабжаютъ Черноморье издѣліями своего ремесла и отправляютъ съ ними цѣлые обозы на отдаленнѣйшія ярмарки Ставропольской губерніи.

Одно гончарное дѣло остается исключительно за козаками и держится наслѣдственно въ извѣстныхъ только мѣстахъ, гдѣ свойство земли ему благопріятствуетъ. Разнообразными произведеніями его горновъ славится курень Пашковскій, на Кубани. Не только круглолицая козачка, но и худощавая Черкешенка снимаетъ сметану съ пашковскаго муравленнаго глечика (кувшина). Кромѣ гончарства, удерживается еще за козаками, какъ родовое наслѣдіе отъ прадѣдовъ, промыселъ чумацкій; но его эклиптика и поворотные круги, его «цобъ» и «цобе» не простираются далѣе Георгіевска и Ростова.

На козацкой украйнѣ, гдѣ, можно сказать безъ гиперболы, расходуется больше пороху, чѣмъ сѣмянъ, не трудъ нуждается въ капиталѣ, а капиталъ въ тру-

---

рыхъ хотя и видятъ они своихъ единоплеменниковъ, — но слово городовикъ звучитъ у нихъ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, обозначая не полеваго и боеваго человѣка, какъ козакъ, а мирнаго гражданина, пользующагося безопасностію и другими удобствами внутренней цивилизованной провинціи.

дѣ. Жатвы много, дѣлателей мало. Недостатокъ рабочихъ рукъ, даже для чернаго труда, слишкомъ ощутителенъ. Огромныя заготовленія сѣна для зимняго корма худобъ производятся, по большей части, прихожими косарями изъ губерній: Екатеринославской, Харьковской, Полтавской, Воронежской, Орловской, Курской, Тамбовской, Рязанской. Одного этого, вооруженнаго косами, народа находитъ на Черноморье не меньше 15 тысячъ человѣкъ, въ лѣто. Косарь получаетъ до одного рубля въ день, когда работаетъ поденно, и до 20 рублей отъ скирды, когда подряжается на урокъ, на скошеніе извѣстнаго займища, «становится на скирды». Въ обоихъ случаяхъ, имѣетъ онъ косу собственную, а продовольствіе отъ хозяина. Тяжелый трудъ сѣнокошенія, подъ неблагопріятнымъ небомъ, обыкновенно сопровождается желчными лихорадками, — и не всякій изъ ретивыхъ работниковъ уноситъ домой въ добромъ здоровьи свой лѣтній сто-рублевый заработокъ, воспѣтый поэтомъ-прасоломъ. Въ рыболовные заводы приходитъ или, какъ козаки, на извѣстномъ имъ основаніи, выражаются, «забѣгаетъ» рабочихъ людей каждогодно до 3 тысячъ человѣкъ. Здоровье рабочихъ этого званія сберегаетъ свѣжій морской воздухъ. Здѣсь добрый забродчикъ можетъ пріобрѣсть въ годъ 150 руб. чистаго заработка. Но по этой части работаютъ все пришельцы изъ Малой и Новой Россіи, «бурлаки», а у этихъ людей есть одна заунывная пѣсня, въ которой судьба, оскорбленная жалобой на ея якобы къ нимъ несправедливость, об-

ращается къ начинщику жалобы съ слѣдующимъ, довольно справедливымъ, упрекомъ:

Що ти загорюешъ
Марно прогайнуешъ;
А що й заробляешъ,
Заразъ пропиваешъ.

Наконецъ, если къ показаннымъ, временно-приходящимъ рабочимъ присоединить еще множество иногородныхъ людей, обращающихся по хуторамъ и куренямъ въ годовыхъ и другихъ сроковъ услугахъ, равно ремесленниковъ, почтовыхъ ямщиковъ, промышленниковъ, прикащиковъ, служителей войсковыхъ откуповъ и прочихъ, то окажется, что всѣхъ вообще стороннихъ, зашибающихъ деньгу, людей перебываетъ на Черноморьи, въ продолженіи года, болѣе 25 тысячъ человѣкъ, и что выносимая ими каждогодно за предѣлы края сумма, при самыхъ ограниченныхъ заработкахъ, должна простираться до полу-милліона рублей.

Итакъ, если значительнѣйшія выгоды промышленнаго и даже простаго труда ускользаютъ изъ рукъ мѣстнаго населенія, то, по естественному порядку вещей, и торговля края должна имѣть ту же участь. Козакъ, — не то, что московскій стрѣлецъ, — никогда не любилъ и не уважалъ торговаго дѣла. (Такъ точно чуждаются его и Закубанскіе горцы). Дѣды Черноморцевъ говаривали: «якъ хочешъ мене узивай, аби-бъ не крамаремъ (торгашемъ); за те полаю (побраню)». Если не въ силу подобныхъ, уже отжившихъ свой

вѣкъ, мнѣній, такъ потому, что въ козачьемъ войскѣ не существуетъ средняго сословія, торговля Черноморскаго края находится въ рукахъ иногородныхъ людей. Исключеніе ничтожно.

Нѣтъ въ этомъ краѣ людей, которые, прежде чѣмъ сдѣлались торговцами, были, въ своей сторонѣ, сельскими производителями, — которые, воздѣлавъ извѣстную отрасль хозяйства, сорвали съ нея золотое яблоко, которымъ курица, въ ихъ деревнѣ, нанесла золотыхъ яицъ и которые поэтому ведутъ торговлю въ уголку, глубоко изученномъ ими въ производительно-промышленномъ отношеніи, какъ золотоискатели ведутъ свои мины въ землѣ, съ внутреннимъ содержаніемъ которой напередъ хорошо ознакомились. Такихъ людей нѣтъ, — оттого и торговое движеніе въ предѣлахъ этого края является не торговлею, органически развивающеюся изъ наличнаго, воздѣланнаго на мѣстѣ, капитала, а какимъ-то эфемернымъ, налетнымъ торгашествомъ, начинающимся векселемъ и оканчивающимся конкурсомъ. Производители такого поверхностнаго и шаткаго торга — Армяне Нахичеванскіе (съ Дону) и Закубанскіе. Не пускаются они съ прочно-оснащеннымъ неводомъ въ открытое море торговли, а сидятъ на берегу, съ блеснями и самоловами собственнаго изобрѣтенія и ловятъ мелкую рыбку. Такъ торгуютъ ихъ родоначальники по второстепеннымъ городамъ Турціи, гдѣ торговые уставы и учрежденія замѣняетъ простая полиція. Дай намъ, — говорятъ безденежные Черноморскіе торговцы денежному пану-хуторянину, — дай, чѣмъ на-

живить крючокъ: мы поймаемъ большую рыбу и съ тобою подѣлимся. Панъ и дастъ; но, по окончаніи лова, выходитъ, что ловецъ, въ своемъ Нахичеванѣ, хлебаетъ жирную уху, состряпанную умышленнымъ банкротствомъ, а панъ, довѣрчиво разстегнувшій завѣтную калиту, постится въ своемъ мрачномъ хуторѣ и гнѣвается, когда ему напомнятъ родную нравоучительную пословицу: «не продерешъ очей, такъ продерешъ калитку».

Пускаясь въ торговое дѣло безъ основной копѣйки, по единой благости удивительнаго московскаго кредита, и не имѣя поэтому произвольнаго, предъизбраннаго направленія, Нахичеванскіе Армяне на Черноморьи бросаютъ другъ другу камень подъ ноги и дѣлаютъ мѣстную внутреннюю торговлю, не только мелочною, но и безхарактерною. Случается видѣть у нихъ за прилавками такія вещи, которыя, по роду мѣстныхъ потребностей, могутъ пролежать безъ спросу цѣлое столѣтіе. Сами торговцы, конечно, не думали о нихъ, когда набирались товаромъ; но на нихъ навязано это бремя изъ залежи кредитора.

Армянская лавка на Черноморьи — это товарная энциклопедія, изданная въ шестнадцатую долю листа. Рѣдкую изъ нихъ не забралъ бы русскій ходебщикъ въ свою коробку. За немногими исключеніями, которыя справедливость требуетъ сдѣлать, черноморскіе торговцы изъ Нахичевана слишкомъ мало даютъ мѣста на своихъ полкахъ товару полезному, но скромному, не трубящему о самомъ себѣ. Напротивъ, они любятъ вести торгъ товарами мишурными, бросающимися въ

глаза и, по своей легкости, легко сходящими съ рукъ. Это вѣчные продавцы игрушекъ для взрослыхъ дѣтей и лучшіе проводники между плохими фабриками и невзыскательными потребителями. — Вотъ образчикъ ихъ языка и тонкаго обхожденія съ покупателями. Бѣдный чиновникъ торговалъ у Армянина плохую шубу, сшитую изъ волчьихъ хвостовъ. Запросъ былъ слишкомъ высокъ, покупатель не сошелся въ цѣнѣ и сталъ выходить изъ лавки. Тогда Армянинъ обратился къ нему съ послѣднимъ словомъ: «паштенна, послѣдну слову — тебѣ не волкомъ ходытъ, а овцомъ ходытъ».

Сіи краснорѣчивые торговцы украшаютъ своимъ присутствіемъ торговые ряды Екатеринодара и лавочки всѣхъ куреней Черноморья. Они же являются первые и на всѣ ярмарки этого края. Тѣ, которые торгуютъ по куренямъ, во время стрижки овецъ и мору скота, поспѣшно оставляютъ свои прилавки и, съ запасомъ ножиковъ, зеркальцевъ, колечекъ, пряжекъ, огнивъ, иголъ, шильевъ, табаку, деревянныхъ трубокъ съ мѣдными колпачками, пускаются въ степи, къ пастушескимъ кишламъ, гдѣ, посредствомъ мелочной, но весьма прибыточной для нихъ мѣны, дѣлаютъ значительныя пріобрѣтенія шерсти, кожъ, сала и заячьихъ шкурокъ. Армяне Закубанскіе дѣйствуютъ въ томъ же родѣ по закубанскимъ ауламъ, только размѣры ихъ дѣйствій гораздо обширнѣе. Спекулятивные пути и обороты, или извороты тѣхъ и другихъ закрыты непроницаемою завѣсою для остальнаго торговаго міра, — и только Нахичеванъ на Дону, гдѣ неожиданно, изъ не пользующихся извѣстностью промышленныхъ ис-

точниковъ, скопляются цѣлыя горы шерсти, сала, кожъ, воску и мѣховъ, покачиваетъ головою, съ восклицаніемъ: вай, вай, какой нашъ умна человѣкъ, — и всячески дивится большимъ пріобрѣтеніямъ, при малыхъ средствахъ.

Какъ Армянъ, такъ и другихъ иногородныхъ, постоянныхъ торговцевъ въ предѣлахъ края считается до трехъ сотъ. Ихъ торговля оцѣнивается въ полмилліона руб. Кромѣ того, съ каждою весною, посѣщаетъ курени и хутора странствующая промышленность Ярославской и Владимірской губерній: коробейникъ (афеня), съ бакалейнымъ и сельско-галантерейнымъ товарцомъ, чаще имѣющій дѣло съ нѣжнымъ, чѣмъ съ грубымъ поломъ козацкаго народонаселенія и охотно промѣнивающій свои мануфактурныя вещицы на прядево, щетину, перья, воскъ, клыки дикаго кабана, заячьи шкурки, раковыя жерновки, изъ которыхъ, какъ онъ увѣряетъ своихъ покупательницъ, дѣлаются тарелки, — что жерновка, то-де и тарелка, — и другія не блестящія произведенія; продавецъ косъ, кое-какъ, по-русски, сидящій на облучкѣ своей телеги съ рогоженною кибиткою, и звонко клеплющій въ косу, чтобъ имѣющій уши слышати — слышалъ; обходительный продавецъ восковыхъ свѣчей, ладону, парчи и церковной утвари, увлекающій къ набожной щедрости отставныхъ козаковъ блестящею выставкою своего товара у церковной ограды, и приличными изреченіями изъ писанія; наконецъ, и нашъ пашковскій гончарь, съ такимъ громоздкимъ возомъ, какъ адмиральскій корабль сухопутнаго флота игорева, и съ гру-

быми, почти повелительными воззваніями: «молодиці, по-го́ршки, ану-жъ мерщій, по-го́ршки....»

До какихъ ухищреній дошла сметливость странствующихъ мелкихъ промышленниковъ, можно видѣть изъ того, что многіе изъ нихъ, во время весенней стрижки овецъ, откупаютъ на срывъ щетину, произрастающую на хребтахъ тѣхъ животныхъ, угрюмыми звуками которыхъ никогда не оглашается Турція. Когда торгъ слаженъ, щетиноносныя животныя, подъ предлогомъ корма, собираются въ особую загородь и вѣроломно отдаются своими корыстолюбивыми хозяйками въ безжалостныя руки коробейниковъ, которые ихъ связываютъ и потомъ, не ножницами, а деревянными лещетками, снимаютъ съ нихъ жесткія руна. По выдержаніи операціи, обезображенные, но по прежнему здоровые, паціенты отдаются обратно своимъ обладательницамъ, съ насмѣшливымъ пожеланіемъ, чтобъ на оголенной нивѣ выросъ имъ, къ будущей веснѣ, новый доходъ. Пожеланія, несмотря на ихъ ироническій тонъ, осуществляются: чрезъ годъ, новая жатва осѣняетъ хребты тѣхъ же животныхъ, и къ ней являются тѣ же жнецы. Невозможность ощипать курицу, безъ того, чтобъ она не кричала, обратилась въ пословицу; легко же представить себѣ оглушительный крикъ, сопровождающій вышеизъясненную операцію, — тѣмъ болѣе, что коробейникамъ вовсе неизвѣстно употребленіе хлороформа.

Въ видахъ споспѣшествованія сбыту главнаго богатства края: лошадей, рогатаго скота и овецъ, учреждены въ разныхъ мѣстахъ Черноморья ярмарки.

вязался съ первыхъ дней поселенія Черноморскаго войска на Кубани. Кошевой атаманъ этого войска Котляревскій, во всеподданнѣйшемъ представленіи своемъ Государю Павлу Петровичу, отъ 21-го іюля 1799 года, между прочимъ, излагалъ: «По неотпуску каждому Черкесскому владѣнію изъ войска Черноморскаго соли, тамъ, гдѣ ему способно, оныя владѣнія, злобствуя на войско, причиняютъ ему, хищническимъ грабежемъ людей, не малыя обиды, говоря тако: давай намъ соль тамъ, гдѣ надобно — не будемъ воровать, ибо намъ безъ соли не пропадать, и мы у васъ зато воруемъ, что въ Анапѣ дорого соль купуемъ». По воспослѣдовавшему тогда же Высочайшему соизволенію учреждены «сатовки», или [мѣновые дворы по правому берегу Кубани,] на разныхъ пунктахъ. Въ настоящее время ихъ болѣе десяти.

Кромѣ лѣса, господствующей привозной статьи, переходятъ чрезъ мѣновые дворы на нашу сторону: лубокъ, называемый горцами «кожа дерева», чорная нефть, пьявки, алебастръ, разныя кожи и мѣха, въ сыромъ видѣ, лошади и рогатый скотъ, особенно буйволы, хлѣбъ, сало, масло, медъ, воскъ, бурки, горская одежда, ножи, циновки и нѣкоторыя издѣлія изъ дерева. Съ нашей стороны, сверхъ соли, главной статьи отпуска, идутъ мѣновыми стезями въ горы: разныя бумажныя и шелковыя ткани невысокаго достоинства, шелкъ и канитель для дѣланія галуновъ, холсты, сафьяны, войлоки, посуда, сундуки, мыло.

По военнымъ обстоятельствамъ края, торговыя сношенія козаковъ съ горцами подвержены частымъ

переворотамъ: то они возрастаютъ, то ослабѣваютъ, то и вовсе прерываются. Кромѣ того, впереди значительнаго протяженія мѣновой черты лежитъ для торговли порогъ въ одной изъ привиллегій земли, обитаемой Бжедугами. Въ этомъ ближайшемъ къ нашей линіи народѣ демократія еще не подавила феодализма, какъ у дальнѣйшихъ горцевъ, и потому земля остается подѣленною между многими мелкими владѣльцами—князьками и дворянами (пши и уоркъ), къ стариннымъ привиллегіямъ которыхъ принадлежитъ право «курмука» (¹) — феодальное право взимать транзитную пошлину со всего, что провозится чрезъ ихъ владѣнія изъ горъ на Кубань и обратно. Нерѣдко жадность этихъ нищихъ князьковъ дѣлаетъ изъ курмука препятствіе для торговли, гораздо важнѣе, чѣмъ дурное состояніе, или — точнѣе сказать — несуществованіе путей сообщенія по закубанской сторонѣ.

Но доскажемъ, что осталось еще сказать о внутренней промышленно-торговой жизни края.—Мы знаемъ уже, что промышленный и ремесленный трудъ въ предѣлахъ Черноморья, наибольшею частію, принадлежитъ временнымъ пришельцамъ, и что на долю мѣстнаго народонаселенія, составляющаго одно служивое сословіе, остается простой трудъ производительный, и тотъ не весь. По общему раздѣленію сословій и труда въ государствѣ, казалось бы, иначе и быть не должно: всякому свое. Но здѣсь, по особенному

(¹) Испорченное Турецкое слово гюмрю — таможня.

положенію края, является неудобство, несуществующее для Кавказскаго козачьяго войска, гдѣ сословіе, ратующее съ оружьемъ въ рукахъ, на границѣ, поддержано сзади другими, неслужащими сословіями — податными сословіями Ставропольской губерніи. Въ Черноморскій самостоятельный край, отброшенный на оконечность цивилизованнаго русскаго міра, въ край недостаточно гостепріимный, какъ въ климатическомъ, такъ и въ военномъ отношеніи, и отказывающій въ правахъ гражданства всему, что не носитъ оружія, промышленные, ремесленные и вообще рабочіе гости могутъ находить различно: или въ такихъ, сколько нужно, или въ гораздо меньшихъ, численныхъ силахъ; или тогда, когда нужно, или тогда, когда ненужно, — или же, наконецъ, при дѣйствіи извѣстныхъ препятствій, вовсе могутъ не приходить. Невыгоды такой зависимости слишкомъ ощутительны для мѣстнаго козачьяго населенія. И между тѣмъ, этому населенію не достаетъ поощренія, руководства и поддержки, чтобъ ослабить сколько-нибудь эту зависимость. Козаки, знающіе ремесла, отбываютъ службу не оружіемъ, а ремеслами своими: то они записываются въ особо учрежденную «войсковую мастеровую сотню», то работаютъ въ составѣ полковъ, баталіоновъ и батарей. Находя легче и почетнѣе этой трудовой службы, службу общерядовую, службу съ шашкой и пальникомъ, а не съ долотомъ и кузнечнымъ мѣхомъ въ рукахъ, молодое козацкое поколѣніе не имѣетъ никакой охоты къ изученію ремеслъ. Для удаленія невыгодныхъ случайностей зависимости мѣстной реме-

сленной промышленности, не будетъ ли вызвано изъ среди козачьяго сословія свободное «ремесленное общество», подобно тому, какъ уже учреждено въ войскѣ, съ послѣднимъ преобразованіемъ его, «торговое общество», въ составѣ двухъ сотъ лицъ.

Это благодѣтельное нововведеніе вознаграждаетъ, по крайней мѣрѣ, имѣетъ цѣлью вознаградить для войска отсутствіе средняго сословія. Вступивъ въ торговое общество и внося погодно въ войсковую казну купеческую подать по третьей гильдіи, козакъ ставитъ себя въ независимость отъ всякихъ службъ и пользуется правомъ торговли, какъ въ предѣлахъ, такъ и внѣ своей земли. Но какъ мѣстное богатство, если есть оно, находится въ рукахъ чиновнаго класса, а торговое общество учреждено для однихъ только рядовыхъ козаковъ: то и благодѣтельная мѣра, предпринятая для организованія промышленно-торговаго класса изъ самыхъ же служивыхъ обитателей края, не достигаетъ предназначенной ей цѣли: двух-сотное, по штату, торговое общество оказывается одно-сотнымъ въ дѣйствительности; изъ двухъ сотъ званныхъ только половина избранныхъ, — да и изъ тѣхъ очень не многіе посвящаютъ себя торговому дѣлу. Свободно дышетъ Черноморецъ въ военной засадѣ, но за прилавкомъ онъ не въ своихъ саняхъ: скупъ на слова и неспособенъ къ двумъ главнѣйшимъ въ торговлѣ вещамъ: показать товаръ лицомъ и дѣлать два дѣла разомъ.

Болѣе утѣшительныхъ видовъ и упованій на водвореніе въ Черноморскомъ войскѣ промышленности и торговли, коренной, неувлекающей капиталовъ за

предѣлы края, но притягивающей въ край и развивающей ихъ на мѣстѣ, промышленности и торговли, благодарной къ краю, подаетъ новонаселяемый въ предѣлахъ Черноморья портовый городъ Ейскъ. Черноморскіе козаки встрѣчаютъ съ хлѣбомъ-солью и со всякимъ вспомоществованіемъ свой новый, промышленно-торговый городъ, который станетъ имъ въ поддержку, какъ Ставрополь и Пятигорскъ, съ ихъ трудолюбивыми округами, стоятъ въ поддержкѣ за Кавказскими козаками.

РАЗСКАЗЪ ОСЬМОЙ.

Пути сообщенія. Почтовыя учрежденія.

Bonne terre, mauvais chemins.

Черноморье можетъ располагать множествомъ естественныхъ пособій къ сбыту и внутреннему обороту предметовъ промышленности и торговли. Для внѣшнихъ водяныхъ сообщеній край открытъ съ юго-запада, запада и сѣвера: чрезъ Черное море — съ Анапою, Новороссійскомъ, Өеодосіей, Одессой; чрезъ Керчинскій проливъ — съ Керчью и Еникале; чрезъ Азовское море — съ Бердянскомъ, Маріуполемъ, Таганрогомъ и Ростовомъ. Для внутреннихъ сообщеній могли бы служить: лиманы Кизилташскій и Ахданизовскій, рукавъ Протока и многіе ея ерики и лиманы, Каракубань и каналы Энгеликъ и Калаусъ. Но эти пустынныя и запущенныя воды могутъ сдѣлаться путями сообщенія не прежде того времени, какъ кордонная вышка обратится въ каланчу мирной полиціи, а около вѣхи, возвѣщающей ночную тревогу на Кубани, обовьется причалъ сплавной барки. При всемъ своемъ непостоянствѣ и шаткости, низовая Кубань можетъ, со временемъ, съ водвореніемъ безопасности на ея берегахъ,

подчиниться судоходству, по крайней мѣрѣ нисходящему, сплавному судоходству. Тогда же, по большимъ притокамъ ея — Бѣлой, Пшишу, Афипсу и другимъ будутъ скатываться съ горъ на Черноморье строевой лѣсъ, камень, алебастръ и проч.

По сухопутнымъ сообщеніямъ края съ Ставрополемъ, Ростовомъ, Анапою и Керчью проходятъ три почтовыя дороги, которыхъ исходною точкою служитъ городъ Екатеринодаръ. Тракты ставропольскій и ростовскій, съ вѣтвью этого послѣдняго на портовой городъ Ейскъ, не представляютъ никакихъ естественныхъ препятствій, если не относить къ препятствіямъ множества балокъ и рѣчекъ, пересѣкающихъ ростовскій трактъ, но, во всякое время года, удобно переѣзжаемыхъ чрезъ постоянные мосты и плотины. Отъ куреня Старо-щербиновскаго, лежащаго на границѣ Черноморья съ Ростовскимъ уѣздомъ, до посада Ейскій-городокъ, на протяженіи семи верстъ, дорога идетъ по низменности, принадлежащей къ широкому устью Еи. Большая часть этой низменности, во время весеннихъ разливовъ Еи, или проливныхъ осеннихъ дождей, понимается водою, и тогда везутъ васъ верстъ пять непрерывно по водѣ. Но какъ дно наводненнаго пространства довольно твердо (оно состоитъ изъ песку и ракушки, плотно спаянныхъ иломъ), то и переѣздъ совершается безъ особенныхъ затрудненій. Надобно одного только смотрѣть — не подмочилась бы кладь въ повозкѣ (1).

---

(1) Такой же бродъ приходится проѣзжать, весною, на Таманскомъ

и

Таманскій трактъ, ведущій въ Керчь и Анапу, пересѣкается, сперва, рукавомъ Протокою, потомъ двумя ахданизовскими гирлами, наконецъ, къ сторонѣ Анапы, бугазскимъ гирломъ и, къ сторонѣ Керчи, Керчинскимъ проливомъ. На этихъ пересѣченіяхъ Черноморское войско содержитъ переправы: на Протокѣ и двухъ ахданизовскихъ гирлахъ — паромную, на бугазскомъ и Керчинскомъ проливѣ — лодочную. Бугазское гирло имѣетъ ширины 60 саженъ, а Керчинскій проливъ, между Таманью и Керчью, по бухтѣ, 23 версты. Но должно замѣтить, что, по обѣ стороны Таманской бухты, вдаются въ проливъ два мыса, отбрасывающіе отъ себя длинныя и узкія, песчаныя косы. Это, какъ будто бы, поваленные геркулесовы столбы въ Керчинскомъ Гибралтарѣ. Изъ нихъ сѣверная коса Чушка вытягивается къ Еникале, а южная Тузла къ Павловской-батареѣ. Между оконечностями косъ и берегомъ Тавриды не болѣе пяти верстъ. На оконечности Тузлы войско содержитъ переправу на дубахъ (большихъ лодкахъ) для зимы; во время же навигаціи, существуетъ пароходное, между Таманью и Керчью, сообщеніе ([1]).

Переправы бываютъ сопряжены съ затрудненіями,

островѣ, по узкому пространству, пролегающему между лиманомъ Ахданизовскимъ и моремъ Азовскимъ. Это — Темрюцкій бродъ, простирающійся верстъ на пять. Дно его песчанисто и довольно твердо; но, при проходѣ большихъ обозовъ, разбивается, и тогда работаютъ надъ нимъ сотни рукъ.

([1]) Въ содержаніи этого сообщенія войско участвуетъ ежегоднымъ отпускомъ изъ своей казны 1,700 руб.

когда дуетъ сильный вѣтеръ отъ сѣвера къ югу, — причемъ лодка можетъ быть вынесена въ открытое море, — а такъ же, когда происходитъ замерзаніе и вскрытіе водъ.

Дорога чрезъ обозначенный Протокою низменный поперечникъ между степнымъ континентомъ и Таманскимъ островомъ, на протяженіи сорока верстъ, подвержена наводненіямъ изъ Кубани, и ѣзда по ней бываетъ очень затруднительна. Наводненіямъ противопоставляются земляныя насыпи, поддержаніе и возобновленіе которыхъ лежитъ на жителяхъ натуральною повинностью и составляетъ для нихъ безконечный трудъ Сизифа. Насыпи изъ рыхлаго болотнаго чернозема и подстилка подъ ними изъ камыша и хвороста расползаются и, каждый годъ, исчезаютъ въ болотахъ, — что и заставляетъ ожидать, въ замѣну имъ, правильнаго и прочнаго шоссе, для котораго камень могъ бы быть доставленъ водою съ береговъ Тамани, или Керчи. Кромѣ этого неудобства, какъ таманскій, такъ и ставропольскій тракты, пролегая вдоль военной кубанской границы, не считаются безопасными отъ нападеній горцевъ. Вмѣсто пріятнаго и полезнаго совѣта — брать въ дорогу одного дня хлѣба на три дня, существуетъ здѣсь несносное правило — брать во всякую дорогу оружіе.

Въ разныхъ мѣстахъ военной кубанской границы устроены чрезъ Кубань четыре паромныя переправы и одинъ мостъ на плашкотахъ, снимающійся на зиму. Впрочемъ переправы эти относятся, не столько къ

комуникаціоннымъ, сколько къ операціоннымъ линіямъ для наступательныхъ дѣйствій противъ горцевъ.

На всѣхъ трехъ почтовыхъ трактахъ войско содержитъ изъ своихъ доходовъ 25 станцій и на нихъ 150 троекъ лошадей изъ мѣстныхъ породъ, въ превосходной степени годныхъ для почтовой гоньбы. Почтовыя станціи расположены въ степныхъ пространствахъ, внѣ населенныхъ мѣстъ, изъ-за подножнаго корма для лошадей. Помѣщенія ихъ болѣе, чѣмъ скромны. За исключеніемъ пріюта, нагрѣтаго сѣнными обьѣдьями, проѣзжающій напрасно будетъ искать въ нихъ другихъ дорожныхъ удобствъ. Вмѣсто бархатнаго воротника, въ четырнадцатомъ классѣ, предъ него предстанетъ и спроситъ подорожную стрыженный въ скобку малой, съ издающими извѣстный запахъ сапогами и заспаннымъ, въ высшей степени, лицомъ. Развернувъ подорожный документъ для прописки, будетъ онъ углубляться въ него съ такимъ сосредоточеннымъ видомъ и столько разъ оттряхнетъ къ затылку свои неприглаженные волосы, какъ бы предъ его глазами была хартія, никогда въ жизни имъ невиданная и писанная при царѣ-горохѣ. И даже, на привычный зовъ проѣзжающаго, не всегда явится самоваръ, худой, толстый, искалеченный, пышущій здоровьемъ, вымытый, замусоленный, улыбающійся, угрюмый — какой бы ни былъ. Необозримый и неисчислимый рядъ этихъ официяльныхъ сосудовъ, проливающихъ ободреніе ослабѣвшимъ и утѣшеніе задержаннымъ путникамъ, на всемъ почтовомъ протяженіи отъ Москвы до Ейскаго-городка, здѣсь прерывается. Остается только жа-

лобная книга, на привязи у стола, всегда бѣлая, да темное расписаніе на стѣнѣ, и еще хилые часы у дверей, съ привѣшенными къ одной изъ гирь, въ видѣ добавочнаго жалованья, старою подковою и таковымъ же наперсткомъ отъ косы. Несмотря на это сугубое поощреніе, старослуживые часы идутъ вяло и совсѣмъ не въ ногу съ временемъ. Не нужно имѣть большой проницательности, чтобъ прочитать на ихъ мрачномъ челѣ, что имъ ужь не до службы у Сатурна, и что одно только жестокосердіе кондицій удерживаетъ ихъ на столь трудномъ мѣстѣ. Но видимые недостатки черноморскихъ станцій окупаются однимъ, сокрытымъ подъ ихъ камышевой крышей, нравственнымъ достоинствомъ: здѣсь вы никогда не услышите неблагозвучнаго, потрясающаго желчь путешественника, въ самомъ ея основаніи, и вызывающаго наружу всѣ дурныя его свойства: «нѣтъ лошадей!» И потомъ лошади, которыхъ даютъ вамъ, лихія черноморскія лошади, мчатъ васъ съ быстротою, равною вашему нетерпѣнію, а иногда даже превосходящею оное, — что ужь бываетъ не вполнѣ пріятно, ибо тогда отъ полнаго состава повозки достигаетъ слѣдующей станціи одна только тачка съ передними колесами. Если на тройкѣ Черноморецъ, онъ не будетъ кричать и растобаривать, какъ ямщикъ чисто-русскій; но, какъ удивительный человѣкъ, который не хочетъ пѣть въ одинъ голосъ съ другимъ, который, по доброй волѣ, никогда ничего не дѣлаетъ противъ внутренняго убѣжденія, и который безусловно убѣжденъ, что лошадь не понимаетъ словъ, онъ — свиститъ. А сви-

ститъ такъ, что въ предѣлахъ Ростовскаго уѣзда слышно. На первой, отъ границы Черноморья, станціи названнаго уѣзда, ямской староста, у котораго были на рукахъ докучливые проѣзжающіе, нетерпѣливо ожидалъ возврата своихъ троекъ, выпущенныхъ съ тяжелою почтою на черноморскую станцію. Послышался колокольчикъ съ черноморской стороны, и озабоченный староста послалъ мальчика выглянуть за ворота — свои ли обратныя идутъ, или, чего добраго, Черноморецъ скачетъ съ новымъ гономъ. «Еще далече», — обозвался мальчишка за воротами, — «не видать гораздо, а слышно свиститъ». — «Коли свиститъ, такъ Черноморецъ», — произнесъ староста съ увѣренностью, которую не сильны были бы поколебать никакіе громы, и почесалъ въ затылкѣ.

Почтовыя дороги такъ же пустынны, какъ и станціи. Онѣ не обозначены, ни рвомъ, ни деревцомъ. Въ темную осеннюю ночь, или въ зимнюю метель, вся надежда на рѣдкіе поверстные столбы и, еще болѣе, на чуткость и памятливость степной тройки. Основательный страхъ остается тогда, скорѣе всего, за переѣзды чрезъ мосты, которыхъ насчитывается на почтовыхъ, чумацкихъ и проселочныхъ дорогахъ до 170. Изъ нихъ три только каменные, а всѣ остальные деревянные, по безлѣсью, сколоченные кое-какъ. Въ нихъ часто усматриваются ненужныя отверстія, а перилы ихъ обыкновенно расходуются чумаками для варенія каши, съ саломъ, въ мокрую погоду, когда другое подручное топливо, бурьянъ и камышъ,

не хочетъ горѣть. Той же участи подвергаются и дощечки, прибиваемыя къ поверстнымъ столбамъ для показанія числа верстъ.

Не слишкомъ удовлетворительное состояніе сооруженій по части путей сообщенія воспѣто даже въ народной поэзіи козаковъ. Черноусый «паробокъ» (¹) требуетъ объясненія отъ чернобровой дивчины, по какимъ причинамъ она забарилась (замѣшкалась) явиться на «юлицу». Оробѣвшая нѣсколько отвѣтчица приводитъ въ свое оправданіе дурное состояніе войсковаго моста, чрезъ который слѣдуя она завалилась и оттого забарилась (²). Статься можетъ, что этого совсѣмъ и не было. Но что неудобства на мостахъ и переѣздахъ дѣйствительно существуютъ, такъ это ясно видно изъ самыхъ наименованій нѣкоторыхъ урочищъ сухопутныхъ сообщеній. Напримѣръ: на ростовскомъ чумацкомъ трактѣ есть балка «Вырвихвостъ», каковое названіе доставилъ ей слѣдующій случай, разсказываемый старожилами. Нѣкоторый путешественникъ, слѣдуя чрезъ нее, по собственной надобности, въ ненастное время и въ тяжело нагруженной кибиткѣ, увязъ на самой срединѣ черноземной насыпи, перекинутой чрезъ дно балки. Когда усталые кони, за

(¹) Холостой человѣкъ. «Па»—полъ, «робокъ» — работникъ; выходитъ — полуработникъ.

(²) Ой, де-жъ ти була,
Забарилася?
— На дирявімъ мосту
Провалилась я.

и проч., не относящееся до путей сообщенія.

всѣми усиліями грудью, вызволить кибитку изъ грязи не могли, — путешественникъ нашелъ себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ послѣднему средству: приладить упряжь, вмѣсто груди, къ хвостамъ лошадей. (Способъ и въ позднѣйшее время употребляемый въ отчаянныхъ обстоятельствахъ). Затѣмъ, въ слѣдствіе новыхъ, жесточайшихъ понуканій, кони рванули такъ сильно, что хвосты немедленно отдѣлились отъ остальнаго ихъ организма, и это странное событіе увѣковѣчило за балкою вышеупомянутое прозвище. — Потомъ, существуетъ балка «Малевана», названіе которой проистекло изъ того, что экипажи и лошади путешественниковъ выходятъ изъ нея размалеванными краскою темнаго цвѣта. Наконецъ, есть еще балка «Загубичоботъ», — но это въ глуши, на одной изъ проселочныхъ дорогъ.

Въ городѣ Екатеринодарѣ находится войсковая почтовая контора. Въ городахъ Тамани и Ейскѣ, а также въ куреняхъ Полтавскомъ и Уманьскомъ, гдѣ имѣютъ пребываніе окружныя власти, учреждены почтовыя отдѣленія, подвѣдомственныя войсковой конторѣ. Почтовый сборъ въ нихъ составляется преимущественно отъ денежныхъ посылокъ и старыхъ паспортовъ, отправляемыхъ иногородными людьми *ко двору, въ Рассею.*

РАСКАЗЪ ДЕВЯТЫЙ.

Войсковая казна. Сравненіе быта козака съ бытомъ поселянина.

Козакъ несетъ военную службу Государеву, для которой исключительно и занимаетъ мѣсто въ государствѣ. Солдатъ дѣлается воиномъ, козакъ родится имъ. Воинъ отъ пазухи матери и до могильной ямы, онъ, по преимуществу, природный слуга Царю и родинѣ. Недремлющимъ стражемъ обходитъ онъ любезное отечество кругомъ, въ дни мира. А въ дни брани тоже отечество говоритъ ему: «Перестань меня кормить, иди меня защищать» (1). И когда новые успѣхи оружія усыновили новую землю отечеству, онъ первый ставитъ свое копье и свой очагъ на новой землѣ. Въ такомъ положеніи, при такомъ призваніи, козакъ свободенъ отъ всякихъ денежныхъ окладовъ, нетолько государственныхъ, но и земскихъ. Неразлучныя съ земскою осѣдлостью повинности онъ отбываетъ натурою, насколько возможно ихъ отбыть въ такомъ видѣ, то есть, въ видѣ личной и имущественной послуги, а не-

(1) Cesse de me nourrir, viens me defendre. Noë.

денежнаго взноса (1). Но какъ, во-первыхъ, не всѣ повинности могутъ быть отправлены натурою, и для отправленія остальныхъ требуются денежные способы, и, во-вторыхъ, какъ каждая отдѣльная въ государствѣ область должна своими мѣстными способами покрывать денежныя издержки, потребныя на ея управленіе и на водвореніе въ ней благоустройства, гражданскаго и общественнаго: для этого, въ краѣ, козаками заселенномъ, существуетъ войсковая казна.

Какимъ образомъ войсковая казна составляется?

Для составленія ея, козакъ, личность котораго освобождена, по прекрасному нашему старинному выраженію — обѣлена, отъ всякихъ денежныхъ налоговъ и взносовъ, отчуждаетъ отъ своего частнаго пользованія въ принадлежность общественную, въ войсковую артель, тѣ изъ естественныхъ произведеній и промысловыхъ угодьевъ, или другаго рода выгодъ обитаемой имъ земли, которыя онъ можетъ удалить отъ себя, не впадая чрезъ то въ скудость, или затрудненіе относительно содержанія своей семьи и снаряженія себя на службу царскую. Такимъ способомъ составляется войсковое,

---

(1) Годичная стоимость натуральныхъ повинностей: квартирной, подводной и по устройству дорогъ, оцѣнивается въ Черноморскомъ войскѣ до 100 тысячъ рублей.

Для исправленія натуральныхъ повинностей подводной и по устройству дорогъ выряжается въ годъ: подводъ до 11 тысячъ, съ такимъ же числомъ проводниковъ, и, сверхъ того, рабочихъ до 400 человѣкъ.

Исправленіе повинностей подводной и по устройству дорогъ падаетъ преимущественно на отставныхъ, а квартирной и этапной на всѣхъ, вообще, козаковъ.

или, если угодно, общественное, хозяйство, а изъ войсковаго хозяйства истекаетъ войсковая казна.

Изъ сказаннаго видно, что учрежденіе въ населенномъ Черноморскими козаками краѣ денежныхъ общественныхъ способовъ, или *казенныхъ интересовъ* ничего не имѣетъ сходнаго съ существующими въ губерніяхъ, учрежденіями этого рода. Въ козацкой землѣ, по единству сословія или общества, всѣ денежные общественные источники направлены въ одинъ ящикъ, которымъ располагаетъ одно вѣдомство. Такому единенію общественныхъ интересовъ подлежитъ даже денежное достояніе церкви: церковныя суммы прибыльныхъ разрядовъ (исключая приношенія на алтарь) вѣдаются войсковымъ начальствомъ. По войсковому положенію опредѣлены въ куреняхъ станичные доходы; но въ дѣйствительности ихъ не существуетъ, по той причинѣ, что не существуетъ еще правильнаго распредѣленія земли. Въ слѣдствіе чего войсковая казна нашлась въ необходимости удѣлить часть своего дохода отъ рыболовнаго промысла въ особые, общественные доходы куреней.

Вотъ главныя статьи войсковаго хозяйства, или иначе—источники войсковой казны.

Продажа въ предѣлахъ Черноморья горячаго вина, заготовляемаго войскомъ на свои капиталы и сбываемаго общепринятымъ въ государствѣ, акцизно-коммисіонернымъ способомъ. Отсюда годоваго дохода въ войсковую казну . . . . 400,000 р.

Денежный капиталъ въ два милліона рублей, составившійся, въ прежніе годы, изъ остатковъ войско-

выхъ доходовъ противъ расходовъ и, потомъ, изъ процентовъ отъ обращенія этихъ сбереженій въ кредитныхъ установленіяхъ. Отъ него указныхъ процентовъ въ годъ . . . . 60,000 р.

Рыболовный промыселъ, вообще, и ачуевскій рыболовный заводъ, въ частности. Годоваго дохода. . . . . 82,000 р. (1)

Соляной промыселъ по войсковымъ солянымъ озерамъ. Годоваго дохода до . . . . 25,000 р.

Нефтяные источники и пьявочныя болота. Отъ нихъ дохода въ годъ до . . . . 1,000 р.

Пастьба на войсковой землѣ скота, лошадей и овецъ, искупленныхъ прасолами, и выгонъ ихъ за предѣлы Черноморья, равно-какъ и вывозъ разныхъ отъ нихъ произведеній. Отъ этой статьи пошлиннаго, въ родѣ таможеннаго, сбора въ годъ до . . . . . 8,000 р.

Войсковыя лавки и торговыя на ярмаркахъ мѣста. Годоваго сбора до . . . . 8,000 р.

Сборъ съ иногородныхъ торговцевъ за право торговли и съ козаковъ, состоящихъ въ войсковомъ торговомъ обществѣ, до . . . . 12,000 р.

Разныя мелкія статьи, изъ которыхъ нѣкоторыя принадлежатъ къ городовымъ доходамъ въ губерніяхъ. Годоваго отъ нихъ дохода до . . . . . 30,000 р.

---

(1) Доходъ этотъ показанъ въ томъ видѣ, какъ давалъ его откупъ, который, въ настоящее время, долженъ быть замѣненъ другимъ способомъ взиманія дохода. Правила на это еще не состоялись. Одинъ ачуевскій заводъ будетъ оставаться, по прежнему, въ откупномъ содержаніи. Онъ даетъ 30 тыс. руб.

Наконецъ, къ разряду доходныхъ статей причисляется «жалованье войсковое», установленное Императрицею Екатериною II изъ государственнаго казначейства, въ годовомъ окладѣ . . . 5,714 р. 28 к. (1)

Всего поступаетъ въ войсковую казну дохода въ годъ . . . . 631,714 р. 28 к.

Годовой расходъ изъ войсковой казны приводится обыкновенно въ равновѣсіе съ доходомъ. Главныя статьи расхода:

Содержаніе присутственныхъ мѣстъ и другихъ штатныхъ учрежденій, равно какъ и лицъ въ отдѣльныхъ должностяхъ, по частямъ: военной, гражданской, медицинской, училищной, духовной и др. до 330,000 р.

Поставка провіанта для полковъ и другихъ частей, содержащихъ кордонную линію, а такъ же провіанта и фуража для внутренно-служащихъ въ войскѣ нижнихъ чиновъ до . . . . 100,000 р.

Содержаніе артиллеріи и конно-ракетныхъ командъ до . . . . 12,000 р.

Содержаніе войсковыхъ хоровъ музыки и пѣвчихъ. . . . . 2,300 р.

Содержаніе врачебныхъ и богоугодныхъ заведеній до . . . . 40,000 р.

Содержаніе на почтовыхъ трактахъ почтъ до 60,000 р.

---

(1) Въ граматѣ Екатерины II Черноморскому войску отъ 30 іюня 1792 года, изображено: «На производство жалованья кошевому атаману, съ войсковыми старшинами, на употребляемые къ содержанію стражи отряды и на прочіе, по войску нужные, расходы повелѣли Мы отпускать изъ казны Нашей по двадцати тысячъ рублевъ на годъ.»

Содержаніе переправъ на кордонной линіи и на почтовыхъ трактахъ, равно какъ и пароходнаго сообщенія чрезъ Керчинскій проливъ до . . . . . . 9,000 р.

Содержаніе войсковаго общеполезнаго разсадника и при немъ сада. . . . . 335 р.

Содержаніе войсковыхъ пансіонеровъ и пансіонерокъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ до . . 10,000 р.

На разные мелкіе и случайные расходы по военной и гражданской частямъ . . . . 50,000 р.

Всего расхода изъ войсковой казны въ годъ 613,635 р.

Само собою разумѣется, что большая часть приведенныхъ цифръ по годамъ измѣняются; но изъ представленнаго перечня статей дохода и расхода можно видѣть ихъ приблизительный объемъ и значеніе.

Покойный Генералъ Вельяминовъ, командовавшій войсками на Кавказской линіи и въ Черноморьи, полагалъ, что козакъ не долженъ быть богатъ, потому что богатство изнѣживаетъ воина. Безпристрастное воззрѣніе на дѣло обязываетъ добавить, что козакъ не долженъ быть и бѣденъ. Козаки никогда не были бѣдны, въ дѣйствительномъ значеніи этого слова. Какъ ни суровъ кажется ихъ старинный степной бытъ; но нуждъ у нихъ было всегда меньше противъ средствъ удовлетворять нуждамъ. Этотъ-то перевѣсъ средствъ надъ нуждами и дѣлалъ ихъ военными людьми, потому что всегда оставлялъ имъ, сколько было нужно, досуга для военнаго воспитанія, для «гулевщины». По мѣрѣ того, какъ козакъ началъ подвигаться подъ общія обязательства гражданственности и цивилизаціи, нужды его начали увеличиваться, и если нужды обгонятъ сред-

ства; тогда явится дѣйствительная бѣдность. А бѣдность, съ ея непрерывной работой и заботой, не дастъ козаку приготовиться и развиться, ни нравственно, ни гимнастически для военнаго молодечества. Это возможно только при нѣкоторомъ досугѣ, а досугъ возможенъ только при нѣкоторомъ довольствѣ, то есть, при перевѣсѣ средствъ надъ нуждами. У противниковъ козаковъ, Кавказскихъ горцевъ, молодой возрастъ посвященъ, на половину работѣ и на половину гимнастическому воспитанію. Тоже самое должно быть и у козаковъ; иначе ихъ молодежь не будетъ знать, какъ горитъ на полкѣ порохъ и какъ сѣдлается конь, до самаго того времени, какъ нужно стать ей въ строй. А она должна знать это гораздо раньше, потому что никакой рекрутской школы, или переходнаго состоянія, между поселянскимъ бытомъ и боевой службой для козацкаго недоросля не существуетъ. По крайней мѣрѣ такъ это здѣсь, на линіи. Переночевавъ, въ послѣдній разъ, въ пастушескомъ кишлѣ, или на гумнѣ, слѣдующую ночь онъ уже проводитъ въ секретѣ и разъѣздѣ на Кубани. Тутъ ужь учиться владѣть оружіемъ и конемъ поздно. Съ того возраста, какъ государственный поселянинъ становится работникомъ, а козакъ служакой, потребности послѣдняго значительно превышаютъ потребности перваго, включая даже сюда все, что первый обязанъ отдать государству. Конечно, козакъ можетъ выѣхать на службу и плохо одѣтый, и плохо обутый, и на коняшкѣ какомъ нибудь; но лучше, если все это и многое другое будетъ у него изъ хорошаго достатка. Тогда и онъ смотритъ

бодрѣе, и на него смотрятъ съ большимъ довѣріемъ. Тогда онъ будетъ служить и не тужить, и уличные зѣваки не посмѣютъ швырнуть въ него прибауткой: «семеро въ кувшинѣ, одной мыши не задушили». А потомъ, сколько въ быту козацкомъ случаевъ вдовства и осиротѣнія, и сколько чорныхъ дней, про которые не имѣть запаса худо. Этихъ случаевъ не бываетъ въ быту государственныхъ поселянъ и наполовину. Всякую, наконецъ, хозяйственную и промысловую работу государственный поселянинъ выполняетъ лучше и, слѣдственно, съ большей для себя пользой, чѣмъ козакъ: онъ лучше вспашетъ, лучше засѣетъ и лучше скоситъ. Козакъ не дойдетъ до него въ этомъ, потому что козакъ дѣлаетъ отъ этого отвычку на службѣ.

Очень желательно, чтобъ въ боевыхъ рядахъ козаковъ было сколько можно больше исправныхъ и удалыхъ молодцовъ; въ такой же точно мѣрѣ желательно, чтобъ въ домашнемъ ихъ быту было сколько можно меньше бѣдняковъ.

Вотъ соображенія, полагающія извѣстную черту между доходами войсковой казны и домашними потребностями существованія, воспитанія и снаряженія козаковъ.

РАЗСКАЗЪ ДЕСЯТЫЙ.

Степень образованности. Способы къ ней. Взглядъ на воспитаніе козачки. Черкесскій языкъ, какъ предметъ изученія. Хаджи Нотаукъ-Шеретлукъ.

Можно ли ожидать благородныхъ и справедливыхъ дѣлъ тамъ, гдѣ нѣтъ въ обращеніи идей, имъ предшествующихъ и ихъ вызывающихъ? гдѣ права и интересы мысли не возбуждаютъ ни въ комъ сочувствія, гдѣ человѣкъ, влачась рабски отъ насущной заботы одного дня къ заботѣ другаго, ниспадаетъ до инстинкта животной смышлености и самоохраненія?...

Професс. Никитенко.

Поучившись грамотѣ на мѣдныя деньги, мужикъ берется за книгу бытія, читаетъ, читаетъ и начитывается, а иногда и «зачитывается» (¹). Совершивъ трудное путешествіе, съ указкою въ рукѣ, до послѣднихъ предѣловъ псалтыри, гдѣ начертано: конецъ и Богу слава, — козакъ вооружается перомъ, пишетъ, пишетъ и дописывается до чина, или же «записывает-

(¹) Явленіе, извѣстное въ простомъ народѣ, какъ болѣзнь, въ родѣ горячки.

ся». Грамотность въ такомъ родѣ довольно обширна между Черноморскими козаками, и они извѣстны въ кавказской арміи, какъ писаки и дѣльцы. Но эта грамотность, пишущая *безъ препинаній* и читающая съ трудомъ, точнѣе должна быть названа письменностью, про которую нѣкоторый писатель пишетъ: «чернильная ржавчина точитъ булатъ, когда-то страшный Туркамъ и Татарамъ». Просто грамотный человѣкъ зовется у козаковъ «письменнымъ», а пишущій съ крючками и безъ препинаній величается «бумажнымъ» человѣкомъ. Бумажныхъ людей въ войсковыхъ присутствіяхъ, канцеляріяхъ и коммиссіяхъ, и даже въ станичныхъ правленіяхъ — много, и перья ихъ скрыпятъ неутомимо, мало уступаютъ скрыпу аробъ, слышному на закубанской сторонѣ; но печальный опытъ показываетъ, что дѣло скрыпу ихъ не боится и совсѣмъ не торопится скрыться въ мракѣ архива, что несравненно лучше быть человѣкомъ свѣдущимъ, чѣмъ бумажно-скрыпящимъ, и несравненно полезнѣе было бы для общества, если бы молодые годы, посвященные скорописанью, мы отдали ученью. Высказывающій эту истину совершенно далекъ отъ мысли сказать чрезъ нее: *нѣсмь якоже прочіи человѣцы*. Нѣтъ, — онъ прямодушно сознаетъ, что созданъ изъ персти недостатковъ своего общества, что онъ самъ — «того же тѣста кнышъ». И его мелкое и мѣлкое самолюбіе хватаютъ судороги, когда уваженіе къ истинѣ и любовь къ родинѣ, — одной малой, какъ муравейникъ, и другой великой, какъ міръ, — предписываютъ ему не брать на кисть свѣтлой краски для изображенія

вещи темной. Какъ же мы сдѣлаемся лучшими и какъ наше положеніе сдѣлается лучшимъ, если разумно не сознаемъ и, съ честнымъ прямодушіемъ воиновъ, не обличимъ того, что въ насъ и у насъ дурно? Отцы наши думали сами благоденствовать и намъ передать обезпеченное благоденствіе въ-одиночку и въ тихомолку, въ отдѣлѣ отъ общества и въ тѣни одинъ отъ другаго; но мы ясно видимъ нынѣ, какъ велика была ихъ ошибка. Вмѣсто благоденствія въ-одиночку, мы наслѣдовали отъ нихъ убѣжденіе на опытѣ, что прочное, переходящее изъ рода въ родъ, благоденствіе зиждется только въ обществѣ, а общество скрѣпляется только обогащеніемъ ума свѣденіями и облагородствованіемъ сердца добрыми стремленіями, — образованіемъ и воспитаніемъ. Неуспѣшный ходъ дѣлъ въ мѣстахъ, гдѣ заключена высшая наша умственная и нравственная дѣятельность, мы взваливаемъ на штаты, мы обвиняемъ ихъ въ ограниченности. Но если бы штаты вдругъ получили способность оправдываться, что бы они сказали, въ свою очередь, про нашу ограниченность? Будемъ же мало-мальски безпристрастны; пусть стихнетъ самолюбіе, этотъ недобрый сѣверо-восточный вѣтеръ нашей доброй, плодотворной натуры, — пусть стихнетъ и дастъ намъ прислушаться къ голосу воспоминаній нашего дѣтства. Слава Богу и Царю-Отцу— теперь не то; но тогда путь къ просвѣщенію, что нынѣ мерцаетъ отчасти въ нашихъ канцеляріяхъ и присутствіяхъ, лежалъ чрезъ школу приходскаго дьяка и чрезъ писарню земскаго повытья, гдѣ наше робкое дѣтское перо погружалось въ обломокъ бутылки, за-

мѣнявшій чернильницу. Не былъ онъ длиненъ, этотъ путь, но шелъ по скалистой и крутой сторонѣ Парнаса, и былъ усѣянъ терніемъ титлъ, словотитлъ и кавыкъ. Отъ цвѣтущей долины первыхъ игръ дѣтства до чернильной вершины войсковаго Парнаса, считалось три поприща: грамáтка, часловецъ и псалтырь. Послѣдній шагъ на каждомъ изъ этихъ трехъ поприщъ ознаменовывался тріумфомъ. Школяръ, дѣлавшій побѣдоносный переходный шагъ, являлся въ обитель науки въ праздничномъ кафтанѣ и съ такимъ большимъ, какъ самъ почти, горшкомъ каши, приготовленной съ роскошью не въ примѣръ обыкновеннымъ кашамъ. На поверхности горшка возлежали дары наставнику: кусокъ шелковой матеріи и мѣдный ключъ къ дверямъ дальнѣйшей грамотности —гривна мѣдныхъ денегъ (1). Это лакомое приношеніе, какъ для питомцевъ, такъ и для воспитателя, безъ сомнѣнія, осуществляло изреченіе, приводимое въ примѣръ періода уступительнаго: хотя корень ученія горекъ, но плоды его сладки. — Соблаговоливъ принять дары и совершивъ обрядъ поднятія дароноснаго отрока за уши, выше стола, съ пожеланіемъ: «вотъ какой расти», учитель повелѣвалъ ученикамъ закрыть книги (что исполнялось съ живѣйшимъ удовольствіемъ), ставилъ между невкусною умственною пищею вкусную кашу и погружалъ въ нѣдра

---

(1) Это называлось въ старой Франціи Minérvals. Описываемый обычай могъ зайти на Украйну, конечно, чрезъ Польшу. Но замѣчательно, что этотъ же горшокъ съ кашей и дарами встрѣчается за Кавказомъ, въ народныхъ школахъ Армянъ.

символическаго яства ложку — самъ и птенцы его. Яство сіе снѣдалось столь благоговѣйно, что каждая, оброненная изъ ложки, крупинка призывала на небрежно ядущаго ударъ грозной тройчатки, — каковая, для сей именно цѣли, возвышалась въ лѣвой рукѣ наставника надъ головами дѣтей, какъ мечъ Дамокла. Бѣдныя невинныя существа получали урокъ, который, конечно, не удерживался у нихъ въ памяти, пока наступало время приложить его къ дѣлу, урокъ, съ какой осторожностію и умѣренностію надлежитъ пользоваться благами жизни. По окончаніи трапезы, самъ наставникъ возглашалъ: «ѣдятъ убозіи и насытятся», и выходилъ изъ храма Минервы; за нимъ, въ шумномъ шествіи, ученики выносили пустой горшокъ и вѣшали его на самый высокій колъ плетня, охраняющаго вертоградъ просвѣщенія отъ нашествій невѣжественныхъ животныхъ. Потомъ, изъ того же плетня, запасались они палками, и, съ разстоянія, указаннаго перстомъ наставника, разбивали сосудъ, еще такъ недавно услаждавшій ихъ вкусъ. По совершеніи такого, по-видимому, неблагодарнаго поступка, будущіе козаки бросались подбирать черепки, и кто успѣлъ нахватать ихъ побольше, тотъ вящшаго удостоивался одобренія изъ устъ педагога. И черепки летѣли въ воздухъ, одинъ выше другаго: испытывались упругость и метательная сила дѣтской руки. О, гдѣ та творческая кисть, которая воспроизвела бы намъ сіяющій гордымъ и вмѣстѣ добродушнымъ самодовольствіемъ ликъ куреннаго ментора — корифея и Пиндара этихъ олим-

пійскихъ игръ, теперь такъ далекихъ отъ насъ, козаковъ старѣющагося поколѣнія!...

И подъ грубою внѣшностью этого школьнаго обряда не была ли сокрыта разумная мысль о необходимости для дѣтей, призванныхъ къ славному поприщу военному, о необходимости образованія нравственно-умственнаго, неразлучно и неразрывно съ развитіемъ внѣшнимъ, съ образованіемъ гимнастическимъ?

На такихъ именно началахъ учреждена въ Черноморскомъ войскѣ, съ 1849 года, гимназія, съ благороднымъ при ней пансіономъ. Сверхъ общеустановленнаго курса, введены въ старшіе классы войсковой гимназіи военныя науки, фехтованіе, маршировка, стрѣльба, верховая ѣзда и плаваніе. Въ зависимости отъ этого средняго учебнаго заведенія, благодѣтельно приспособленнаго къ военному призванію общества, существуетъ въ Черноморьи восемь заведеній нисшихъ. Изъ нихъ при двухъ окружныхъ училищахъ, въ куреняхъ Уманскомъ и Полтавскомъ, учреждены благородные пансіоны. Заведеніе для воспитанія дѣтей женскаго пола предназначено учредить при недавно-открытой Маріинской женской пустыни.

Высшій классъ начинаетъ живо чувствовать потребность воспитанія женскаго пола. Это въ естественномъ порядкѣ и ходѣ дѣлъ. Но какъ должно быть составлено и направлено общественное воспитаніе женщины въ высшемъ сословіи Черноморскихъ козаковъ? — Этотъ вопросъ былъ затронутъ и рѣшенъ еще недавно. При учрежденіи въ Донскомъ войскѣ института для воспитанія благородныхъ дѣвицъ, въ

1850 году, было предназначено въ немъ до десяти вакансій для дочерей дворянъ Черноморскаго войска. Такъ-какъ дѣло касалось войсковой казны, изъ которой должна была производиться плата за Черноморскихъ пансіонерокъ, то войсковому начальству сдѣланъ былъ запросъ: нужно ли и полезно ли предположенное для дочерей Черноморскаго дворянства, институтское воспитаніе? Тогдашній начальникъ войска, знавшій край и общество, какъ никто другой, и любившій говорить правду съ истинно-военнымъ прямодушіемъ и безпристрастіемъ, отвѣчалъ слѣдующимъ замѣчательнымъ мнѣніемъ (1):

«Дворяне Черноморскаго войска не обладаютъ недвижимыми имѣніями, крестьянами населенными, и не имѣютъ никакихъ фондовъ, отъ которыхъ могли бы получать доходы безъ личнаго труда. Напротивъ, дворянинъ въ Черноморскомъ войскѣ поставленъ въ обязательство быть лично земледѣльцемъ и сельскимъ хозяиномъ, точно также, какъ и простой козакъ, съ тою только разницею, что первый обязанъ, соразмѣрно съ большинствомъ своихъ нуждъ и потребностей, болѣе трудиться, чѣмъ послѣдній: потому-то и для того-то первому дается болѣе земли, чѣмъ послѣднему. Въ этомъ и состоитъ нѣкоторое различіе, но отнюдь не отличіе въ бытѣ дворянина и козака. Въ

---

(1) Рапортъ исправлявшаго должность Наказнаго Атамана Черноморскаго войска, Генералъ-Лейтенанта Рашпиля командовавшему войсками Кавказской линіи и Черноморіи, Генералу отъ кавалеріи Заводовскому, отъ 22 февраля 1851 г., за № 643.

сущности же бытъ обоихъ одинаковъ: какъ тотъ, такъ и другой получаютъ только въ пожизненное пользованіе землю, но никакихъ, кромѣ личнаго труда, посредствующихъ пособій къ извлеченію для себя пользъ изъ земли.»

«Такимъ образомъ, безпомѣстное вообще, дворянство Черноморскаго войска не имѣетъ другихъ къ своему пропитанію и къ снаряженіямъ на службу источниковъ, кромѣ земледѣлія и скотоводства, — или, однимъ словомъ, сельскаго, въ тѣснѣйшемъ значеніи, хозяйства: потому-что всѣ прочія промысловыя статьи въ этомъ краю принадлежатъ исключительно войсковой казнѣ — источнику удовлетворенія нуждъ войсковыхъ или общественныхъ. Изъ сего явствуетъ, что дворянинъ, внѣ службы, обязанъ снискивать себѣ пропитаніе тѣмъ же самымъ путемъ, что и простой козакъ. А какъ, по роду своей козачей службы, дворянинъ часто покидаетъ свое хозяйство и даже свой край, то отъ этого происходитъ, что дворянки, или женскій вообще полъ дворянства, несутъ большія обязательства по части труда и хозяйства, чѣмъ служилый полъ мужескій. Уходя на далекую или близкую службу Государеву, здѣшній козачій дворянинъ оставляетъ на единственномъ попеченіи своей жены сбереженіе, поддержаніе и развитіе своего хозяйства, равно какъ и воспитаніе дѣтей, будущихъ козаковъ Государевыхъ. Отъ трудолюбія и рачительности жены исключительно и безусловно зависитъ благосостояніе дворянина и его семьи. Это показываетъ насущный опытъ. Тотъ же опытъ показываетъ, что если здѣшній козачій дво-

рянинъ, разбогатѣвъ, начинаетъ уклоняться отъ нормальнаго своего земледѣльческаго быта, начинаетъ забывать простоту нравовъ и образа жизни своихъ отцовъ и жить на барскую стать: то въ скоромъ времени раззоряется, и ближайшему своему поколѣнію оставляетъ нищету. Всѣ почти войсковыя аристократическія, богатѣйшія фамиліи 1800-хъ годовъ, нынѣ низошли на нисшую степень убожества. Не пріученные къ простотѣ и трудностямъ своего быта, потомки таковыхъ раззорившихся дворянскихъ фамилій, а по ихъ примѣру и многіе другіе, въ позднѣйшее время достатки свои расточившіе, или же вовсе нажить ихъ не старавшіеся, войсковые чиновники начинаютъ нынѣ дѣлаться тягостнымъ бременемъ для начальства и общества. Уклоняясь отъ своего земледѣльческаго быта, они, внѣ служебныхъ очередей, не находятъ употребленія своему свободному времени и чрезмѣрно докучаютъ войсковому начальству просьбами, на словахъ и на бумагѣ, о томъ, чтобъ имъ давали должности и службу, — не для должностей и службы собственно, а дабы въ должностяхъ и службѣ обрѣсти имъ способы къ жизни, за неимѣніемъ другихъ къ тому способовъ. Это явленіе, постепенно принимающее обширнѣйшіе размѣры, я не знаю — до чего доведетъ, такъ называемый, дворянскій здѣшній классъ народа, если классъ этотъ совсѣмъ выйдетъ изъ своей колеи. Первоначальная же причина этого неутѣшительнаго явленія кроется въ нѣдрахъ семействъ, гдѣ священное имя матери и хозяйки утратило свое значеніе. Вообще мы, козаки, до тѣхъ поръ только можемъ быть счастливы для

себя и полезны для царскихъ службъ, пока нашъ женскій полъ не предъявитъ претензій на барство.»

«Все это высказано мною къ тому только, чтобъ показать особенность назначенія женщины въ быту дворянъ Черноморскаго войска,—назначенія, которое прямо и положительно заключается въ воспитаніи и приготовленіи здѣшняго дворянскаго юношества женскаго пола для труда, хозяйства и рачительнаго призрѣнія своихъ семействъ, а не для парадовъ и удовольствій, такъ называемаго, изящнаго свѣта. Въ такомъ убѣжденіи, не умозрѣніями, но дѣйствительностію и опытомъ во мнѣ поселенномъ, я съ глубочайшимъ благоговѣніемъ читалъ, въ копіи отношенія Г. Военнаго Министра къ Г. Главнокомандующему Кавказскимъ корпусомъ, отъ 6 августа 1850 года, за № 678, священныя слова Государя Императора: *воспитательное для дѣвицъ заведеніе на Дону должно имѣть главнѣйшею цѣлію образовать для края, какъ-бы разсадникъ благоразумно просвѣщенныхъ женъ, хозяекъ и, въ особенности, матерей, которыя, будучи первыми наставницами дѣтей, поселили бы въ юныхъ сердцахъ чувства христіанскаго смиренія и благоговѣнія къ волѣ Господней, искреннюю приверженность къ православной церкви и неограниченную преданность къ престолу; пріучали бы дочерей своихъ къ хозяйству, рукодѣліямъ и порядку, согласно съ бытомъ и обычаями казаковъ.*»

«Вотъ дѣйствительное опредѣленіе назначенія женщины въ быту народа, которому суждено оружіемъ снискивать воинскія доблести, а сохою способы къ жизни. Такія христіанскія качества именно и преиму-

щественно должны быть усвоены сердцамъ козачекъ, которыя, каждый разъ, какъ провожаютъ своихъ мужей и сыновей на службу, находятся въ опасеніи остаться вдовами и сиротами. И если это было сказано для Донцовъ, которые вѣками упрочили свое благосостояніе, для которыхъ существуютъ права потомственной земельной собственности, у которыхъ собственнаго рабочаго крѣпостнаго народа въ полтора раза болѣе, чѣмъ всѣхъ вообще жителей въ Черноморскомъ войскѣ, и которыхъ край находится несравненно въ выгоднѣйшемъ положеніи; то тѣмъ болѣе должны примѣнить вышесказанное къ своему положенію и своему быту мы, Черноморцы, которые еще такъ недавно заселили дикій и негостепріимный край, у которыхъ даже нѣтъ другихъ рабочихъ средствъ, кромѣ собственныхъ рукъ, у которыхъ нѣтъ еще ни одного рекомендательнаго памятника общественнаго благоустройства. Въ теперешнемъ нашемъ положеніи и въ отношеніи къ тому быту, какой намъ Государемъ Императоромъ указанъ, дочерямъ нашимъ высшаго институтскаго образованія не надобно. А тѣмъ болѣе не приходится войску, на счетъ своей казны, которая нужна на другіе, существеннѣе важные предметы, доставлять таковое образованіе юнымъ козачкамъ въ Донскомъ институтѣ. Слѣдственно и предлагаемыя для Черноморскаго войска въ томъ институтѣ вакансіи войску сему не нужны. Если же кто изъ немногихъ зажиточныхъ здѣшнихъ дворянъ пожелаетъ образовать своихъ дочерей въ сказанномъ институтѣ, таковой воленъ это сдѣлать на собственный счетъ. Прини-

мать же на войсковое иждивеніе образованіе въономъ институтѣ дочерей войсковыхъ дворянъ — бѣдныхъ, безполезно и даже вредно, а богатыхъ несправедливо. Когда же окончательно устроится наша Маріинская женская обитель, въ то время, на основаніи Высочайшаго указанія, мы будемъ ходатайствовать объ учрежденіи, подъ священною сѣнію той обители, образовательнаго для нашего козачьяго женскаго юношества заведенія, на такихъ началахъ, какія Государемъ Императоромъ, въ духѣ истинной мудрости, предначертаны (выше оныя изъяснены), и какія нашему домашнему быту, служебному призванію и степени нашей цивилизаціи дѣйствительно соотвѣтствуютъ».

Мнѣніе было принято, и проэктъ объ институтскомъ воспитаніи дочерей черноморскихъ дворянъ оставленъ. Конечно, не будетъ это мнѣніе забыто и при учрежденіи воспитательнаго заведенія въ Маріинской обители.

Для первоначальнаго обученія дѣтей войсковаго духовенства, существуетъ въ городѣ Екатеринодарѣ уѣздное духовное училище, подчиненное Ставропольской семинаріи.

Гимназія, съ принадлежащими къ ней нисшими училищами, составляетъ *Дирекцію училищъ Черноморскаго Козачьяго войска,* подвѣдомственную попечителю кавказскаго учебнаго округа и содержимую на счетъ войсковой казны, съ нѣкоторою добавкою изъ станичныхъ доходовъ всѣхъ съ-обща куреней [1].

---

[1] Училище въ п. г. Ейскѣ содержится изъ городскихъ доходовъ.

На счетъ той же казны, войско содержитъ изъ дѣтей своего дворянства: 10 воспитанниковъ въ отдѣленіи восточныхъ языковъ при Новочеркасской гимназіи, 5 въ Харьковской гимназіи и тамошнемъ университетѣ, 2 въ одной изъ С. Петербургскихъ гимназій, 14 въ военно-учебныхъ заведеніяхъ, 1 въ инженерномъ училищѣ, 2 въ лѣсномъ институтѣ, 1 въ горномъ и 1 въ институтѣ корпуса путей сообщенія.

Всѣхъ учащихся въ заведеніяхъ, какъ въ войскѣ, такъ и на сторонѣ, среднимъ числомъ, 600, собственно козачьяго сословія. По числу жителей мужескаго пола, того же сословія, приходится одинъ учащійся на 141 человѣка.

Юные козаки даровиты и воспріимчивы, но нѣсколько расположены чувствовать духоту въ стѣнахъ школы и «текать» въ степь — faire l'école buissonniére, можетъ быть, отъ того, что растутъ они въ одиночку, по глухимъ хуторамъ. Мудрому воспитателю предлежитъ внимательный уходъ за этими, освѣщенными южнымъ солнцемъ и рано расцвѣтающими, воображеніями.

Въ пансіонахъ при гимназіи и двухъ окружныхъ училищахъ учреждены особыя вакансіи для дѣтей мирныхъ черкесскихъ дворянъ. Мѣра благотворная и совпадающая съ нравами Закубанскихъ горцевъ. У нихъ дѣти людей, отличенныхъ родомъ, воспитываются не тамъ, гдѣ родились, но на сторонѣ, въ чужихъ семействахъ, и какъ можно дальше отъ родительской нѣжности. Отецъ, когда бываетъ въ томъ аулѣ, гдѣ воспитываются его дѣти, не войдетъ въ домъ ихъ

аталыка (воспитателя), если не захочетъ покрыть себя стыдомъ.

Школьное сотоварищество козаковъ и горцевъ момодаго возраста, помогаетъ первымъ изучать языкъ послѣднихъ, преподаваніе котораго введено въ гизназическій курсъ. Изученіе этого языка для Черноморскихъ козаковъ, поставленныхъ въ самыя близкія и разнородныя сношенія съ горцами, совершенно необходимо. И надобно сказать, что оно вполнѣ доступно только для дѣтскаго возраста. Языкъ горцевъ Черкесскаго или Адигскаго племени, очень не богатъ числомъ словъ, но очень труденъ для изученія по выговору. Частыя придыханія, скудость гласныхъ и огромное стеченіе согласныхъ буквъ въ слогахъ — вотъ что дѣлаетъ выговоръ его труднымъ, — для взрослаго человѣка непобѣдимымъ. Этотъ языкъ безъ звуковъ, кажется, созданъ только для таинственныхъ переговоровъ листьевъ прикубанскаго осокоря съ полуночнымъ вѣтромъ, да закубанскихъ хищниковъ между собою, когда они располагаютъ ночное нападеніе. Въ примѣръ бѣдности языка приведемъ осложненіе простаго слова *ахгхо* — пастухъ: шсш-ахгхо — табунщикъ, мел-ахгхо — овчарь, чем-ахгхо — скотарь, кхгг-ахгхо — свинопасъ, бсж-ахгхо — пчеловодъ, буквально — *пастухъ пчелъ!!* И изъ подобныхъ, одно къ другому за волосы притянутыхъ, словъ большая половина языка составлена. Буйволъ и пѣтухъ въ одно ярмо заложены. Рѣдкое существительное не въ кумовствѣ и свойствѣ со всѣми остальными существительными, — къ чему много способствуетъ малоколи-

чественность слоговъ въ словахъ — естественное слѣдствіе скудости гласныхъ буквъ въ нихъ.

Адигскій языкъ не имѣетъ письменности, и не легко передать всѣ оттѣнки его звуковъ, дыханій и шипѣній посредствомъ какого бы то ни было алфавита. Въ этомъ отношеніи онъ сродни неудобоизобразимому языку Срединнаго государства. Однако сдѣланы уже опыты составленія для языка закубанскихъ горцевъ алфавита и грамматики. Въ какой степени они удачны, покажетъ само дѣло. Но замѣчательно, что еще задолго до того, какъ языкъ Адигскаго племени обратилъ на себя вниманіе ученыхъ, та же мысль — сдѣлать его письменнымъ — занимала долго и глубоко одного природнаго Шапсуга, жившаго въ верховьи рѣчки Богундыра, среди населенія, въ превосходной степени разбойническаго. Дворянинъ Хаджи Нотаукъ-Шеретлукъ (такъ звали этого замѣчательнаго горца, пріятельски извѣстнаго передающему нижеслѣдующій фактъ) былъ старый человѣкъ, съ обширною и бѣлою, какъ крыло богундырскаго лебедя, бородою, съ добрымъ и задумчивымъ взглядомъ и, что важнѣе всего, съ миролюбивыми идеями, за которыя, какъ самъ сознавался, не былъ онъ любимъ въ своемъ околоткѣ. Въ ранней молодости совершилъ онъ путешествіе въ Мекку, съ своимъ отцомъ, который, лишившись двухъ ребръ и одного глаза на долголѣтнемъ промыслѣ около русскихъ дорогъ и хуторовъ, удостоился скончаться подъ сѣнью колыбели ислама, немедленно послѣ поклоненія. Оставшись сиротою на чужбинѣ, молодой Хаджи Нотаукъ пріютился въ одномъ изъ медрессе

правовѣрнѣйшаго города и тамъ провелъ пять лѣтъ, въ книжномъ ученьи. Наконецъ вернулся онъ на родину и женился. Война, слава, добыча не имѣли уже для него ни малѣйшей прелести. Предоставивъ своей наслѣдственной винтовкѣ ржавѣть въ чехлѣ, хаджи зарылся въ книги и сдѣлался моллой, къ удивленію всѣхъ, ближнихъ и дальнихъ, уорковъ. «Клянусь, что, во всю мою жизнь», — собственныя слова Нотаука,— «я не выпустилъ противъ Русскихъ ни одного заряда и не похитилъ у нихъ ни одного барашка». Хоть трудно, а надо вѣрить. Подъ старость Хаджи Нотаукъ завелъ на Богундырѣ медрессе, забывалъ для него пашню и покосъ, но видѣлъ съ прискорбіемъ, что его адигскіе питомцы, прочитывая на-распѣвъ арабскія книги, не выносятъ изъ нихъ ни одной мысли, по той простой причинѣ, что книги тѣ писаны не при нихъ, не на ихъ языкѣ. Тогда сѣятель просвѣщенія въ богундырскомъ терновникѣ задумалъ перевести арабскія книги на адигскій языкъ и сталъ сочинять адигскій букварь. Но его долгій и упорный трудъ былъ прерванъ и превращенъ въ пепелъ страннымъ событіемъ, напоминающимъ повѣствованіе о разбитой чернильницѣ Лютера, когда онъ трудился надъ переводомъ латинской библіи.

«Долго ломалъ я свою грѣшную голову», личная рѣчь Хаджи-Нотаука, «надъ сочиненіемъ букваря для моего роднаго языка, лучшіе звуки котораго, звуки пѣсней и преданій богатырскихъ, льются и исчезаютъ по глухимъ лѣсамъ и ущельямъ, не попадая въ сосудъ книги. Не такъ ли гремучіе ключи нашихъ горъ, не-

уловленные фонтаномъ и водоемомъ, льются и ичезаютъ въ камышѣ и тинѣ вашихъ прикубанскихъ болотъ? — Но я не ожидалъ, чтобъ мой трудъ, привѣтливо улыбавшійся мнѣ въ замыслѣ, былъ такъ тяжелъ и неподатливъ въ исполненіи. Сознаюсь, что не разъ я ворочался назадъ, пройдя большую половину пути, и искалъ новой дороги, трогалъ другія струны и искалъ другихъ ключей къ дверямъ сокровищницы знаковъ и начертаній для этихъ неуловимыхъ, неосязаемыхъ ухомъ отзвуковъ отъ звуковъ. Въ минуты отчаяннаго недоумѣнія я молился. И потомъ, мнѣ чудилось, что мнѣ пособляли и подсказывали, и утреннее щебетанье ласточки, и вечерній шумъ стараго дуба, у порога моей уны (хижины), и ночное фырканье коня, увозящаго наѣздника въ набѣгъ. Мнѣ уже оставалось уломать одинъ только звукъ, на одинъ только артачливый звукъ оставалось мнѣ наложить бразды буквы; но здѣсь-то я и не могъ ничего сдѣлать; на этомъ препятствіи я упалъ и больше не поднимался. Дослушай. Въ одинъ ненастный осенній вечеръ, тоска меня гнетила, тоска ума, — это не то, что сердечная кручина, — это жгучѣй и злѣй. Я уединился въ свою уну, крѣпко заперъ за собою дверь и сталъ молиться. Буря врывалась въ трубу очага и возмущала разложенный на немъ огонь. Я молился и плакалъ, вся душа выходила изъ меня въ молитвѣ, молился я до послѣдняго остатка тѣлесныхъ силъ, и тамъ же, на ветхомъ килимѣ молитвенномъ, заснулъ. И вотъ, посѣтило меня видѣніе грозное. Духъ ли свѣта, духъ ли тьмы — сталъ прямо передо мною и, вонзивъ въ меня двѣ

молніи страшныхъ очей, вѣщалъ громовымъ словомъ: Нотаукъ, дерзкій сынъ праха! кто призвалъ тебя, кто подалъ тебѣ млатъ на скованіе цѣпей вольному языку вольнаго народа Адиговъ? Гдѣ твой смыслъ, о человѣкъ, возмечтавшій уловить и удержать въ тенетахъ клокотъ горнаго потока, свистъ стрѣлы, топотъ браннаго скакуна? Вѣдай, Хаджи, что на твой трудъ нѣтъ благословенія тамъ, гдѣ твоя молитва и твой плачъ, въ нынѣшній вечеръ, услышаны; вѣдай, что мракъ морщинъ не падаетъ на ясное чело народа, доколѣ не заключилъ онъ своихъ поколѣній въ высокоминаретныхъ городахъ, а мыслей и чувствъ, и пѣсней, и сказаній своихъ въ многолиственныхъ книгахъ. Есть на землѣ одна книга, книга книгъ — и довольно. Повелѣваю тебѣ—встань и предай пламени нечестивыя твои начертатанія, и пепломъ ихъ посыпь осужденную твою голову, да не будешь преданъ неугасающему пламени джехеннема.... Я почувствовалъ толчокъ и вскочилъ, объятый ужасомъ. Холодъ и темнота могилы наполняли мою уну. Дверь ея была отворена, качалась на петляхъ и уныло скрыпѣла, — и мнѣ чудились шаги, поспѣшно отъ нея удаляющіеся. Буря выла на крышѣ. На очагѣ ни искры. Дрожа всѣми членами, я развелъ огонь, устроилъ костеръ и возложилъ на него мои дорогіе свитки. Я приготовилъ къ закланію моего Исхака, но не имѣлъ, ни вѣры, ни твердости Ибрагима. Что за тревога, что за борьба бушевала въ моей душѣ! То хотѣлъ я бѣжать вонъ, то порывался къ очагу, чтобъ спасти мое умственное сокровище, и еще было время. И между тѣмъ, я оставался на одномъ

мѣстѣ, какъ придавленный невидимою рукою. Я уподоблялся безумцу, который изъ своихъ рукъ зажегъ собственное зданіе и не имѣлъ больше силъ, ни остановить пожара, ни оторвать глазъ отъ потрясающаго зрѣлища. И вотъ огонь уже коснулся, уже вкусилъ моей жертвы. Въ мое сердце вонзился раскаленный гвоздь; я упалъ на колѣни и, внѣ себя, вскрикнулъ: джехеннемъ мнѣ, — но только пощади, злая и добрая стихія, отпусти трудно рожденное дѣтище моей мысли!... Но буря, врываясь съ грохотомъ въ широкую трубу очага, волновала пламя и ускоряла горѣніе моего полночнаго жертвоприношенія. Я долго оставался въ одномъ и томъ же положеніи, рыдалъ и ломалъ себѣ руки....»

«На другой день, ужь весь Богундырь зналъ о моемъ ночномъ приключеніи, хоть я самъ и не говорилъ про него никому ни слова....»

РАЗСКАЗЪ ОДИНАДЦАТЫЙ.

Заведенія врачебныя и Богоугодныя. Учрежденія, посвященныя подвигамъ спасенія.

Въ Запорожскомъ и, стараго времени, Черноморскомъ войскѣ, по всѣмъ, необходимѣйшимъ въ строеніи общества, должностямъ, или званіямъ, были особые представители, носившіе одинаковый съ предводителемъ войска титулъ: *войсковой,* то есть одинъ изо всего и для всего войска. Былъ войсковой судья, который чинилъ судъ и расправу; былъ войсковой писарь, который хранилъ войсковую печать и разсылалъ по куренямъ «листы» (приказы); былъ войсковой асаулъ, который завѣдывалъ дѣлами полиціи; былъ войсковой «протопопа», который имѣлъ попеченіе о церкви; былъ войсковой «пушкарь», который заправлялъ артиллеріей; былъ войсковой «довбышъ», который билъ въ литавры сборъ и тревогу, и былъ даже войсковой «кухарь», или интендантъ по части продовольствія. Но, къ удивленію, не было одного, очень нужнаго лица, — не было войсковаго лекаря. Ужели тогдашніе козаки были закалены до того, что ихъ не брала ни-

какая болѣзнь? Нѣтъ, это было бы выше человѣческой природы. Платили и тогда дань природѣ, а еще большую дань платили войнѣ: бывали больные и, еще чаще, бывали раненые. Но врачебная помощь не выходила изъ ряда обыкновенныхъ услугъ между односумами, и въ каждомъ односумствѣ были люди, обладавшіе знаніемъ добрыхъ свойствъ растеній и магическою силою наговоровъ. Къ разряду такихъ людей принадлежали преимущественно артельщики и кашевары. И дома, и въ походѣ не переводился у нихъ запасъ лекарственныхъ зельевъ и снадобьевъ. Были они люди самыхъ строгихъ правилъ, считали за грѣхъ дать уголекъ на трубку изъ костра, на которомъ варилась каша, обѣтъ безбрачія выполняли ненарушимо и за свою «працю» (практику) не требовали, ни воздаянія, ни извѣстности. И, можетъ быть, эта самая скромность была причиною, что въ составѣ войсковаго штаба не имѣлось войсковаго лекаря. Не будемъ касаться наговоровъ: темна вода во облацѣхъ воздушныхъ. Но леченіе травами, въ разныхъ видахъ, была чистая дѣйствительность. Самыя тяжелыя раны излечивались мазями изъ соковъ растеній. Кто найдетъ это противнымъ наукѣ и теоріи вѣроятностей, можетъ справиться съ современнымъ опытомъ, за которымъ не нужно дальше идти, какъ въ аулы закубанскихъ горцевъ; тамъ тотъ же самый способъ леченія ранъ растительными, жидкими мазями. Натура, скажутъ, сильная, неиспорченная натура.... Могла лечить и натура, но односумы, какъ упомянуто, все-таки помогали. Раненому не давали спать около трехъ сутокъ; у его изго-

ловья стучали въ бубенъ и пѣли боевую пѣсню. Лежалъ ли онъ на бивакѣ, или въ куренѣ, предъ его глазами раскладывали огонь, блескъ котораго облегчалъ тоску, какая чувствуется отъ потери крови и избытка тѣлесныхъ страданій. Пуще всего не допускали къ нему людей съ дурнымъ глазомъ, съ излишней, если угодно, воспріимчивостью. Ни въ какихъ костераздробленіяхъ не прибѣгали къ помощи хирургіи; на конецъ концовъ, ей предпочитали смерть. Но если приключался антоновъ огонь, тогда другое дѣло; тогда бывали паціенты, что сами себѣ, простымъ ножемъ, отхватывали ногу, или руку. Если нужно было вывести осколки кости изъ прострѣла ноги, или руки, то вводили въ рану волосяную заволоку и дергали ее взадъ и впередъ, нѣсколько разъ. Больше ли тогда было выздоравливающихъ, или больше умирающихъ — отчетовъ не сохранилось; дѣло хоть и не слишкомъ давнее, да не письменное.

Теперь же народное здоровье въ куреняхъ охраняется окружными медиками и лазаретами, которыхъ три: одинъ на Таманскомъ островѣ, въ куренѣ Темрюцкомъ, другой на половинномъ протяженіи Кубани, въ укрѣпленномъ посту Старокопыльскомъ, и третій въ главномъ мѣстѣ Ейскаго округа, куренѣ Уманьскомъ, — каждый на 25 больныхъ. Кордонная линія находится подъ попеченіемъ четырехъ участковыхъ врачей, между которыми она подѣлена на медицинскіе участки. Въ войсковомъ городѣ Екатеринодарѣ состоятъ: войсковой госпиталь, на полтораста больныхъ, и войсковая аптека. Тамъ же находятся: богадѣльня,

отдѣленіемъ для умалишенныхъ, на 60, и при ней больница на 25 лицъ. Въ зданіи богадѣльни устроена церковь. Къ чести войсковой филантропіи, надобно сказать, что зданіе богадѣльни самое лучшее во всемъ войскѣ.

Въ войсковомъ госпиталѣ бываетъ больныхъ, въ теченіи года, больше 4,000; изъ нихъ умираетъ больше 200. Въ трехъ окружныхъ лазаретахъ бываетъ больныхъ до 3,000; изъ нихъ умираетъ тоже больше 200. Окружные лазареты помѣщаются съ меньшими удобствами, какъ войсковой госпиталь.

По войсковому штату, предназначена къ открытію еще одна богадѣльня. Мѣсто для нея указано на Лебежемъ полуостровѣ, при Николаевской монашеской пустыни, основаніе которой почти современно поселенію Черноморскаго войска на Кубани. По единодушному желанію новосельцовъ, одинаково преданныхъ православной вѣрѣ, и у пороговъ Днѣпра, и у низовьевъ Кубани, Николаевская пустынь учреждена, въ 1794 году, — «для доставленія престарѣлымъ и раненымъ на войнѣ козакамъ, по богоугодному ихъ желанію, спокойной въ монашествѣ жизни». Содержаніе же пустыни отнесено «во всемъ безъ оскудѣнія, на попеченіе и иждивеніе войска Черноморскаго» (1).

Боевые люди и переселенцы, едва занявшіе новый край бивакомъ, думали уже о сооруженіи и содержаніи монашеской обители! Чтобъ пояснить маломальски эту особенность, надобно сказать, что у

---

(1) Указъ Государыни Екатерины II святѣйшему синоду, отъ 24 іюля 1794 г.

Черноморцевъ стараго времени церковь сливалась съ войскомъ, и духовенство составляло нераздѣльный съ остальнымъ козацкимъ сословіемъ элементъ. Козаки назначали изъ самихъ себя священниковъ и причетниковъ, которыхъ кошевой атаманъ передавалъ епископу Ѳеодосійскому для испытанія и посвященія. Это была одна изъ давнихъ привиллегій войска ([1]). Нужно ли говорить, что, при дѣйствіи такой привиллегіи, многимъ заслуженнымъ козакамъ, сжегшимъ не одну лядунку пороху на войнѣ, доставалось еще вжигать кадило у алтаря? И какъ всѣ козаки того времени, старый и малый, брили голову, то случалось, что назначенные въ «панъ-отцы» кандидаты являлись къ архіереямъ на пострыгъ съ одной «чуприной» — небольшимъ пукомъ волосъ на головѣ.

Николаевская пустынь получаетъ отъ войска денежнаго жалованья 522 руб. 50 коп., въ годъ, и обезпечена значительнымъ хозяйствомъ, заключаючающимся въ рогатомъ скотѣ, лошадяхъ, рыбныхъ ловляхъ, водяныхъ мельницахъ, садоводствѣ и пчеловодствѣ. Для присмотра за хозяйствомъ наряжаются отъ войска экономъ и команда изъ шестнадцати внутреннослужащихъ козаковъ. Монашествующей и послушествующей братіи въ обители до сорока лицъ. Въ числѣ старцевъ можно еще отыскать участниковъ очаковскаго штурма.

Изъ монастырскихъ сооруженій замѣчательна ка-

([1]) Она отмѣнена окончательно войсковымъ положеніемъ 1 іюля 1842 года.

менная соборная, четырехпрестольная церковь, по обширности размѣровъ, величію архитектуры и внутреннему благолѣпію, едва ли не первое на всемъ Подкавказьи зданіе. Сооруженіе и внутреннее украшеніе ея стоило до полумилліона рублей восемсотыхъ годовъ. Вся эта сумма составлена была изъ войсковыхъ и частныхъ приношеній козаковъ. Въ монастырской ризницѣ находятся старинныя облаченія, книги и утварь, перешедшія, по наслѣдству, въ Черноморское войско изъ упраздненнаго Кіево-Межигорскаго монастыря, котораго войско Запорожское было «вкладчикомъ», а кошевой атаманъ того войска «ктиторомъ». Посѣтивъ ризницу, можно остановить вниманіе на слѣдующихъ, почтенныхъ по своей давности, предметахъ (1):

Крестъ кипарисный, оправленный въ серебро, съ серебрянымъ пьедесталомъ. Надпись: «крестъ отмѣнилъ (отказалъ) козакъ Поповичевскаго куреня Софроній 1769 года въ Межигорскій монастырь».

Евангеліе, московской печати, съ рѣзною по серебряной оправѣ надписью: «1766 г. м. августа сдѣлано сіе евангеліе въ ставропигіальный Кіево-Межигорскій монастырь коштомъ тогожъ монастыря экклесіарха Василія Завадскаго».

Серебряный, вызолоченый сосудъ, съ надписью: «1753 г. сія чаша дискосъ и звѣзда К. М. М. (Кіево-

---

(1) Приведеніемъ въ порядокъ разницы и устройствомъ своимъ, по всѣмъ частямъ, пустынь много обязана неусыпной заботливости нынѣшняго достопочтеннаго отца настоятеля, архимандрита и кавалера Никона.

Межигорскаго монастыря) сдѣлана коштомъ іеромонаха Өеодорита».

Серебряный дискосъ, съ надписью: «За благословеніемъ о. архимандрита Арсенія Бирла сдѣлася сей дискосъ до мон. спасскаго Межигорскаго въ р. (року) 1725 февраля 26 д.»

Митра краснаго бархата, съ шестнадцатью серебряными бляхами и съ такимъ же обручемъ. Надпись на обручѣ: «1711 г. Божіею милостію смиренный Варлаамъ Косовскій епископъ иркуцкій и нерчинскій и даурскія страны изъ Межигорія».

Евангеліе, московской печати, 1687 года, въ серебряной оправѣ. Вѣсу въ серебрѣ одинъ пудъ десять фунтовъ, съ золотниками. Рукописная надпись: «Сію книгу великій господинъ всесвятѣйшій киръ Іоакимъ Московскій и всея Россіи и всѣхъ сѣверныхъ странъ патріархъ даде въ Кіевской Межигорской общежительной монастырь, въ вѣчное поминовеніе по родителехъ своихъ, лѣта отъ рожд. Іисусъ Христова 1689 м. дек.»

Риза краснаго штофа, съ золотыми и шелковыми травами. Оплечье краснаго бархата и на немъ вышито золотомъ и сребромъ Преображеніе Господне. Надпись шитая: «Помяни Господи раба своего Кондратія и рабу свою Меланію и чадъ ихъ. Кошту Яна Настича року 1661. М. А. Z».

Евангеліе, московской печати, 1644 года, въ серебряной оправѣ. Рукописная надпись: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа, аминь. Сіе св. тетраевангеліе, оправное властнымъ коштомъ и накладомъ въ Бозѣ пре-

велѣбнаго его милости господина отца Варнавы Лебедевича игумена и всея о Христѣ братіи св. общежительныя обители Межигорскія Кіевскія дарованное и оферованное на престолъ въ храмъ трисвятаго Преображенія Вседержителя Господа Бога тое жъ святой обители вѣчными часы за отпущеніе грѣховъ своихъ....»

Апостолъ (книга) «Во градѣ Кіевѣ накладомъ Е. М. (его мосци) пана Богдана Стеткевича подкоморнаго мстиславскаго, въ типографіи Спиридона Соболя року 1630».

«Евангеліе учительное, або казаня на недѣли и праздники Господскіе, Кирилла Транквилліона, въ Рахмановѣ, 1628 года.

Риза краснаго бархата, съ золотыми травами. На оплечьи вышиты золотомъ и серебромъ лики Спасителя и нѣкоторыхъ святыхъ. Надпись шитая: «Року 1625 сіи ризы надалъ рабъ Б. Григорій Досъ въ обитель Межигородскую при отцѣ игуменѣ Комментаріи».

«Евангеліе учительное, або казаня св. о. нашего Каллиста архіеп. Конст. предъ двѣмя сты лѣтъ по кгрецку написанныхъ, а теперь новозгрецкаго и славянскаго языка на русскій переложены працею и стараніемъ иноковъ общежительнаго монастыря братскаго Виленскаго св. животворящаго Духа, року 1616».

Изъ представленныхъ обращиковъ ризничной старины видно, что въ Николаевской пустыни живетъ память существовавшаго въ Кіевѣ Межигорскаго монастыря, съ которымъ связаны воспоминанія Черноморскаго войска.

Въ день св. Николая, 9 мая, и въ день Пре-

ображенія Господня, 6 августа, въ дни, бывшіе храмовыми праздниками въ древнемъ монастырѣ Межигорскомъ, бываютъ и въ Николаевской пустыни храмовые праздники, на которые стекаются со всѣхъ концовъ Черноморья, Земли Кавказскаго войска и Ставропольской губерніи молельщики и говѣльщики. За ними слѣдуютъ, въ своихъ громоздко-наложенныхъ кибиткахъ, ярмарочные торговцы. Недосягаемые вервіемъ, изгнавшимъ торжниковъ изъ храма соломонова, они прикрѣпляютъ къ стѣнамъ монастыря свои подвижные балаганы, какъ пауки свои паутинники, и располагаются съ товаромъ. Въ оба праздничные дня, по окончаніи молитвы внутри обители, открывается, у воротъ ея, ярмарка. Это въ нравахъ народа: такъ отъ этого не падаетъ никакой тѣни на молитвенное его прибѣжище.

Учрежденіе мужеской иноческой обители было выраженіемъ усердія къ вѣрѣ первобытнаго Черноморскаго войска, половину котораго составляли неженатые товарищи, «сиромы» (взрослые сироты), только что призванные тогда грамотою Государыни Екатерины (1) «къ распространенію семейственнаго житія». Съ той поры протекло больше половины вѣка, и благопопечительная воля Матери Царицы (2) достигла конечнаго исполненія. Изъ бездомнаго, безсмѣнно ратующаго товарищества, при подошедшемъ къ нему въ подмогу, семейномъ народонаселеніи Малороссіи, Чер-

(1) Отъ 29 іюня 1792 года.

(2) Такъ козаки стараго Черноморья именовали во всѣхъ случаяхъ, частныхъ и оффиціальныхъ, Государыню Екатерину II.

номорское войско преобразилось въ семейное, военно-гражданское общество. Утративъ безъ сожалѣнія сиротскій бытъ своихъ дѣдовъ, оно сохранило, какъ лучшее отъ нихъ наслѣдство, благочестивое усердіе къ православной вѣрѣ. И это чувство выразилось вторично и въ позднѣйшемъ населеніи набожнымъ желаніемъ основать въ предѣлахъ войсковой земли монашескую женскую обитель. Событіе недавнее; вотъ его подробности.

Въ 1846 году козачки, посвятившія себя иноческому житію въ разныхъ монастыряхъ Малороссіи, навѣстили Черноморье съ скорбнымъ сѣтованіемъ о несуществованіи на родной ихъ землѣ иноческаго для нихъ пріюта. Ихъ благочестивый, если позволено такъ выразиться, ропотъ, подкрѣпленный народнымъ сочувствіемъ, подвинулъ войсковое начальство сдѣлать представленіе объ учрежденіи на Черноморьи женской общежительной пустыни, во имя св. Маріи Магдалины, драгоцѣнное козакамъ имя, носимое Августѣйшею Супругою порфиророднаго Атамана козачьихъ войскъ, въ то время. Согласно съ предначертаніями войсковаго начальства, въ Военномъ Совѣтѣ состоялось положеніе объ учрежденіи сказанной пустыни на слѣдующихъ основаніяхъ:

«Пустынь предназначается для лицъ женскаго пола, собственно войсковаго сословія».

«Для устройства сей пустыни, и вообще для ея довольствій, отвести пустопорожнее, принадлежащее войску, мѣсто на рѣкѣ Керпиляхъ, въ количествѣ 171 десятины и 35 десятинъ подъ водами, земли».

«Сооруженіе обители, съ церковью и прочимъ, по планамъ, какіе будутъ Высочайше утверждены, производится на счетъ доброхотныхъ приношеній и пожертвованій».

«Въ пособіе на этотъ предметъ отъ войска, отдѣлить изъ войсковаго капитала 20 тысячъ руб. сер., которые внесть въ одно изъ кредитныхъ учрежденій. Проценты на этотъ капиталъ, въ теченіи 20 лѣтъ, предоставляются пустыни; по миновеніи же 20 лѣтъ, 20 тысячъ руб. сер. обращаются въ войсковыя суммы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прекращается отпускъ пустыни процентовъ».

«Въ штатѣ обители должны состоять:

	Число лицъ.	Имъ жалованья сер. въ годъ. Одному. руб.	коп.	Всѣмъ. руб.	коп.
Игуменья	1	48	—	48	—
Казначея	1	18	—	18	—
Монахинь . . .	15	9	—	135	—
Священникъ . . .	1	130	—	130	—
Дьяконъ	1	86	—	86	—
Причетниковъ . .	2	20	—	40	—
Просвирня . . .	1	13	—	13	—
Служителей изъ козаковъ внутренней службы, для присмотра и хозяйственныхъ занятій по обители . . .	8		—		—
	30	»	»	470	—

«Исчисленные по штату 470 руб. сер. въ годъ, а также провiантское довольствiе служителямъ изъ козаковъ внутренней службы производится, со времени открытiя обители, изъ суммъ Черноморскаго козачьяго войска.»

«На поддержанiе зданiй обители и ризницы обращать исключительно кошельковыя и отъ свѣчной продажи вырученныя деньги».

«Пустыни предоставляется, собственными средствами, добывать для своего обихода, на ближайшихъ войсковыхъ озерахъ, до 300 пудовъ соли, съ платою установленнаго въ пользу войска, акциза.»

«Въ iерархальномъ, церковномъ, хозяйственномъ и во всѣхъ другихъ отношенiяхъ, обитель состоитъ въ непосредственной зависимости отъ духовнаго вѣдомства, на общихъ правилахъ».

«Жителямъ войсковаго сословiя дозволяется отдавать на воспитанiе въ обитель дѣтей женскаго пола, по взаимному соглашенiю родителей съ инокинями. Въ послѣдствiи же, когда обитель получитъ прочное основанiе, предоставляется начальству войти съ особымъ представленiемъ объ учрежденiи при ней женскаго пансiона».

Таковое положенiе Высочайше утверждено въ 11 день декабря 1848 года. Въ слѣдующемъ 1849 году, назначена въ Марiинскую пустынь первая настоятельница, игуменiя Митрофана (въ мiрѣ есаульша Золотаревская) и совершено заложенiе обители на лѣвомъ берегу Керпилей, между куренями Тимошевскимъ и Роговскимъ.

Ревностная къ богоугодному дѣлу, какъ природная козачка, матерь Митрофана не замедлила положить начало устройству обители и соорудить въ ней деревянный храмъ. Въ прекрасный апрѣльскій день 1850 года, на лонѣ расцвѣтшей степной весны, послѣдовало освященіе новосозданнаго храма, въ честь Покрова Пресвятой Богородицы. То былъ день, съ котораго Маріинская обитель начала свое неусыпное молитвенное бытіе. И первая молитва новой обители была за Благочестивѣйшаго Государя, учредителя ея, и за Августѣйшаго Атамана и Супругу Его, имя которой соединилось на вѣкъ съ существованіемъ святаго учрежденія.

Не *трубя предъ человѣки* о щедрыхъ пожертвованіяхъ, принесенныхъ добрымъ козацкимъ народомъ въ основаніе Маріинской пустыни, скажемъ нѣсколько словъ о томъ значеніи, съ какимъ явилось между козачьими станицами это духовно-нравственное учрежденіе.

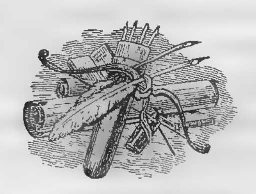
Прежде всего, здѣсь обрѣтутъ молитвенное утѣшеніе и нравственное успокоеніе отъ бремени мірской жизни старицы и вдовы, потерявшія на защитѣ отечественнаго порога своихъ кормильцевъ и помощниковъ, или же понесшія другія невозвратныя утраты въ краю, столькимъ лишеніямъ подверженномъ. *Придите ко мнѣ,* такъ зоветъ ихъ это духовное пристанище, *вси труждающіися и обремененіи, и азъ упокою вы.*

Потомъ, при несуществованіи въ войскѣ женскихъ учебно-воспитательныхъ заведеній, ни общественныхъ, ни частныхъ, новоучрежденная обитель будетъ слу-

жить первымъ разсадникомъ воспитанія женскаго юношества, по началамъ мѣстнаго быта, подобно тому, какъ войсковая мужеская пустынь, въ прежніе годы, была для козацкихъ куреней первою исполнительницею творческаго слова Государя Александра Благословеннаго: «да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ!»

Наконецъ, православная спасительная вѣра обрѣла въ новой обители оплотъ на этомъ далекомъ рубежѣ страны православія, гдѣ еще такъ недавно положила свои оплоты побѣдительная военная сила наша. Какое отрадное для вѣрнаго сына церкви и отчизны зрѣлище: здѣсь сторожевая вышка, освѣщающая темныя тропинки хищнаго непріятеля, а тамъ, на одной высотѣ съ нею, крестъ, сіяющій духовнымъ «свѣтильникомъ, на верху горы стоящимъ». Въ вечерніе сумерки и на утренней зарѣ, несутся по дико-пустыннымъ берегамъ Кубани до самаго моря и военное слушай, вызывающее бдительность, и церковный благовѣстъ, призывающій къ молитвѣ. Они сливаются въ одинъ, говорящій русскому сердцу, голосъ и далекое эхо, по ту сторону Кубани, вторитъ имъ воплемъ побѣжденнаго Батыя: великъ русскій Богъ!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Пикетъ на кубанской линіи

ЧЕРНОМОРСКІЕ КОЗАКИ

ВЪ ИХЪ ГРАЖДАНСКОМЪ И ВОЕННОМЪ БЫТУ.

РАЗСКАЗЪ ДВѢНАДЦАТЫЙ.

Начало существованія Черноморскаго войска. Гражданско-военное устройство. Составъ военныхъ силъ. Образъ службы. Отличительныя военныя качества. Одежда и вооруженіе.

Въ 1775 году, непосредственно послѣ усмиренія бунта въ Яицкомъ войскѣ, положенъ конецъ существованію Запорожской Сѣчи, на Днѣпрѣ. На требованіе правительства сложить оружіе, часть Запорожцевъ дерзнула отвѣчать непослушаніемъ и бѣжала на лодкахъ, внизъ по Днѣпру, искать преступной службы у Султана; большинство же покорилось приговору, произнесенному правительствомъ, и разошлось по ближайшимъ губерніямъ для приписки къ мирнымъ сословіямъ.

Немного спустя, по договору, заключенному съ

Турціей въ 1783 году, рѣка Кубань объявлена нашей границей со стороны турецкихъ владѣній на Кавказѣ. Имѣло ли правительство въ виду заселеніе новой границы народомъ, пріученнымъ къ войнѣ, или предвидѣло новую войну съ Турками; но только оно обратилось къ бывшимъ Запорожскимъ козакамъ съ призывомъ на службу по старому козацкому уряду, только не на старомъ мѣстѣ. Крымъ ужь былъ нашъ. Призывъ нашелъ много сочувствія въ тѣхъ, къ кому былъ обращенъ: разбросанные сѣчевики охотно стягивались на сборный пунктъ, между Днѣстромъ и Бугомъ, и къ 1787 году, изъ нихъ составилось войско въ двѣнадцать тысячь вооруженныхъ и снаряженныхъ для службы козаковъ. Въ то время, вспыхнула война съ Турціей, извѣстная у Черноморцевъ подъ именемъ «очаковскаго розмиру», и продолжавшаяся болѣе трехъ лѣтъ. Новое войско получило мундиръ (1), артиллерію, знамена, булавы и другіе знаки, и явилось на театръ войны подъ неопредѣленнымъ еще именемъ «коша вѣрныхъ козаковъ», (2) отличавшимъ его, на первый разъ, отъ другаго коша, отложившагося къ Султану и заклейменнаго другимъ, приличнымъ бунту и измѣнѣ, именемъ.

Кошъ вѣрныхъ козаковъ, раздѣленный на *зиму* и

---

(1) Для конницы: синяго цвѣта кунтушъ, съ отброшенными за спину рукавами, и красный исподній кафтанъ. Для пѣхоты: кунтушъ темнозеленаго, а исподній кафтанъ бѣлаго цвѣта.

(2) *Кошъ,* собственно притонъ, означалъ главную квартиру войска, état major.

лѣто, то есть, на конницу и гребную флотилію, служилъ съ одинаковымъ рвеніемъ и мужествомъ, какъ на сухомъ пути, такъ и на водѣ, во все продолженіе тогдашней войны, а съ окончаніемъ ея, получилъ имя «вѣрнаго войска Черноморскаго», былъ осыпанъ царскими милостями, напутствованъ на свое кавказское новоселье грамотою и хлѣбомъ-солью отъ Матери Царицы и перебрался на Кубань окончательно въ 1792 году. *Зима* двигалась сухимъ путемъ, а *лѣто* водою, по Черному морю. Въ обоихъ прибыло на новую Украйну подъ ружьемъ около тринадцати тысячъ человѣкъ.

Съ переселеніемъ Черноморскаго войска на Кубань, перешло съ нимъ старинное сѣчевое устройство — кошъ и курени. Кошъ, съ его кошевымъ атаманомъ и большимъ знаменемъ, представлялъ феодальнаго воеводу, а курени, съ ихъ куренными атаманами и малыми хоругвями, стояли на ногѣ вассальныхъ дружинъ. Такой урядъ продолжался около десяти лѣтъ, и это время обозначается въ воспоминаніяхъ козаковъ лаконизмомъ: *до полковъ*. Про это время можно высказать одно замѣчаніе: могли быть тогда у козаковъ предводители, не могло быть командировъ; могли быть повиновеніе и увлеченіе, не могло быть дисциплины. Можно высказать одно это замѣчаніе, а про другое что-нибудь, про то, напримѣръ, какъ правилъ кошевой, какъ пополнялась убыль въ куреняхъ, какъ выростали козаки *изъ падалицы,* какъ властвовала и интриговала войсковая старшина, то есть, войсковая олигархія, и съ какими вспышками угасало запорожское свое-

ловья стучали въ бубе̂нъ и пѣли боевую пѣсню. Лежалъ ли онъ на бивакѣ, или въ куренѣ, предъ его глазами раскладывали огонь, блескъ котораго облегчалъ тоску, какая чувствуется отъ потери крови и избытка тѣлесныхъ страданій. Пуще всего не допускали къ нему людей съ дурнымъ глазомъ, съ излишней, если угодно, воспріимчивостью. Ни въ какихъ костераздробленіяхъ не прибѣгали къ помощи хирургіи; на конецъ концовъ, ей предпочитали смерть. Но если приключался антоновъ огонь, тогда другое дѣло; тогда бывали паціенты, что сами себѣ, простымъ ножемъ, отхватывали ногу, или руку. Если нужно было вывести осколки кости изъ прострѣла ноги, или руки, то вводили въ рану волосяную заволоку и дергали ее взадъ и впередъ, нѣсколько разъ. Больше ли тогда было выздоравливающихъ, или больше умирающихъ — отчетовъ не сохранилось; дѣло хоть и не слишкомъ давнее, да не письменное.

Теперь же народное здоровье въ куреняхъ охраняется окружными медиками и лазаретами, которыхъ три: одинъ на Таманскомъ островѣ, въ куренѣ Темрюцкомъ, другой на половинномъ протяженіи Кубани, въ укрѣпленномъ посту Старокопыльскомъ, и третій въ главномъ мѣстѣ Ейскаго округа, куренѣ Уманьскомъ, — каждый на 25 больныхъ. Кордонная линія находится подъ попеченіемъ четырехъ участковыхъ врачей, между которыми она подѣлена на медицинскіе участки. Въ войсковомъ городѣ Екатеринодарѣ состоятъ: войсковой госпиталь, на полтораста больныхъ, и войсковая аптека. Тамъ же находятся: богадѣльня,

отдѣленіемъ для умалишенныхъ, на 60, и при ней больница на 25 лицъ. Въ зданіи богадѣльни устроена церковь. Къ чести войсковой филантропіи, надобно сказать, что зданіе богадѣльни самое лучшее во всемъ войскѣ.

Въ войсковомъ госпиталѣ бываетъ больныхъ, въ теченіи года, больше 4,000; изъ нихъ умираетъ больше 200. Въ трехъ окружныхъ лазаретахъ бываетъ больныхъ до 3,000; изъ нихъ умираетъ тоже больше 200. Окружные лазареты помѣщаются съ меньшими удобствами, какъ войсковой госпиталь.

По войсковому штату, предназначена къ открытію еще одна богадѣльня. Мѣсто для нея указано на Лебежемъ полуостровѣ, при Николаевской монашеской пустыни, основаніе которой почти современно поселенію Черноморскаго войска на Кубани. По единодушному желанію новосельцовъ, одинаково преданныхъ православной вѣрѣ, и у пороговъ Днѣпра, и у низовьевъ Кубани, Николаевская пустынь учреждена, въ 1794 году, — «для доставленія престарѣлымъ и раненымъ на войнѣ козакамъ, по богоугодному ихъ желанію, спокойной въ монашествѣ жизни». Содержаніе же пустыни отнесено «во всемъ безъ оскудѣнія, на попеченіе и иждивеніе войска Черноморскаго» (1).

Боевые люди и переселенцы, едва занявшіе новый край бивакомъ, думали уже о сооруженіи и содержаніи монашеской обители! Чтобъ пояснить маломальски эту особенность, надобно сказать, что у

---

(1) Указъ Государыни Екатерины II святѣйшему синоду, отъ 24 іюля 1794 г.

могутъ переходить ни въ какія другія состоянія въ государствѣ.

Военную силу войска составляютъ: 1 дивизіонъ лейбъ-гвардіи, 12 полковъ конныхъ, 9 баталіоновъ пѣшихъ, 3 батареи конной и 1 рота, въ тройномъ составѣ, пѣшей гарнизонной артиллеріи.

Кромѣ полевой и гарнизонной артиллеріи, находятся еще три конно-ракетныхъ батареи, по восьми станковъ въ каждой. Онѣ состоятъ при конныхъ полкахъ, и для дѣйствія ими пріучаются люди изъ полковъ. Особенныхъ же личныхъ составовъ для нихъ не положено.

Полки шести-эскадроннаго, баталіоны четырехротнаго, батареи осьми-орудійнаго составовъ. Въ тройномъ составѣ гарнизонной артиллерійской роты, размѣщенной по всему протяженію кордонной линіи и пограничныхъ куреней, числится 607 человѣкъ и 65 орудій, разнаго калибра и происхожденія, на крѣпостныхъ, полевыхъ и неопредѣленныхъ лафетахъ. Всѣхъ же чиновъ: въ конницѣ болѣе 11 тыс., въ пѣхотѣ около 10 тыс. и въ артиллеріи болѣе 1200; итого болѣе 22,000 человѣкъ. Полевыхъ мѣдныхъ артиллерійскихъ орудій 24.

Сверхъ того, находится въ гарнизонѣ, перечисленныхъ изъ полевой во внутреннюю службу: урядниковъ до 250 и козаковъ болѣе 5,000 человѣкъ. Въ нужныхъ случаяхъ, они являются на линію наравнѣ съ чинами полевой службы.

По числу жителей мужескаго пола, приходится на каждыя 60 душъ около 25 служивыхъ чиновъ.

До 1810 года, войско имѣло свою гребную флотилію, которая крейсировала у сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря и по низовымъ лиманамъ Кубани. Въ этомъ родѣ службы Черноморскіе козаки слыли отличными воинами и потому были употреблены на лодкахъ еще въ предпослѣднюю турецкую войну 1828 и 1829 г., въ продолженіи которой особенно отличились подъ Браиловымъ.

Полки и баталіоны имѣютъ знамена. Въ полкахъ и батареяхъ употребляются трубы, въ баталіонахъ горны и барабаны. Кромѣ того, войско содержитъ хоръ военной музыки и хоръ пѣвчихъ. Послѣдній извѣстенъ, какъ лучшій хоръ на Кавказѣ.

Какъ отправленіе должностей по войсковымъ правительственнымъ, распорядительнымъ и судебнымъ учрежденіямъ, такъ и командованіе строевыми частями возложены на офицеровъ изъ природныхъ козаковъ, которые поэтому и должны быть одинаково способны къ мечу и перу. Одного указа войсковаго правленія достаточно, чтобъ начальникъ сотни, или роты перенесся на мѣсто начальника стола, хотя — нехотя (¹).

Козакъ служитъ обязательно двадцать два года въ полевой и три года въ гарнизонной по войску службѣ. Офицеръ подчиняется тому же правилу, и притомъ ни тотъ, ни другой безусловной отставки не получаютъ, но обязываются и въ самой отставкѣ соблю-

---

(¹) Одни только чиновники юстиціи, финансоваго контроля, карантиннаго и почтоваго вѣдомствъ—сторонніе. Лекаря и аудиторы могутъ быть изъ козаковъ.

дать готовность для полевой службы, когда особенныя обстоятельства того потребуютъ. Правилами войсковаго положенія, строевыя части войска, по всѣмъ тремъ родамъ оружія, разсчитаны на три смѣны; но военныя обстоятельства, большею частію, сводятъ на двѣ. За исключеніемъ гвардейскаго дивизіона, каждый изъ эскадроновъ котораго служитъ три года и столько же бываетъ на льготѣ, всѣ остальныя части смѣняются по-годно. Отслуживъ очередь, воздавъ кесарево кесарю, козакъ весело возвращается къ своимъ пенатамъ и находитъ подъ утлой камышевой крышей лучшее изъ благъ земныхъ — радость семейной встрѣчи и простоту патріархальной жизни. Ему сладки самые труды и заботы, изъ которыхъ истекаетъ жизнь его семьи. Въ день отдыха и молитвы, весело блеститъ на его низменномъ «сырнѣ» дѣдовскій кубокъ. Такъ блеститъ его совѣсть и пройденная служба. Окруживъ себя дѣтьми, чтобы подѣлить между ними плоды, возращенные изъ новыхъ сѣмянъ, онъ разсказываетъ имъ длинную повѣсть про тотъ далекій и чудный край, откуда въ пороховомъ газырѣ вывезъ онъ новыя сѣмена. Остроглазые крикуны слушаютъ и не шевельнутся, — и тутъ западаютъ въ нихъ первые зародыши козацкой смѣтки и бойкости про всѣ случайности дня и ночи на военномъ полѣ....

Полки, баталіоны и батареи Черноморскаго войска постоянно сохраняютъ свои личные составы. При смѣнахъ съ очередныхъ службъ, они не разрушаются, какъ это бываетъ въ другихъ козачьихъ войскахъ, удаленныхъ отъ границы, но, можно сказать, раз-

мѣщаются только по кантониръ-квартирамъ, имѣя характеръ войскъ постоянныхъ. Поставленный на такую ногу, преданный душею и тѣломъ службѣ Царской, Черноморецъ переходитъ безъ запинки съ недожатой нивы на походный бивакъ. Въ военную заповѣдь обратилась для него поговорка: «якъ дзвонять, такъ свьято».

Козакъ снаряжается для службы изъ собственнаго достоянія: конемъ, сбруей, амуниціей, обмундированіемъ и холоднымъ оружіемъ; однимъ огнестрѣльнымъ оружіемъ онъ снабжается на счетъ войсковой казны (1). Если козакъ благоденствуетъ въ домашнемъ быту, то и на службу является исправнымъ и бойкимъ молодцомъ. Хорошъ на гумнѣ, хорошъ и на войнѣ.

Разсадниками строеваго въ войскѣ образованія служатъ: для конницы гвардейскій дивизіонъ, для пѣхоты и артиллеріи команды, посылаемыя отъ баталіоновъ и батарей, по примѣру регулярныхъ войскъ, въ образцовый пѣхотный полкъ и въ состоящій при образцовыхъ войскахъ дивизіонъ лейбъ-гвардіи донской козачей конно-артиллерійской батареи.

По всѣмъ тремъ родамъ оружія, Черноморское войско имѣетъ свои неотъемлемыя достоинства.

Воно хочъ, бачишъ, и негарне,
Якъ кажуть то нелегулярне,
Та до війни самий злий ґадъ (2).

---

(1) Гвардейцы имѣютъ однихъ только лошадей собственныхъ, а все остальное получаютъ отъ коммисаріата, съ нѣкоторыми пособіями отъ войсковой казны.

(2) Шуточная, но тѣмъ не менѣе вѣрная замѣтка про козацкое войско родича Черноморцамъ, автора Перелицованной Энеиды.

Совокупность всѣхъ главныхъ родовъ оружія, а особенно неутомимость, стойкость и отличная стрѣльба пѣхоты сообщаютъ Черноморскому войску въ войнѣ съ горцами значительную самостоятельность: оно въ состояніи содержать полевыя укрѣпленія въ самомъ сердцѣ непокорнаго населенія горъ, и дѣлать легкія экспедиціи въ горы безъ поддержки другими войсками. На всемъ протяженіи линіи отъ Анапы до Усть-Лабы, по нѣскольку лѣтъ сряду, не бываетъ регулярныхъ войскъ.

Отдавая должную справедливость пѣхотѣ этого боеваго и трудоваго войска, слѣдуетъ замѣтить, что конный Черноморскій козакъ уступаетъ пальму превосходства своему сосѣду и сподвижнику, Кавказскому линейному козаку. Отчего? — Вотъ вопросъ, на который нельзя отвѣчать въ немногихъ словахъ. Ограничимся указаніемъ на обстоятельства, болѣе очевидныя. Отличительныя ли черты мѣстности, или первобытные распорядки и привычки внесли разницу въ образъ содержанія одной и той же линіи Кавказскими и Черноморскими козаками. У первыхъ сжатость, подвижность и налетъ, и оттуда сила удара, если противникъ подъ него подвернулся, если жъ увернулся — промахъ; у послѣднихъ — растянутость, раздробленное и неподвижное выжиданіе непріятельскаго нападенія на всѣхъ пунктахъ, гдѣ только оно признается возможнымъ и вѣроятнымъ. Тамъ гонка за звѣремъ, вышедшимъ на чистое мѣсто, а здѣсь облава, въ закрытомъ мѣстѣ, на звѣря, еще не поднятаго. У Кавказцевъ входъ Черкесу, подъ часъ, широкъ, да выходъ тѣ-

сенъ; у Черноморцевъ наоборотъ. Лучшій судья, опытъ обнаруживаетъ недостатки и той, и другой системы. Была темная ночь, или былъ туманный день: Кавказцы позднoвато замѣтили непріятеля и налетѣли, когда ужъ слѣдъ его простылъ, — а поспѣй они во́время, не сдобровать бы хищнику; Черноморцы рано замѣтили, нащупали на самой переправѣ и слѣдили непріятеля, да ничего ему не доказали. Вообще же, если кавказская линія часто пропускаетъ хищниковъ въ широкія ворота между своими сильными *лезертами*, то еще чаще накрываетъ и поражаетъ, или, по принятому въ кордонныхъ донесеніяхъ выраженію, «наказываетъ» ихъ; а черноморская линія, съ густой, но тонкой цѣпью своихъ *бикетовъ* и *залогъ*, только замѣчаетъ, останавливаетъ и заставляетъ воротиться безъ успѣха, но не наказываетъ хищниковъ. Изъ двухъ горцевъ, возвратившихся, въ одно время, съ кавказской и черноморской линіи, одинъ говоритъ: «благодареніе аллаху: едва, едва, убрался», а другой: «не удалось — надо еще отправиться». А какъ кордонная линія служитъ козакамъ школою для большой войны, то кавказская система имѣетъ то важное преимущество, что развиваетъ въ козакѣ наѣздничество и удальство — качества, менѣе доступныя конному Черноморскому козаку, часто разлученному съ конемъ и коснѣющему въ засадѣ, или на опредѣленной точкѣ неподвижнаго караула. Эти же качества придавлены въ немъ самымъ его вооруженіемъ, обмундированіемъ и сѣдловкой коня. Конный Черноморскій козакъ вооруженъ ружьемъ, пистолетомъ, кинжаломъ, шашкою и

пикою. Всего этого слишкомъ много. Что же касается послѣдняго длиннаго оружія, то о немъ у козаковъ споръ. Приверженцы старины стоятъ за пику и, кажется, по одной только привычкѣ по старинной прибауткѣ: «козакові безъ ратища, якъ дівчи́ні безъ нами́ста» (козаку безъ пики, какъ дѣвушкѣ безъ ожерелья). Молодое поколѣніе бросаетъ остракизмъ противъ пики, потому что не видитъ подвиговъ, совершенныхъ пикою, и, что еще важнѣе, не замѣчаетъ въ горцахъ никакого страха къ этому богатырскому оружію, страшному только въ извѣстномъ мѣстѣ и при множествѣ извѣстныхъ условій. Дѣйствительно, не пріученному къ строю всаднику, у котораго только и власти надъ конемъ, что легкая уздечка, который лишенъ даже пособія шпоры, трудно совмѣстить ружье и пику. Одно другаго длиннѣе, и одно другому помѣха. Воинственные народы Азіи, какъ напримѣръ Курды, при пикѣ не употребляютъ ружья, а при ружьѣ ограничиваются короткимъ холоднымъ оружіемъ. Къ послѣднему разряду принадлежатъ: Грузины, Карабахи, Карапапахи и всѣ кавказскіе горцы. Кавказскіе козаки послѣдовали примѣру кавказскихъ горцевъ и не имѣли еще случая желать бо́льшей длины своему холодному оружію, не только дома, но даже въ Анатоліи, въ сшибкахъ съ турецкими уланами, у которыхъ пики очень длинны. Если бы Черноморскому конному козаку предоставлено было выбрать между ружьемъ и пикой, то онъ не разстался бы съ ружьемъ, потому что оно ему родное оружіе, — онъ стрѣлокъ по природѣ. Только онъ попроситъ себѣ хорошее ружье. Когда случи́тся ему ви-

дѣть мастерской выстрѣлъ, онъ обыкновенно хвалитъ ружье, но никакъ не стрѣлка. «Добре ру́жжо» — въ этихъ словахъ вся дань удивленія, какую только можно исторгнуть у него искусной стрѣльбой. Ему и въ голову не приходитъ, чтобъ изъ порядочнаго ружья могла быть плохая стрѣльба. Довѣріе къ огнестрѣльному оружію доходитъ въ немъ до степени нравственной боевой силы; ни предъ какимъ блескомъ шашекъ его рука не дрогнетъ и глазъ не обмишулится, если въ рукахъ у него ружье испытанной вѣрности. Да, такому всаднику, съ добрымъ ружьемъ, нетрудно наверстать короткость холоднаго оружія. Выпутавшись изъ-подъ пики и сбросивъ тяжелый чоботъ, и онъ сталъ бы спѣшиваться, какъ линеецъ, предъ сильнѣйшимъ непріятелемъ, вмѣсто того, чтобъ утекать отъ него. Первое очень не нравится горцамъ, а послѣднее неизреченно любятъ они. Въ тысячѣ случаевъ, линеецъ отстоялъ и отличилъ себя спѣшиваніемъ, а возможностью спѣшиваться такъ быстро, какъ это нужно подъ соколинымъ налетомъ Черкесъ, онъ обязанъ своему вооруженію и остальному снаряженію, въ томъ числѣ даже — ноговицѣ и чевяку. Взявъ у Черкеса вооруженіе, одежду, сѣдловку и посадку, вмѣстѣ съ тѣмъ онъ усвоилъ себѣ живость и удаль своего противника. Много значитъ, если козакъ *любитъ* свою одежду и вооруженіе, а линеецъ ихъ любитъ. И кто не знаетъ, что съ одеждою и ухватками переходятъ духъ и нравы? Пророкъ, воспарившій къ небу, передалъ преемнику свою силу въ своей одеждѣ. Вполнѣ примѣняясь къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, такъ важ-

нымъ въ военномъ дѣлѣ, старинные козаки, народъ православный, не безъ достаточныхъ причинъ принимали одежду, вооруженіе и даже басурманскую наружность своихъ сосѣдей — недруговъ. Запорожцы одѣвались, вооружались, сѣдлали коней и даже брили себѣ голову, какъ Крымскіе Татары. Чтобъ стать барсами для крымскихъ гіенъ, они подходили къ нимъ хамелеонами.

Если козаки старѣютъ, два средства освѣжить ихъ: или пересадить на новую почву, или радикально измѣнить вооруженіе и одежду. Старое должно исчезнуть сразу. Колебаніе можетъ произвести только обратное дѣйствіе. Не капризъ, а обдуманное рѣшеніе надобно видѣть въ томъ, что Фридрихъ Великій, давъ своему войску новую одежду, старую тотчасъ же сжегъ.

Если козачьи войска Черноморское и право-фланговое Кавказское, соотвѣтственно единству содержимой ими линіи, тождеству ихъ стратегическаго положенія, домашняго быта и служебнаго призванія, будутъ слиты въ одно войско, хорошо управляемое, доблестное и грозное непріятелю, то первое, по своимъ отличительнымъ качествамъ, составитъ изъ себя исключительно стрѣлковую пѣхоту и артиллерію, а послѣднее легчайшую въ мірѣ конницу—ураганъ легкой кавалеріи.

Вседневную одежду коннаго Черноморскаго козака составляютъ: обыкновенная военная шинель, какъ показываетъ опытъ, незамѣняющая черкески, полушубка и бурки, и потому прибавляющая лишнюю тяжесть къ сѣдельному вьюку; черкесская шапка, съ краснымъ верхомъ, и синіе шаровары. При этомъ синяя чер-

кеска, съ жестяными газырями (нагруднымъ патронникомъ), красный стамедовый бешметъ (исподнiй кафтанъ), съ суконнымъ того же цвѣта, застегнутымъ на крючки, воротникомъ, составляютъ мундиръ. На гвардейскомъ козакѣ синiй суконный исподнiй кафтанъ и красная верхняя черкеска, которой рукава отброшены за спину. Въ этомъ мундирѣ соедилились для Черноморскаго козака его прошедшее и настоящее: сзади кунтушъ гетманской Украйны и спереди боевой нарядъ Кавказскихъ горъ. Вообще же въ форменной одеждѣ строевыхъ частей Черноморскаго войска выразилось колебанiе между одеждою кавказскихъ горъ и одеждою козацкой старины. Мундиръ артиллериста тотъ же, что и коннаго козака, только черкеска и шаровары темнозеленаго, а бешметъ чернаго цвѣта. Вооруженiе его составляютъ: пистолетъ, шашка и кинжалъ.

Офицерскiй мундиръ въ конницѣ и артиллерiи, сохраняя тождество съ козачьимъ, отсвѣчиваетъ блескомъ галуна, въ конницѣ серебрянnаго, въ артиллерiи золотаго, — покрывающаго шапку, грудь, полы и карманы.

Пѣшiй козакъ одѣтъ въ синiй короткiй, застегнутый на крючки, кафтанъ, съ красными погонами и съ жестяными на груди газырями. Шапка и шаровары тѣ же, что въ конницѣ. Чрезъ лѣвое плечо у него патронташъ, чрезъ правое ранецъ. Онъ вооруженъ легкимъ ударнымъ ружьемъ, съ штыкомъ, который, отмыкая отъ дула, носитъ на поясѣ, спереди, вмѣсто кинжала. Пластуны, или застрѣльщики, вооружены нарѣзными штуцерами, къ которымъ примыкаются извѣстные тесаки.

Въ конницѣ, пѣхотѣ и артиллеріи офицеры вооружены пистолетомъ, шашкою и кинжаломъ. Газыри, портупея шашки и поясъ у конныхъ и пѣшихъ, серебрянныя, у артиллерійскихъ золотыя.

Прежнее вооруженіе пѣшаго козака состояло изъ длинной винтовки (терновки, литовки, арнаутки и другихъ наименованій) и короткаго суковатаго копья, «подсоха». Во время перестрѣлки, козакъ втыкалъ свой подсохъ въ землю, клалъ ружье на одинъ изъ его сучьевъ и стрѣлялъ, не такъ проворно, но вѣрно. Въ ручной схваткѣ, онъ забрасывалъ винтовку за плечо и встрѣчалъ непріятеля острымъ дротикомъ подсоха.

Хотя пѣхота и конница рѣзко отличены обмундированіемъ и вооруженіемъ, но офицеровъ имѣютъ онѣ *общихъ*. Если оказывается недостача офицеровъ въ пѣхотѣ, то они переводятся туда изъ конницы, и наоборотъ. Такіе переводы бываютъ довольно часты и дѣлаются по усмотрѣнію войсковаго дежурства, которое слѣдитъ за балансомъ чиновъ во всѣхъ трехъ родахъ оружія. Отъ этого происходитъ невольное переселеніе офицеровъ изъ службы одного оружія въ службу другаго, изъ одного мундира въ другой. Такое шаткое и неточное положеніе офицеровъ, сколько неудобно для нихъ самихъ, столько же невыгодно для службы. Оно можетъ измѣниться не прежде, какъ съ установленіемъ особыхъ линій чинопроизводства по пѣхотѣ и конницѣ, отдѣльно, какъ это уже сдѣлано по артиллеріи (1).

---

(1) Для офицеровъ, состоящихъ по войсковому управленію, военному и гражданскому, установлена особая форма одежды, во всѣхъ казачь-

Внѣ строя, въ походномъ и домашнемъ быту, козаки носятъ черкесскую одежду, предпочитая ее своей формѣ, какъ за легкость и удобство покроя, такъ и за прочность сукна. Въ черкесской одеждѣ, какъ бы тепло ни одѣлся козакъ, онъ одинаково будетъ поворотливъ и проворенъ. Черкесская одежда и сбруя, черкесское оружіе, черкесскій конь составляютъ предметъ военнаго щегольства для урядника и офицера. Вообще, все черкесское пользуется уваженіемъ и предпочтеніемъ между козаками. Да оно и справедливо: «что хорошо выдумано, то полезно и перенимать». Въ похвалу изобрѣтательности и тонкому вкусу Черкесъ слѣдуетъ сказать, что у нихъ, не только воинское снаряженіе, но даже земледѣльческія орудія, не только подсошки при ружьѣ, но соха и вилы на гумнѣ, отличаюсся легкостью, удобствомъ и пріятной отдѣлкой (¹). На самыхъ пустыхъ мелочахъ, выходящихъ изъ ихъ рукъ, лежитъ граціозный отпечатокъ. Присоединивъ къ этому ихъ утонченный этикетъ, ихъ уваженіе къ женщинѣ, пороховую вос-

---

ихъ войскахъ одинаковая. Это кафтанъ темнозеленаго цвѣта, донскаго покроя, съ краснымъ воротникомъ; при немъ темнозеленаго же цвѣта шаровары. По борту кафтана и по наружному шву шароваръ красный кантъ. Шапка та же, что въ строевыхъ частяхъ, но только съ чернымъ, а не краснымъ верхомъ.

(¹) Устройство черкесскаго плуга, очень легкаго и ходкаго, заслуживало бы подражанія. Онъ не забираетъ такъ глубоко, какъ тяжелый козацкій плугъ; зато кроитъ землю тонкими и ровными ломтиками, и по цѣлинѣ идетъ безъ малѣйшей запинки. Пахоть Черкеса — искусная ткань, заглядѣнье. Nota bene : засѣявъ ниву, Черкесы не заборанивают ее; они совсѣмъ не знаютъ бороны.

пламеняемость ихъ самолюбія, наконецъ ихъ физическую и нравственную легкость, мы не рѣшимся противорѣчить тѣмъ, которые между Адигами селятъ бургундскихъ и лотарингскихъ крестоносцевъ, — и поспѣшимъ кончить наше сухое описаніе козацкихъ доспѣховъ отрывкомъ картины, нарисованной кистью народной Черноморской поэзіи :

Іде козакъ на Кубань
Знаряженний, мовъ той панъ :
Кінь жвавий,
Самъ бравий,
Хватъ неборакъ.

Мушкетюга у чехлі,
А шаблюка при боці,
Ратище
Довгее, —
Чомъ не козакъ ?

Всунувъ ногу у стремено,
Ратюгою вперся въ землю,
Й на коня,
Изъ пів-дня,
Прудко злетівъ.

Ой у того жъ козака
Жінка гарна, молода,
Зъ хати вийшла,
Честь обична,
Ему на провідъ.
. . . . . .

РАЗСКАЗЪ ТРИНАДЦАТЫЙ.

Памятники войсковыхъ заслугъ и отличій. Войсковой въ честь имъ праздникъ.

Терпи, козаче, горе:
будешь пити медъ.

Въ осѣвшихъ и поросшихъ колючкой валахъ Екатеринодарской крѣпости живетъ послѣднее воспоминаніе о Сѣчи Запорожской. Все въ этой прикубанской крѣпостцѣ устроено такъ, какъ устраивалась приднѣпровская сѣчь, съ отдаленнѣйшихъ временъ. Внутри обширнаго редута, расположены четвероугольникомъ невысокія и длинныя казармы. Это старинные курени. Среди просторной, обчеркнутой казарменными зданіями, площади, называвшейся въ сѣчи майданомъ и служившей вѣчемъ для войсковыхъ «радъ», возвышается шестиглавая, войсковая соборная церковь. Сіяющіе въ воздушной синевѣ кресты ея видны изъ-за Кубани, на большомъ разстояніи, и служатъ фаросомъ нашимъ плѣннымъ, когда они выбѣгаютъ изъ горъ на родную, святую Русь. Близь церкви отдѣльное, оберегаемое часовымъ, строеніе, съ узкими окнами, задернутыми желѣзною рѣшеткою. Въ Сѣчи носило оно

названіе «войсковой скарбницы». Нынѣ, въ этомъ скромномъ зданіи вмѣщается все наличное общественное богатство, сердце промышленной жизни края — войсковая казна. Но не здѣсь, а вонъ гдѣ — подъ священной сѣнью войсковаго храма, Черноморцы хранятъ свои драгоцѣннѣйшія, свои завѣтныя сокровища: знамена, регаліи и другіе памятники доблестныхъ войсковыхъ службъ и щедрыхъ царскихъ къ войску милостей.

По обычаю, очень старому, каждый годъ, на второй день праздника пасхи, все нецѣнимое достояніе козаковъ, собранное на полѣ чести и побѣды, выносится съ-утра изъ войсковой церкви на майданъ, на показъ народу. Не умирай въ народѣ, призванномъ къ славнымъ подвигамъ оружія, не умирай и не блекни память о высокихъ царскихъ пожалованіяхъ, — и пусть вѣдаютъ о нихъ, и мать, и жена, и малыя дѣти козака, и наѣзжіе гости его.... Въ тотъ день, бываетъ соборная церковная служба и парадъ. Послѣ обѣдни войсковыя знамена, предшествуемыя крестами и хоругвями, троекратно обносятся вокругъ церкви, съ чтеніемъ четырехъ евангелій и молитвеннымъ пѣніемъ. Потомъ, отдѣлясь отъ крестовъ, проходятъ онѣ предъ народомъ и войсками. Народъ ихъ привѣтствуетъ съ сердечнымъ трепетомъ, войска отдаютъ имъ честь по воинскому уставу, — тамъ и сямъ скатится слеза на сѣдой усъ, тамъ и сямъ заискрится молодой взоръ, — и потомъ онѣ относятся назадъ, въ свое священное хранилище.

Бываетъ еще случай выноса клейнодъ съ большимъ

парадомъ. Это день присяги новаго войсковаго атамана на должность. Тогда всѣ куренные атаманы собираются въ войсковой городъ и, съ перначами въ рукахъ, присутствуютъ при присягѣ главы войска. Тогда всѣ знамена протекшаго времени обступаютъ присягающаго. И, осѣненный старѣйшими изъ нихъ, онъ произноситъ клятву вести войско путемъ долга, чести и блага общаго.

Воспользуемся однимъ изъ этихъ случаевъ и пройдемъ по всему ряду памятниковъ заслугъ и отличій войска.

Рядъ этотъ простирается чрезъ пространство пяти царствованій.

Вотъ первые знаки, запечатлѣвшіе возрожденіе «коша вѣрныхъ козаковъ» изъ пепла Сѣчи: 1 булава войсковая и 17 перначей куренныхъ, 1 большое войсковое и 14 малыхъ куренныхъ знаменъ, *за вѣру и вѣрность,* и печать кошевая, представляющая воина, съ мушкетомъ въ одной и знаменемъ въ другой рукѣ.

Графъ Суворовъ-Рымникскій, чрезъ котораго эти знамена и знаки были переданы Черноморскимъ козакамъ, объяснялъ имъ въ ордерѣ отъ 27 февраля 1788 года, что: «изображеніе на знаменахъ креста, съ сіяющимъ въ срединѣ солнцемъ, представляетъ привязанность войска къ вѣрѣ Христіанской; на другой же сторонѣ, въ звѣздѣ, надпись ордена св. апостола Андрея Первозваннаго означаетъ храненіе войскомъ вѣры, проповѣданной симъ апостоломъ въ странахъ, по Днѣпру лежащихъ, и вѣрность къ Государю и Отечеству».

Этой первоначальной инвеституре войска послѣдуетъ грамота, блаженной памяти, Государини Екатерины II, отъ 30 іюня 1792 г., «милостивое слово», укрѣпляющее войску нынѣшнія его земли и воды, опредѣляющее его права, преимущества и обязанности. Эту священную хартію окружаютъ: большое бѣлое знамя, *въ воздаяніе усердной и ревностной службы войска Черноморскаго, доказанной въ теченіи благополучно оконченной войны съ Портою Оттоманскою, храбрыми и мужественными подвигами на сушѣ и водахъ.* Серебрянныя литавры, убранныя шелковыми занавѣсками, съ бахрамою и кистями; двѣ серебрянныя трубы; серебрянная, вызолоченная чаша, съ такими же: дискосомъ, звѣздою, двумя копьями, двумя лжицами и двумя блюдцами; пара дорогихъ «ставратныхъ» ризъ, съ принадлежащими къ нимъ облаченіями; серебрянное, крытое густою позолотою, блюдо и серебрянная, жарковызолоченная солонка, осѣняемая двуглавнымъ орломъ.

На этомъ блюдѣ и въ этой солонкѣ козаки удостоились получить отъ Государыни, въ 1792 году, хлѣбъ и соль, на путь дорогу къ берегамъ Кубани ([1]).

За царскимъ хлѣбомъ-солью Екатерины II слѣдуютъ памятники государствованія Павла I: одно большое, бѣлое, съ золотыми лучами, и четырнадцать малыхъ знаменъ — «въ значеніе службы Всероссійскому Престолу», — и милостивое слово (отъ 16 фев-

---

([1]) Часть хлѣба и соли хранится въ войсковой церкви донынѣ.

раля 1801 года), подтверждающее войску его права, преимущества и обязанности, и водворяющее въ немъ порядокъ и гражданственность.

Затѣмъ слѣдуетъ милостивое слово Александра I (отъ 31 мая 1803 г.), сопровождаемое шестью малыми знаменами, жалованными войску «въ уваженіе его службы, съ ревностію и усердіемъ продолжаемой».

Эти шесть знаменъ, въ соединеніи съ вышепоказанными четырнадцатью Павловскими знаменами, розданы были въ двадцать полковъ (десять конныхъ и столько же пѣшихъ), въ первый разъ сформированныхъ въ 1803 году, на мѣсто сѣчевыхъ куреней. Чрезъ двѣнадцати-лѣтній промежутокъ времени, какъ свидѣтельство о доблестномъ участіи войска въ достопамятной отечественной войнѣ, являются серебрянныя трубы, жалованыя въ 15-й день іюля 1813 года, Черноморской гвардейской сотнѣ *за отличія, въ войнѣ съ Французами, неоднократно оказанныя.*

Наконецъ развертывается блистательный рядъ георгіевскихъ знаменъ, жалованныхъ Государями Императорами: въ Бозѣ почившимъ Николаѣмъ Павловичемъ и нынѣ благополучно царствующимъ Александромъ Николаевичемъ:

1-му конному полку *за отличіе въ Персидскую и Турецкую войны, въ 1827, 1828 и 1829 годахъ.*

5-му и 6-му коннымъ полкамъ *за отличіе въ Турецкую войну, въ 1829 году.*

8-му и 9-му коннымъ и 5-му пѣшему полкамъ *за отличіе при взятіи крѣпости Анапы, 12 іюня 1828 года.*

1-му пѣшему полку *за отличие, 29 мая 1829 года, при разбитіи Турецкой флотиліи, подъ Браиловымъ.*

8-му пѣшему баталіону *за отличіе при взятіи крѣпости Анапы, 12 іюня 1828 года, и за примѣрное мужество при оборонѣ Севастополя, 1854 и 1855 годовъ.*

2-му пѣшему баталіону *за примѣрное отличіе при оборонѣ Севастополя, 1854 и 1855 годовъ.*

Общее всему войску, большое бѣлое знамя св. великомученика и побѣдоносца Георгія, пожалованное Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, въ 10 день октября 1843 года, *за пятидесятилѣтнюю, вѣрную, усердную и храбрыми подвигами ознаменованную службу.*

Такое же большое знамя, пожалованное благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ, при нижеслѣдующей грамотѣ:

«Нашему любезному вѣрному Черноморскому козачьему войску».

«Войско Черноморское, съ примѣрною готовностію, снарядивъ сыновъ своихъ на защиту отечества противъ вторгшихся въ оное иноплеменниковъ, и достойно связавъ имя свое съ геройскою защитою Севастополя, явило въ перенесеніи воинскихъ трудовъ и опасностей минувшей войны многочисленные подвиги самоотверженія, мужества и примѣрной храбрости».

«Въ ознаменованіе столь достохвальной службы, признали Мы за благо, особою Высочайшею грамотою Нашею, Всемилостивѣйше пожаловать Черно-

морскому войску Георгіевское знамя съ надписью: *«за храбрость и примѣрную службу въ войну противъ Французовъ, Англичанъ и Турокъ, въ 1853, 1854, 1855 и 1856 годахъ»,* которое препровождая при семъ, повелѣваемъ: освятя оное по установленію, присоединить къ пожалованнымъ войску Августѣйшими предками Нашими войсковымъ знаменамъ, для употребленія при всѣхъ торжественныхъ сборахъ Войска, въ воспоминаніе неизмѣннаго къ нему Нашего благоволенія».

«Дана въ первопрестольномъ градѣ Нашемъ Москвѣ, въ 26 день августа мѣсяца, въ лѣто отъ Рождества Христова 1856-е, Царствованія же Нашего второе».

На подлинной написано собственною Его Императорскаго Величества рукою:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Симъ милостивымъ словомъ и пожалованіемъ оканчивается, такъ сказать, послужной списокъ войска Черноморскаго.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, — какъ много отраднаго въ этомъ воспоминаніи! — милостивымъ словомъ и пожалованіемъ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая Павловича Черноморское войско вызвано было на празднованіе пятидесятилѣтняго юбилея боевой его линейной службы, — празднованіе, достойное жить въ памяти козацкаго потомства, по тѣмъ высокимъ народнымъ чувствамъ, которымъ служило оно торжественнымъ выраженіемъ.

Это было въ маѣ 1844 года, по доставленіи въ Екатеринодаръ большаго георгіевскаго знамени, пріо-

сѣнившаго пятидесятилѣтнюю совокупность службъ войска.

Для торжественнаго пріема новопожалованннаго войсковаго знамени были собраны въ войсковой городъ атаманы всѣхъ куреней. Каждаго изъ нихъ сопровождали недоросли и престарѣлые козаки, служившіе еще въ «славномъ войскѣ низовомъ, Запорожскомъ». Старики сходились порадоваться торжеству молодаго поколѣнья да вспомнить, на закатѣ своихъ дней, славную свою екатерининскую старину. Малолѣтные козаки призваны были въ свидѣтели и участники войсковаго торжества, чтобъ чрезъ нихъ перешла въ двадцатое столѣтіе живая память о томъ, съ какими чувствами Черноморцы обыкли принимать награды своихъ Царей.

Въ то же время пришли къ Екатеринодару пять конныхъ полковъ и четыре пѣшихъ баталіона, выряженные на смѣну частей, занимавшихъ кубанскіе кордоны и закубанскія укрѣпленія. За ними прибыли команды внутренно-служащихъ козаковъ и двѣ батареи конной артиллеріи. Войска эти расположились лагеремъ на берегу Кубани, ниже войсковаго города.

За войсками, со всѣхъ концовъ Черноморья, стекался народъ на екатеринодарскую троицкую ярмарку, этотъ первенствующій въ краѣ рынокъ.

Вмѣстѣ съ жителями козачьяго сословія, собиралось въ войсковую метрополію все куренное духовенство. Оно ожидало перваго посѣщенія и благословенія перваго Кавказскаго епископа, преосвященнаго Іереміи.

Были приглашены на войсковой праздникъ мир-

ные Черкесы и даже немирные Шапсуги недалекихъ, отъ Кубани, ауловъ.

Обширный военный станъ и еще болѣе обширный съѣздъ ярмарки вмѣщали въ себѣ огромное число представителей для войсковой праздничной сходки.

Всѣ приготовленія къ празднику сдѣланы были за городомъ, въ лагерѣ. Сюда, въ большую атаманскую ставку, было перенесено изъ атаманскаго дома, новопожалованное знамя, еще неприбитое къ древку. У порога ставки былъ вкопанъ, дуломъ вверхъ, старый чугунный единорогъ, которому предназначалось остаться памятникомъ перваго водруженія знамени на войсковой землѣ.

Въ обѣ стороны отъ атаманской ставки были складены изъ зеленаго дерна длинные столы, за которыми щедрое угощеніе ожидало куренныхъ атамановъ, стариковъ, недорослей и закубанскихъ гостей.

На эти праздничные столы степи доставили фазановъ, утокъ, зайцевъ; берега Кубани — кабановъ, оленей, козъ; Азовскіе лиманы — всѣхъ родовъ рыбу.

Для обѣденныхъ столовъ была приготовлена старинная, деревянная, козацкая посуда, про которую Запорожцы говаривали: «хоть зъ корыта, да до сыта». Это почти тоже, что «изба дымна, да трапеза въ ней сытна».

Для заздравныхъ чашъ и другихъ высшихъ потребностей угощенія, изъ войсковой казны отпущено было 1,200 руб.

10 мая, кончены были всѣ приготовленія къ празднику. Съ полудня лагерь сталъ наполняться народомъ. Сюда же тянулись и скрыпучія арбы Черкесъ. Въ то

время послышался отъ всѣхъ городскихъ церквей колокольный звонъ. Прибылъ въ войсковой городъ преосвященный Іеремія.

Къ вечеру, войска выстроились впереди лагеря. Къ атаманской ставкѣ собрались всѣ чины военнаго и гражданскаго войсковаго управленія. Позади ихъ стояли станичные атаманы. Они заняли мѣсто между стариками и дѣтьми, между воспоминаніемъ и надеждой. Тогда прибыли въ лагерь: войсковый наказный атаманъ, генералъ-лейтенантъ Николай Степановичъ Заводовскій, начальникъ войсковаго штаба, генералъ-маіоръ Григорій Антоновичъ Рашпиль и преосвященный Кавказскій и Черноморскій Іеремія.

Послѣ встрѣчи, войска сдѣлали перемѣну фронта къ атаманской ставкѣ.

По входѣ въ ставку, архипастырь осѣнилъ крестнымъ благословеніемъ знамя, распростертое на большомъ столѣ, предъ портретомъ Государя Императора Николая Павловича. И потомъ началось прибытіе знамени къ древку, по уставу.

Внутренее убранство атаманской ставки вполнѣ соотвѣтствовало торжественности событія. Новое знамя осѣнено было со свода ставки старыми знаменами, на которыхъ горѣли надписи «за отличіе». Портретъ Государя Императора Николая Павловича, во весь ростъ, помѣщенный въ углубленіи, противоположномъ дверямъ ставки, обведенъ былъ лучами изъ ста штыковъ и ружей. Къ подножью царскаго изображенія сложены были: серебрянныя литавры, серебрянныя трубы, атаманскія булавы, перначи и образцы оружія,

употребляемаго Черноморскими козаками, съ давнихъ временъ. Изъ этихъ доспѣховъ не были исключены и легкія пушки, которыми, въ прежнія времена, вооружалась флотилія Черноморскаго войска. Все, чѣмъ войско на враговъ ополчается и чѣмъ предъ соотечественниками красуется, преклонилось предъ ликомъ Царя Самодержавнаго, во свидѣтельство благоговѣйной любви и преданности къ нему единодушной войсковой семьи. Твое отъ Твоихъ Тебѣ!

Первый гвоздь вбилъ въ древко знамени наказный атаманъ, второй — преосвященный Іеремія, третій — начальникъ войсковаго штаба. Потомъ вбиты были гвозди каждымъ изъ присутствовавшихъ, отъ генерала до козака, представлявшаго свою сотню, роту и батарею. Каждый вбитый гвоздь освящалъ послѣднимъ ударомъ войсковой атаманъ.

Тѣ изъ стариковъ, которые были жалованы, въ прежнія времена, армейскими чинами, такъ же оставили свои гвозди въ знаменномъ древкѣ. Принимаясь за молотокъ, они искали глазами на сводѣ ставки трофеефъ, современныхъ своей молодости, и говорили: вотъ, въ древкѣ этого голубаго знамени долженъ быть мой гвоздь, вбитый въ Очаковѣ, мой въ Браиловѣ, а мой въ Анапѣ....

Въ лагерѣ царствовала тишина. Войска стояли подъ ружьемъ, и взоры рядовъ неподвижно обращены были къ атаманской ставкѣ, откуда глухо отдавался стукъ молотка. И эти недавно сплоченные ряды проникнуты были однимъ чувствомъ, одной мыслью: чувствомъ живой преданности Царю и долгу, мыслью

про то, чтобъ и впередъ, на остальное пятидесятилѣтіе, сдѣлать войско достойнымъ милостивыхъ царскихъ пожалованій....

Цѣлую ночь горѣлъ огонь въ атаманской ставкѣ. Знамя, соединенное уже съ древкомъ, все еще оставалось растростертымъ на столѣ. Его окружалъ караулъ изъ урядниковъ конныхъ полковъ и пѣшихъ баталіоновъ.

На другой день, 11 мая, хлынули въ лагерь, вслѣдъ за его раннимъ пробужденіемъ, толпы народа. Туда же спѣшили и нарядно одѣтые Черкесы. Въ восемь часовъ утра, изъ Екатеринодарской крѣпости раздались три пушечные выстрѣла, на которые артиллерія лагеря поспѣшно отвѣтила. Это былъ призывъ къ литургіи, которую готовился совершить въ войсковой соборной церкви преосвященный Іеремія. Отъ всѣхъ находившихся въ лагерѣ полковъ, баталіоновъ, батарей и командъ отряжены были части въ городъ, для слушанія богослуженія.

Чрезъ два часа послѣ того, загорѣлась учащенная пальба въ крѣпости и въ лагерѣ. Этотъ переговоръ артиллеріи чрезъ пространство четырехъ верстъ, возвѣстилъ чтеніе евангелія въ войсковой церкви. Войска вышли на линію и послышалась команда: шапки долой, за тѣмъ что въ войсковой церкви читалось евангеліе.

Въ Запорожскомъ войскѣ, во время чтенія евангелія въ сѣчевой церкви, въ торжественные праздники, производилась перекатная пальба изъ пушекъ по валамъ сѣчи. Вотъ почему слову любви и спасенія вторилъ громъ оружія на Кубани. *Во всю землю изыде*

вѣщаніе ихъ. Наконецъ, за послѣдними тремя выстрѣлами, которыми возвѣщено было окончаніе литургіи, войска стали въ ружье, внѣ лагеря. Ихъ развернутый строй образовалъ три стороны каре, а четвертую составили старики, атаманы, недоросли и ученики войсковаго училища. Послѣдніе вышли изъ города съ своими училищними хоругвями. Подъ хоругвью Минервы они поучались, какъ надлежитъ стоять подъ знаменами воинской чести и доблести. Обширная поляна, на которой стояли войска, пестрѣла тысячами зрителей, всѣхъ состояній и возрастовъ. Конные Черкесы держались по одаль, пѣшіе тѣснились въ общей толпѣ.

По прибытіи въ лагерь войсковаго атамана, начальника штаба и преосвященнаго епископа, съ многочисленнымъ духовенствомъ, знамя было вынесено изъ ставки въ войскамъ. Громъ барабановъ, прокатившійся по рядамъ, и звукъ оружія, поднятаго на караулъ, привѣтствовали его появленіе. Затѣмъ послѣдовало освященіе знамени, совершенное преосвященнымъ Іереміею, съ настоятелемъ войсковаго монастыря, архимандритомъ Діонисіемъ и семьюдесятью-пятью священнослужителями. За провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царственному Дому, войсковой атаманъ прочиталъ, во всеуслышаніе, войскамъ и народу царскую грамоту, при которой пожалованъ войску новый трофей храброй службы.

Тысячеустное ура, грохотъ шестнадцати орудій и народный гимнъ, исполненный войсковой музыкой, все это, слившись въ одинъ торжественный голосъ,

было откликомъ на милостивое Царское слово. Одушевленіе козаковъ сообщилось и черкесскимъ дружинамъ. Онѣ присоединили свой рѣзкій гикъ къ величественному, какъ сама побѣда, русскому военному клику. Хамышейцы, стоявшіе до той минуты внимательными зрителями на лѣвомъ берегу Кубани, у аула Бжегокай, подняли гикъ и пальбу, потомъ бросились на лошадяхъ въ рѣку и, полуизмокшіе, присоединились къ ликующему собранію. Грохотъ пушечной пальбы, производимой изъ лагеря и съ валовъ Екатеринодарской крѣпости, тяжело переваливалъ чрезъ Кубань и, откатываясь къ лѣсамъ и ущельямъ Кавказскихъ горъ, тамъ постепенно замиралъ.

Когда первый взрывъ народнаго восторга стихъ, войска предъ новымъ знаменемъ, произнесли присягу на вѣрную службу Государю и Отечеству, на вѣрную и честную службу до послѣдней капли крови, — и знамя, сопровождаемое духовенствомъ, величественно обтекло неподвижные ряды. И въ эти минуты благоговѣйной тишины, слышалось только одно, благословеніе и побѣду свыше призывающее, молитвенное пѣніе церкви о православномъ Царѣ и Его народѣ: «спаси, Господи, люди твоя».

Потомъ, при звукахъ музыки, знамя возвратилось къ атаманской ставкѣ и было водружено въ дуло единорога, врытаго у ея порога. А въ ставкѣ былъ уже приготовленъ обѣдъ для высшихъ чиновъ и духовенства.

Въ концѣ обѣда, пили, при пушечной пальбѣ и при дружныхъ восклицаніяхъ «ура», за здоровье и

долгоденствіе Государя Императора, Августѣйшаго Атамана и всего Царственнаго Дома; за «великаго пана», военнаго министра, за весь кавказскій корпусъ и храброе Черноморское войско, и проч. и проч.

Оставимъ этотъ общій эпилогъ торжественныхъ обѣдовъ и пройдемъ между дерновыми столами, гдѣ Черноморцы, «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма», угощались родными запорожскими блюдами; гдѣ круговой «михайликъ» (деревянная чара), какъ планета, проливающая свѣтъ и теплоту въ своей сферѣ, распространялъ оживленіе и говоръ въ кругу сѣдыхъ сослуживцевъ Потемкина и Суворова. Здѣсь помолодѣвшая старина расходилась, заговорила про былое. Одинъ изъ столѣтниковъ, съ золотымъ очаковскимъ крестомъ на груди, разсказывалъ, съ юношескимъ одушевленіемъ, какими молодцами они, старые Черноморцы, предводимые судьею Антономъ Головатымъ, взобрались, въ полночь, на неприступную Березань, сняли часовыхъ, переодѣлись по-турецки и накрыли непріятельскій гарнизонъ врасплохъ. Другой вспоминалъ про атамана кошеваго Харька Чепѣгу, какъ онъ напускался къ самымъ стѣнамъ Хаджибея (Одессы) и зажигалъ турецкіе магазины подъ носомъ Янычаръ и Спаговъ. Третій указывалъ на берегу Кубани мѣсто, гдѣ, за пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ, вбилъ онъ первый колъ кордоннаго оплота. «Чи багато йще зосталось въ Батуринскомъ куренѣ нашихъ?» спрашивалъ одинъ другаго. — «Якъ колосинъ, пане брате, на пожатомъ жниву», былъ грустный отвѣтъ.

А тамъ, за пирамидами пикъ и штыковъ, за чер-

тою воспоминаній, все шумѣло настоящею радостью, безъ помину про вчера, съ говоромъ про завтра. А что завтра? — Этому веселому военному обществу предстояло разойтись по пустынному берегу Кубани и по одинокимъ закубанскимъ укрѣпленіямъ, до свиданія чрезъ годъ — «кому живому».

А знамя тихо развѣвалось надъ многолюднымъ сборищемъ, окружавшимъ его чугунный бушматъ. Живая народная радость ручалась, что Черноморцы оправдаютъ символъ этого желѣзнаго основанія, на которомъ утвердили они свое новое войсковое знамя.

Вѣтерокъ тянулъ къ горамъ. Молодой козакъ не сводилъ глазъ съ полощущаго знамени, и ему казалось, — была ли то игра свѣта и колебанія! — двуглавый орелъ стряхивался и расправлялъ крылья къ могучему полету на тѣ синія горы....

Послѣ вечерней зари, горѣли потѣшные огни, вѣнцомъ которыхъ былъ вензель Государя Императора Николая Павловича. Огромный размѣръ дѣлалъ его явственно виднымъ на лѣвой сторонѣ Кубани. Въ эту ночь, имя Николай было лозунгомъ на всемъ двухсотъ-шестидесяти-верстномъ протяженіи Черноморской кордонной линіи.

Послѣдняя искра вензеля угасла. На прибрежномъ курганѣ, вспыхнуло знамя, — знамя изъ разноцвѣтныхъ искрометныхъ огней. И какъ отрадно было видѣть искрящагося двуглаваго орла на холмѣ, гдѣ вспыхивала, до того, пожаромъ ночной тревоги линейная вѣха.

Обернемся къ атаманской ставкѣ. У дверей ея вы-

росли изъ чернозема ночной темноты двѣ высокія ели; ихъ вѣтви составлены изъ множества пылающихъ и узорчато размѣщенныхъ огней. Между этими эмблемами неизмѣняемости поставлены большія прозрачныя картины, освѣщенныя сзади. На первой и самой большей изъ нихъ горитъ все тотъ же царскій вензель, вправо вензель Августѣйшаго Атамана; еще правѣе, снимокъ съ знамени; влѣво вензель Государя Великаго Князя Михаила Павловича, а еще лѣвѣе аллегорическое изображеніе 1844 года, увѣнчаннаго лаврами.

Между тѣмъ, въ ярко освѣщенной атаманской ставкѣ, поднялся пиръ, въ основаніе котораго входятъ преферансъ и полька. И чернявыя козачки, подъ сѣнью знаменъ, за которыя ихъ дѣды и отцы умирали въ далекихъ битвахъ, весело носились въ вихрѣ вальса и бурѣ польки.

Но внѣ ставки, войсковой пѣвческой хоръ, отставая на полвѣка отъ войсковой музыки, въ сотый разъ напѣвалъ любимую народную пѣсню, старую пѣсню, которую Черноморцы сложили и пѣли, когда шли съ Днѣпра на Кубань.

Ой, годі намъ журитися,
Треба перестати:
Заслужили отъ Цариці
За службу заплати!
Дала хлібъ-сіль и грамоти
За вірниі служби;
Отъ-теперъ ми, односуми,
Забудемо нужди.

Въ Тамані жить, вірно служить,
Гряницю держати;
Рибу ловить, горілку пить,
Ще й будемъ багаті.
Та вже треба женитися
И хліба робити,
А хто йтиме изъ невіри
Непощадно бити.
Слава жъ Богу, та Цариці,
А покой Гетьману:
Изгоіли въ серцахъ нашихъ
Горючую рану!
Подякуймо ми Цариці
Помолімось Богу,
Що вона намъ указала
На Кубань дорогу (1)

День, ознаменованный для войска торжественнымъ обнародованіемъ Царскаго пожалованья, остался навсегда запечатлѣннымъ въ признательной памяти Черноморцевъ. На той же широкой, прикубанской полянѣ, гдѣ стоитъ одиноко, врытый до половины въ землю, старый единорогъ, каждый годъ, 11 мая, раскидывается атаманская ставка, выстраиваются конные полки, пѣшіе баталіоны, артиллерійскія батареи, и собирается добрый народъ. И то же войсковое георгіевское знамя торжественно переносится изъ войско-

(1) Въ этой пѣснѣ пересказано содержаніе грамоты, данной Императрицею Екатериниою II, Черноморскимъ козакамъ на поселеніе и службу ихъ при Кубани. Въ той грамотѣ, обязанность жениться была изъяснена въ числѣ другихъ главныхъ обязанностей.

вой церкви въ козачій станъ. И осѣненные имъ, стройные ряды склоняютъ оружіе на молитву и молятся о здравіи и благоденствіи Царя; и окропленное молитвенною водою изъ Кубани знамя обходитъ ряды, при звукахъ музыки, при говорѣ барабана и пушки. И одушевленные сознаніенъ заслуги, козаки привѣтствуютъ хоругвь чести и побѣды громкимъ, далеко слышнымъ за Кубанью «ура!»

РАЗСКАЗЪ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ.

Кордонная линія. Служба на линіи. Психадзе и хеджреты.

Кромѣ чрезвычайныхъ нарядовъ, во время внѣшнихъ войнъ государства, и кромѣ ближайшаго участія въ дѣлѣ покоренія хищнаго населенія Кавказа, постоянную и главную службу Черноморскихъ козаковъ составляетъ содержаніе кубанской кордонной линіи и возводимыхъ впереди ея, на земляхъ непокорныхъ Шапсуговъ и Натхокаджей, полевыхъ укрѣпленій. Кордонная линія составляетъ оплотъ для края противъ набѣговъ горцевъ и вмѣстѣ служитъ основаніемъ для наступательныхъ военныхъ дѣйствій противъ тѣхъ же горцевъ.

Черноморская кордонная линія ничто иное, какъ продолженіе и окончаніе праваго крыла Кавказской линіи, съ которою смыкается она ниже устьевъ рѣки Лабы, — а эта рѣка, какъ извѣстно, изливается въ Кубань съ сѣвернаго ската Кавказскаго хребта, у крѣпости Усть-Лабинской (1). Постъ «Изрядный — источ-

---

(1) Усть-Лабинская крѣпость, возведенная въ 1792 году, находится

никъ» служитъ соединительнымъ узломъ обѣихъ линій. Отъ этого исходнаго звѣна Черноморская линія тянется цѣпью укрѣплённыхъ постовъ, батарей и пикетовъ, внизъ по излучистому теченію Кубани на 260 верстъ, или около того. Вмѣстѣ съ бугазскими устьями Кубани, линія оканчивается у сѣверо-восточнаго берега Чернаго моря, недалеко отъ Анапы. На этомъ протяженіи насчитывается 60 постовъ и батарей и болѣе 100 пикетовъ.

Черноморцы перенесли съ Днѣпра на Кубань, вмѣстѣ съ другими ратными преданіями своихъ предковъ, Запорожцевъ, стародавнюю козацкую линейную фортификацію. Ихъ постъ и батарея (среднее между постомъ и пикетомъ укрѣпленіе) — это четвероугольный редутъ, съ землянымъ бруствером и небольшимъ рвомъ. На крону бруствера кладется гребень изъ терновнику и по контръ-экскарту насаживается колючій боярышникъ, въ предохраненіе укрѣпленія отъ эскалады. Такой редутъ можетъ съ успѣхомъ держаться противъ приступовъ, безъ артиллеріи (coups de main).

Посты и батареи вооружены старой и разнокалиберной артиллеріей. Въ этомъ вооруженіи попадаются пушки, защищавшія еще Днѣпровскую линію отъ Крымцевъ, во времена Гетьмановъ, и, вмѣстѣ съ козаками, переселившіяся на Кубань, для продолженія линейной службы противъ Черкесъ. Надъ каждымъ изъ вышеназванныхъ укрѣпленій устроена, на че-

---

подъ 45° 12′с. ш. и 57° 19′ в. д., въ разстояніи отъ Ставрополя 201, Тифлиса 735 и отъ Москвы 1458 верстъ.

тырехъ высокихъ подпорахъ, наблюдательная каланча — «вышка». Камышевая колоколообразная крыша вышки подобрана кверху пучкомъ. Изъ этого пучка, такъ похожаго на китайскую прическу, выбѣгаетъ высокій и прямой, какъ пика, шпиль, на который насажена сверху поперечная перекладина. Къ каждой оконечности перекладины прилаженъ на бечевѣ огромный шаръ, сплетенный изъ ивовыхъ прутьевъ. Перекладина, съ висящими по концамъ ея шарами, имѣетъ видъ коромысла вѣсовъ, а весь этотъ приборъ, въ совокупности, имѣетъ видъ начальной буквы въ словѣ тревога. Да это и есть вѣстникъ линейной тревоги, телеграфъ, или, какъ обыкновенно называютъ его козаки, «маякъ». Когда сторожевой завидѣлъ съ вышки непріятеля и закричалъ оттуда внизъ къ своимъ: «Черкесы! Богъ съ вами! (¹)» ему обыкновенно подаютъ голосъ снизу: «маячъ же, небоже», — и вотъ, спущенные до той минуты шары поднимаются вверхъ, вѣтеръ ихъ качаетъ и они маячатъ на тревогу.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ укрѣпленія, врыта высокая жердь, обмотанная пенькой и сѣномъ, или соломою, иногда съ смольной кадкой наверху. Это

(¹) Здѣсь слова: «Богъ съ вами» относятся къ козакамъ, къ которымъ обращено извѣщеніе о появленіи Черкесъ. У Черноморцевъ въ обычаѣ прибавлять эти слова къ восклицанію: «Черкесы, непріятель, тревога!» Все рѣзкое, внезапное и непріятное къ военномъ быту козаковъ, особенно непріятныя извѣстія, смягчаются въ ихъ языкѣ издревле условленными и временемъ освященными, рѣченіями, припѣвами. Упущеніе ихъ въ подобающихъ случаяхъ почитается грубостью, вывѣской рекрутской необтесанности.

«фигура», — у Кавказцевъ — вѣха. Если, въ темную ночь, непріятель прорветъ кардонный оплотъ, эти огромные факелы воспламеняются и проливаютъ багровый свѣтъ по берегу. Учащенные выстрѣлы, — козацкіе растянутые, какъ ударъ длиннаго хлыста, а черкесскіе сжатые, какъ лускъ раскушеннаго орѣха, — и крикъ, и топотъ, и ревъ переполошенной баранты далеко отдаются по рѣкѣ, и тревога тормошитъ линію.

И часто на зеленѣющемъ холмикѣ, по сосѣдству съ фигурою, встрѣчаете вы потемнѣвшій, покачнувшійся на сторону деревянный крестъ, либо свѣжую черную насыпь на одинокой могилѣ полегшихъ въ ночномъ бою защитниковъ отечественнаго рубежа....

И одинъ остался зритель
Сихъ, кипѣвшихъ бранью, мѣстъ;
Всѣхъ рѣшитель браней — крестъ.

Поровнявшись съ этой могилой, добрый русскій человѣкъ, ѣдущій изъ Керчи въ Ставрополь, съ дарами крымской Помоны, скинетъ шапку, перекрестится и молитву сотворитъ за упокой козацкихъ покойниковъ.

Сообразно съ мѣстоположеніемъ, представляющимъ болѣе или менѣе опасности, постъ вмѣщаетъ въ себѣ отъ 50 до 200, батарея отъ 8 до 25 козаковъ. Съ первымъ свѣтомъ дня, сторожевой поднимается на вышку и всѣ вышки зорятъ по Кубани до сумерковъ. Когда же голодный волкъ и хищный горецъ выползаютъ изъ своихъ норъ на ночной промыселъ, въ то время значительная часть спѣшенныхъ козаковъ вы-

ходятъ изъ поста на обѣ его стороны и, украдкою, вмѣстѣ съ тѣнями ночи, залегаютъ берегъ, въ опасныхъ мѣстахъ, по два, по три человѣка вмѣстѣ. Въ то же время, разставленные по пикетамъ козаки покидаютъ свои денные притоны и также располагаются по берегу живыми тенетами для ночнаго хищника. Это «залога».... залогъ спокойствія и безопасности страны. Козаки, остающіеся на посту, держатъ коней въ сѣдлѣ и находятся въ готовности, по первому извѣстію, или по первому выстрѣлу залоги, далеко слышному въ ночной тиши, скакать къ обезпокоенному мѣсту, кратчайшимъ путемъ, не разбирая, гдѣ кустъ, гдѣ рытвина, чтобъ поспѣть на зовъ тревоги прежде, чѣмъ «бояре медъ попьютъ».... Между тѣмъ, отряжаются съ постовъ, съ вечера, въ полночь и на разсвѣтѣ, разъѣзды, составомъ въ два, въ три человѣка каждый. При ожидаемомъ по слухамъ, или по примѣтамъ нападеніи, разъѣзды повторяются до шести разъ въ продолженіи ночи; но никогда не бываютъ они сильнаго состава. Разъѣзды проходятъ прибрежными тропинками — «стежками», ими проложенными и имъ только извѣстными, соблюдая наивозможную чуткость и осторожность, и перекликаясь съ залогою загодя условленнымъ, отрывистымъ свистомъ, либо глухимъ, счетнымъ стукомъ шашки о стремя.

Проѣзжая по Кубани позднимъ вечеромъ (конечно, по казенной надобности), и тревожно присматриваясь къ мелькающимъ мимо васъ, въ темнотѣ, кустамъ, — не выскочилъ бы изъ нихъ головорѣзъ Шапсугъ, — вы не видите разъѣзда, а онъ васъ видитъ.... Замѣ-

тивъ, какъ безпокойно вы оглядываетесь, то на ту, то на другую сторону, разъѣздной моргнулъ усомъ и думаетъ про себя: не безпокойтесь, ваше благородіе, ѣзжайте себѣ, глаза зажмуря: вѣдь мы не спимъ. Да, еще вы были версты за двѣ, какъ онъ остановилъ коня, насторожилъ ухо и настроилъ глазъ. И когда вы пронеслись мимо его и вновь умчались въ темную даль, онъ все еще прислушивается къ печальному звяканью колокольчика, не прервется ли оно вдругъ.... и добродушно провожаетъ васъ пожеланіемъ, чтобъ вашъ поздній ужинъ не остался кому другому на завтракъ.

Разъѣздныя стежки прокладываются по мѣстамъ скрытнымъ, нерѣдко закрытымъ на-глухо кустарниками и камышами. Ихъ не одна, а нѣсколько. Разъѣзды часто мѣняютъ ихъ изъ опасенія сдѣлаться жертвой непріятельской засады. Когда горцамъ нужно схватить разъѣздъ, они выбираютъ для того темную ночь и засѣдаютъ стежку, по обѣ ея стороны, въ трехъ различныхъ мѣстахъ. Средняя засада, перекинувъ чрезъ стежку арканъ, либо лозу дикаго винограднuка, устраиваетъ такимъ образомъ барріеръ, въ грудь коню отъ поверхности земли. Съ какой бы стороны разъѣздъ ни слѣдовалъ, крайняя засада пропускаетъ его и, вслѣдъ затѣмъ, гикнувъ ему въ тылъ, нагоняетъ его на барріеръ, гдѣ конь и всадникъ падаютъ и дѣлаются добычею средней засады. У козаковъ, разумѣется, своя снаровка имѣется противъ такихъ ухищреній «голомозгцевъ». Во первыхъ, разъѣздные не ѣдутъ вмѣстѣ, а тянутся гусемъ, на такомъ одинъ отъ другаго разстояніи, чтобы передній человѣкъ только маячилъ зад-

нему. Оно, конечно, охотнѣе бы ѣхать односумамъ въ кучкѣ: запалили бы они люльки (закурили бы трубки), да чтобъ не было имъ жутко, поразговорились бы про свой курень, про послѣднія оттуда новости: кто съ кѣмъ покумился и кто съ кѣмъ побранился; поразговорились бы про свою домашность — будетъ ли, не будетъ ли снѣжная зима, достанетъ ли сѣнца прохарчевать худобку до «теплаго Олексы», [1] — и мало ль есть о чемъ имъ повести пріятную рѣчь? — да только оно не приходится; не такъ наказывалъ есаулъ съ вечера. Есаульской наказъ вотъ какой: ѣзжайте вы, братцы, такъ и этакъ; примѣчайте, когда осторожится конь, и собственныхъ очей не ховайте въ кишеню (не прячьте въ карманъ); почаще останавливайтесь, да прислушивайтесь, — да оглядывайтесь мнѣ почаще назадъ, а пуще всего не съѣзжайтесь до кучи. Ты, Деркачъ, не доѣхалъ, вчерашнюю ночь, до съѣзднаго пикета. Это я знаю: меня, братъ, не проведешь; смотри — ребра переломаю.... Во-вторыхъ, бывалый козакъ, какъ только услышитъ подирающій по кожѣ гикъ позади себя, въ-мигъ смекнетъ, что непріятель хитритъ, козни строитъ, — и потому устремитъ онъ своего надежнаго коня не прямо, впередъ себя, а въ бокъ. Пробился конь чрезъ «хмеречу» (чащу) и чрезъ болото, исполать ему: онъ добрый конь, настоящій

[1] Между Черноморскими козаками, особенно между пластунами, есть доки, предъузнающіе съ осени продолжительность и суровость зимы, по наблюденіямъ надъ хребтами и внутренностями дикихъ кабановъ.

козацкій конь, — ни продать, ни подарить его; а застрялъ, такъ долой съ него, — тамъ онъ и оставайся, хоть бы пѣшему добраться какъ-нибудь до поста.

Послѣдній разъѣздъ, «свѣтовый», убираетъ залогу. Но когда надъ Кубанью виситъ туманъ, залога неснимается и движеніе разъѣздовъ не прекращается до полудня. Зимою, когда на Кубани лежитъ ледъ, по словамъ горцевъ, божій помостъ для хубхаледовъ (удальцовъ), — когда, съ устраненіемъ естественныхъ препятствій влажной границы, нападенія бываютъ въ большихъ, открытыхъ силахъ, — ночная пѣшая залога замѣняется конными караулами [1] и учащенными разъѣздами. Ни теметь, ни вьюга и стужа, ни угрозы близкаго и сильнаго непріятеля, — словомъ никакія обстоятельства не могутъ служить поводомъ къ увольненію очередныхъ козаковъ отъ труднаго коннаго ночнаго караула.

Укрѣпленіе, называемое «бикетъ», имѣетъ видъ огромнаго тура. Оно обнесено высокой плетневой огорожей, снизу по грудь двойной, съ небольшимъ промежуткомъ, засыпаннымъ землею. Мѣлкій и узкій ровъ опоясываетъ огорожу. Сторожевая вышка и вѣщая фигура составляютъ служебныя принадлежности пикета, какъ и поста. Но на посту дымится труба хаты, болѣе или менѣе гостепріимной; пикетъ же не представляетъ другаго пріюта, кромѣ шалаша, съ раз-

---

[1] Они не могутъ быть названы ведетами, потому что ставятся на далекое одинъ отъ другаго разстояніе, не имѣютъ взаимной связи и не составляютъ цѣпи.

ложеннымъ посрединѣ его огонькомъ и съ растянувщимся около огонька котомъ. Котъ дѣлитъ сухарь съ козакомъ въ этомъ глухомъ, угрюмомъ аванпостномъ шалашѣ и даритъ его единственнымъ мирнымъ и мягкимъ впечатлѣніемъ, единственнымъ отраднымъ развлеченіемъ среди безсмѣнныхъ грозныхъ впечатлѣній боевой черты, среди безсмѣнныхъ суровыхъ думъ объ опасности и непріятелѣ. Вернувшись изъ поиска, козакъ подсядетъ къ огоньку сушиться; его чело хмурится, его усъ топорщится, на душѣ тяжело, въ головѣ смутно. Подойдетъ на цыпочкахъ котикъ и умильно уставитъ на него свои добрые сѣрые глазки. Козакъ его оттолкнетъ; но котикъ подойдетъ, немного спустя, въ другой разъ. Козакъ его погладитъ и нѣжно подергаетъ за жидкій усъ. Тогда котъ повиляетъ ему дружелюбно хвостомъ и помурлычетъ воспоминаніемъ о своей бабушкѣ, съ которой играютъ гдѣ-то козачата. И вотъ морщины слетѣли съ чела, усъ прилегъ, отъ сердца отошло и на душѣ козака стало опять свѣтло. Добрая козацкая душа не зачерствѣетъ и незаплеснѣвѣетъ ни въ какой трущобѣ, ни среди какихъ суровостей военнаго быта....

Въ пикетѣ помѣщается отъ трехъ до десяти козаковъ. Черноморцы способны держаться и за этими ненадежными защитами. Свойственный имъ недостатокъ ловкости и увертливости они съ лихвой вознаграждаютъ твердостью и стойкостью. Только бъ сказали имъ стоять, такъ постоятъ. Каждый человѣкъ за себя возьметъ. Не будучи, поэтому, похожи на тѣхъ прихотливыхъ воиновъ, которымъ нужно, чтобъ сорокъ

вѣковъ на нихъ смотрѣли, они черпаютъ силу и мужество, въ рѣшительныя минуты боя, изъ своего задушевнаго прадѣдовскаго убѣжденія: «Богъ не безъ милости, а козакъ не безъ доли (не безъ счастья)». Были примѣры, что человѣкъ десятокъ дружныхъ односумовъ, внезапно осажденные въ своемъ плетневомъ кошелѣ, съ виду готовомъ скатиться въ Кубань отъ одного толчка, не думали сдаваться на предложеніе Черкесъ, сдѣлавшееся ходячею поговоркою: «Эй, иванъ, гайда за Кубань», — не теряли головы и геройски выдерживали яростные приступы. Припавъ за плетневую загату, съ прикладомъ при щекѣ, а шапки выставивъ выше своихъ головъ, противъ плетневыхъ амбразуръ, чтобъ туда направить первый жестокій огонь непріятеля, они упорно и лихо отбивались, нанося сильный вредъ осаждающимъ, пока, наконецъ, не бывали выручены. И нерѣдко, кто-нибудь изъ нихъ оставался еще невредимъ, чтобъ отворить подошедшей подмогѣ дверь плетневой крѣпостцы. Такова исторія «суровской батарейки», получившей свое названіе отъ приказнаго Сура. Этотъ Суръ съ десятью товарищами отбилъ нѣсколько натисковъ огромной толпы Шапсуговъ, стремившихся на разгромъ куреня Полтавскаго, — и мало того, что самъ отбился, онъ спасъ еще курень, давъ ему время приготовиться къ оборонѣ.

Въ нынѣшнее время, горцы рѣдко затрогиваютъ пикеты, — и когда открыто переходятъ линію, то ограничиваются однимъ наблюдательнымъ облежаніемъ ихъ. Для чего толпа, несущая огонь и мечъ въ ко-

зацкую землю, оставляетъ на линіи отрядъ, который не даетъ козакамъ выдти изъ пикета съ донесеніемъ на постъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обезпечиваетъ наступающимъ своимъ силамъ отступленіе и обратную переправу чрезъ Кубань.

Старые Черноморцы, между которыми много было «водяныхъ», то есть пріученныхъ къ дѣйствію на лодкахъ служакъ, придумали было, въ добавокъ къ сухопутнымъ линейнымъ укрѣпленіямъ, пловучія караульни, двигавшіяся по всему низовому теченію Кубани, отъ Екатеринодара до устьевъ. Эти кочевые пикеты назывались «байдаками», и число ихъ простиралось до двадцати. Они устраивались на подобіе паромовъ, но имѣли весла и слушались руля. Вооружались они фалконетами и по борту, обращенному къ непріятельскому берегу, прикрывались шерстяными щитами, съ отверстіями для ружей. На каждомъ изъ нихъ помѣщалось до тридцати-пяти пѣшихъ козаковъ, съ кухней и запасами. Одинъ такой байдакъ, съ двумя офицерами и двадцатью-восемью козаками, былъ истребленъ горцами въ 1802 году. Байдаки гонялись за двумя зайцами и ни одного не ловили. Но, что еще невыгоднѣе — они оставались въ бездѣйствіи большую половину года, чрезъ обмѣлеваніе и замерзаніе Кубани. А потому существованіе этихъ кордонныхъ амфибій кончилось превращеніемъ ихъ въ простыя паромныя переправы чрезъ Кубань и Протоку.

Вся линія, съ ея постами, батареями и пикетами, подѣлена на части и отдѣленія, для занятія которыхъ употребляется болѣе трети войсковой конницы, пѣхоты

и артиллеріи. Въ медицинскомъ отношеніи линія раздѣлена на четыре участка. Въ каждомъ участкѣ состоитъ лекарь.

Въ зимнее время, обыкновенная кордонная цѣпь подкрѣпляется временными резервами, контрфорсами, которые называются, въ своемъ особенномъ смыслѣ, «отрядами» и въ которые наряжаются полки, баталіоны и батареи, находящіеся въ домахъ, внѣ служебной очереди (1). А въ тѣхъ случаяхъ, когда горцы напираютъ на линію чрезвычайными силами, войско выставляетъ на Кубань, не въ очередь, всю свою конницу, пѣхоту и артиллерію, даже «внутренно-служащихъ», т. е. такихъ чиновъ, которые прослужили уже въ полевой службѣ двадцать-два года и еще служатъ въ войсковомъ гарнизонѣ три года. Въ то время пикеты, слишкомъ выдавшіеся отъ прямой черты впередъ, на исходящіе углы глубокихъ займищъ, покидаются; ихъ караулы стягиваются къ постамъ и батареямъ. Остаются на нихъ одни коты, которые кормятся, во время отсутствія козаковъ, ловлею зябликовъ и другихъ птичекъ. Посты и батареи, съ ихъ

(1) Очередная служба на линіи называется станціей, а безочередная отрядомъ. Отрядъ труднѣе станціи. Если бы пограничные курени, которые именно и служатъ приманкою для хищническихъ нападеній горцевъ, были отдѣлены отъ общаго военнаго состава, если бы служивое ихъ населеніе постоянно оставалось на мѣстѣ для охраненія своихъ жилищъ, дорогъ, пастбищъ и полей, и для всегдашней поддержки кордонныхъ карауловъ, то, кажется, не было бы надобности въ подкрѣпленіяхъ, и льготы полковъ и баталіоновъ не нарушались бы.

убогими помѣщеніями, едва укрываютъ своихъ постоянныхъ жильцовъ. Безпріютные вспомогательные отряды располагаются около бивачныхъ огней, дымящихся подъ ненастнымъ зимнимъ небомъ. Трудности этого зимняго бивакированія для непривычныхъ людей и лошадей были бы невыносимы. На два слишкомъ мѣсяца, самыхъ суровыхъ въ году, линія кордонная принимаетъ видъ боевой линіи. Горцы употребляютъ тогда всѣ усилія, чтобъ истребить кордонныя сѣна (обыкновенно складываемыя съ-лѣта на лугахъ, въ самыхъ мѣстахъ покосовъ), и отнять у козаковъ способы продовольствія ихъ многочисленной конницы (¹). И часто выстрѣлъ изъ пистолета, приставленнаго Шапсугомъ къ стогу, превращаетъ въ пепелъ плоды лѣтнихъ тяжелыхъ трудовъ козака.

Смутно какъ-то бываетъ тогда на линіи. Ночью никому не спать, коней никому не разсѣдлывать. Пройдохи лазутчики, одинъ за другимъ, наѣзжаютъ украдкою изъ-за Кубани съ грозными вѣстями. Что лазутчикъ, то и особая вѣсть. Полное осуществленіе козацкой поговорки: «піди до ста бабівъ, скажуть тобі сто лихівъ». По сказкѣ одного изъ этихъ вѣщуновъ, въ двухъ часахъ отъ Кубани, такое скопилось сборище, что изъ камешковъ, брошенныхъ *хубхадедами*

(¹) Для конницы, постоянно и временно занимающей линію, заготовляется по Кубани, каждое лѣто, личными способами козаковъ, болѣе 3,000 стоговъ, или одинъ милліонъ пудовъ сѣна. Заготовленіе сѣна на линіи дѣлается льготными полками и баталіонами. Въ этомъ безочередномъ нарядѣ, льготный козакъ теряетъ сѣнокосное время въ ущербъ своему собственному хозяйству.

на бурку, вышелъ настоящій курганъ [1], — и, что горше еще, это несмѣтное сборище, въ эту же ночь, обрушится на верховый курень Васюринскій. По увѣренію другаго, который самъ, два часа тому назадъ, громче всѣхъ кричалъ на совѣтѣ сборища, въ Васюринскомъ куренѣ можно спать, укрывшись съ головою, а гроза разразится на низу, надъ куренемъ Полтавскимъ. Наконецъ, по рѣшительному объявленію третьяго, по дудкѣ котораго самъ Магометъ Аминъ скачетъ, у всѣхъ Шапсуговъ и низовыхъ Абадзеховъ одно желаніе и одна дума — вломиться въ Бжедугскаль и разобрать по саквамъ армянскія лавки.... Ну какъ тутъ отличить услужливую истину отъ коварнаго подвоха или отъ пустой, праздной лжи? Задача трудная. Тѣмъ болѣе трудная, что у самаго надежнаго лазутчика глаза велики, а языкъ безъ костей. На театрѣ большой войны подмѣчаютъ иногда за нами замашку преувеличивать когда рѣчь идетъ о силахъ замѣченнаго непріятеля. Свиньемъ валитъ, — глазомъ не скинешь, — шестомъ не проворотишь, — все это выраженія сильныя, конечно; но это лишь капля въ морѣ,

---

(1) Хубхадедъ у Черкесъ тоже, что у Татаръ джигитъ. Оріенталистъ остановится на этомъ словѣ и подивится, изъ какой дали забрело оно въ ущелья сѣверной покатости Кавказа.

Каждый воинъ черкесскаго сборища, затѣвающаго открытый набѣгъ, бросаетъ на разостланную бурку камешекъ. Всѣ брошенные камешки сосчитываются, и такимъ образомъ предводители сборища получаютъ свѣденіе о численномъ составѣ вооруженной силы, которою они располагать могутъ. Такова строевая отчетность людей, почитающихъ унизительнымъ прямой счетъ человѣческихъ личностей.

въ сравненіи съ преувеличеніями черкесскихъ вѣстнитовъ, одаренныхъ воображеніемъ Шехеразады и краснорѣчіемъ китайской реляціи. Если бы сотая только доля угрозъ, разновременно перенесенныхъ ими съ горъ на линію, сбылась, — давно бы уже, ни Черноморскихъ, ни Кавказскихъ козаковъ не существовало на бѣломъ свѣтѣ. «Якъ бы Богъ слухавъ чередника (пастуха), уся бъ худоба сгинула».

Линейная опытность предписываетъ считать вѣрнымъ только то, что добудутъ свои неутомимые и безтрепетные развѣдчики. Въ темныя ночи они даютъ сигналы огнемъ, зажигая камышъ по передовымъ опушкамъ плавней. Гонимый и раздражаемый сѣверовосточнымъ вѣтромъ, услужливый огонекъ разгорается неистовымъ пожаромъ. Пожаръ пустыни, — какое кому до него дѣло? — блуждаетъ огромными клубами, много дней и ночей, по неисходимымъ пространствамъ камышей, пока не пресытится и не сляжетъ самъ собою.

Открытымъ нападеніямъ горцевъ чаще подвержены верховые, то есть болѣе удаленные отъ моря, участки линіи. Здѣсь пограничный рубежъ, — правый берегъ Кубани, — менѣе представляетъ препонъ стремительнымъ вторженіямъ непріятеля. Надобно сказать, что Кубань, пролегающая вдоль Кавказскаго хребта широкимъ жолобомъ, посредствомъ котораго нагорныя воды стекаютъ въ два морскихъ водоема, носитъ на себѣ рѣзкіе отпечатки главныхъ видоизмѣненій горнаго хребта. Ближе къ своему верховью, къ Эльбрусу, гдѣ горы имѣютъ наибольшее возвышеніе, правый берегъ Кубани (который, вообще на всемъ своемъ про-

тяженіи, господствуетъ надъ лѣвымъ) возвышенъ, утесистъ и, какъ окрестная почва, каменистъ. Отдаваясь къ сѣверо-западу отъ Эльбруса, по направленію къ Черному морю, горный хребетъ осѣдаетъ, освобождается отъ вѣчныхъ снѣговъ и вѣчнаго оцѣпененія, дѣлается доступнымъ для органической жизни. Берега Кубани также понижаются и принимаютъ свойство песчано-глинистое и черноземное. Наконецъ, еще сѣверо-западнѣе, еще ближе къ Черному морю,—плугъ бороздитъ возвышеннѣйшіе скаты хребта и Кубань отражаетъ его обросшіе лѣсомъ горбы въ своихъ широкихъ водахъ, тяжело движущихся въ низменныхъ илистыхъ берегахъ.

Все прижимаясь къ горамъ и все отбѣгая отъ праваго своего берега, который почти неуклонно тянется прямой грядою, она вьется, какъ поспѣшно ползущая къ своей норѣ змѣя, и крутыми изгибами, нерѣдко простирающимися на нѣсколько верстъ въ радіусѣ, образуетъ множество закрытыхъ займищъ. Сопредѣльное населеніе горъ, тѣснимое съ другой стороны хребта Чернымъ моремъ, придвигается все ближе и ближе къ пограничной чертѣ. Хищническія шайки находятъ себѣ скрытные притоны въ виду самыхъ кордонныхъ вышекъ, а островки и промели, разсѣкающія рѣку многими точками, значительно облегчаютъ переправу наѣздникамъ, — при обычныхъ имъ, вспомогательныхъ средствахъ: тулукахъ (кожаныхъ мѣхахъ, наполненныхъ воздухомъ), фашинахъ, карчахъ, долбленыхъ челнахъ, а часто и безъ этихъ пособій — на однихъ добрыхъ коняхъ.

Между тѣмъ изломанное теченіе Кубани лишаетъ кордонную линію важнѣйшаго удобства — равненія фронта. Осѣдлые посты держатся, по большей части, возвышеннаго гребня берега, этой хорды дуговидныхъ теченій рѣки; а батареи и пикеты, — эти легкія укрѣпленія, способныя держаться на какой-нибудь кочкѣ, выдавшейся изъ топи порѣчья, смѣло и неотступно преслѣдуютъ береговой урѣзъ, по самымъ прихотливымъ его изворотамъ и уклонамъ. Такъ смѣлыя гончія преслѣдуютъ быстро несущагося по плавнѣ вепря. Острымъ клыкомъ подкашиваетъ онъ старый камышъ, и по широкому своему слѣду мечетъ горячую пѣну.... Могучая растительность господствуетъ вокругъ передовыхъ этихъ укрѣпленьицевъ, самыхъ уединенныхъ и пустынныхъ. Хмѣль, ежевичникъ и другія ползучія широколиственныя растенія заволакиваютъ ихъ снизу до верху. Природа какъ-бы приголубливаетъ и укрываетъ отъ хищника ихъ печальное сиротство и одиночество.

Въ послѣднемъ низовомъ участкѣ необозримыя плавни, покрытыя озерами и длинными лентами водъ, остающихся послѣ разливовъ Кубани, широко раздвигаютъ звѣнья кордонной цѣпи и пролегаютъ мертвыми между ними пространствами. Прямыя сообщенія между пикетами, батареями и постами загромождены безчисленными препятствіями и возможны иногда на однихъ только легкихъ долбленыхъ челнахъ, «каюкахъ», перетаскиваемыхъ на рукахъ отъ одного озера къ другому. Подобная мѣстность не много представляетъ непріятелю удобствъ для открытыхъ наѣз-

довъ; зато покровительствуетъ она прорывамъ мелкихъ хищническихъ шаекъ «псиxадзе», которыя не безъ основанія слывутъ у козаковъ болѣе опасными, чѣмъ сильныя полчища «хеджретовъ».

Псиxадзе тихо просачиваются сквозь кордонную плотину, въ незамѣтныя скважины, которыя, при всемъ стараніи, при всѣхъ хлопотахъ, не могутъ быть прочно забиты; а хеджреты переливаются черезъ верхъ, волнами внезапныхъ и шумныхъ приливовъ, для отвращенія которыхъ недостаточно одного возвышенія, или упроченія плотины. Псиxадзе, — по-русски «стая водяныхъ псовъ», — такъ называются у самихъ горцевъ пѣшіе, неотвязные и надоѣдливые хищники, достигающіе добычи украдкой, ползкомъ, рядомъ мученическихъ засадъ, — больше шакалы, чѣмъ львы набѣговъ. [Хеджретъ — это открытый, доброконный, иногда закованный въ кольчугу наѣздникъ, — это левъ набѣга.] Первый образъ хищничества свойственъ простымъ, по происхожденію, и бѣднымъ, по состоянію, людямъ; а послѣдній — дворянамъ и людямъ достаточнымъ. Когда горецъ выѣхалъ изъ своего аула на такое разстояніе, далѣе котораго не отходятъ отъ жилья куры, — выѣхалъ, разумѣется, не съ одними голыми руками, а съ зарядомъ въ ружьѣ и съ десятью другими въ газыряхъ, съ кускомъ сухаго сыра въ сумкѣ и съ арканомъ въ торокѣ, онъ — хеджретъ. Преимущественно же и существенно [принадлежитъ это названіе буйнымъ бездомовникамъ, которые выросли въ кругломъ сиротствѣ и неимуществѣ, — или которые, накликавъ на себя гоненіе въ своихъ общест-

вахъ, бѣжали съ родины на чужбину и тамъ, по неимѣнію недвижимой собственности и собственнаго тягла, промышляютъ себѣ хлѣбъ насущный кинжаломъ и винтовкой. Эти люди, по выраженію одного высокостепеннаго бжедугскаго эффендія, свинцомъ засѣваютъ, подковой косятъ, шашкой жнутъ. Долговременная кавказская война, осиротивъ тысячи семействъ и истребивъ тысячи частныхъ имуществъ въ горахъ, произвела множество хеджретовъ, въ первомъ смыслѣ,—въ смыслѣ сиротства и неимущества. Нынѣшній посланецъ Шамиля Магометъ-Аминъ, подобно двумъ своимъ предшественникамъ, Хаджи-Магомету и Сулейману-Эффенди, находитъ въ хеджретахъ ревностныхъ поборниковъ своимъ возмутительнымъ и фанатическимъ проискамъ между закубанскими горцами, — не потому, чтобы хеджреты сочувствовали его лжеученію, а потому, что находятъ они возможность составить около него свой кругъ, свою шайку и получать отъ него дѣятельность, которая наполняла бы пустоту существованій, не принадлежащихъ ни обществу, ни семейству. Такъ оторванныя отъ берега песчинки долго крутятся въ гибкихъ волнахъ Кубани, пока не нападутъ на точку опоры, пока не остановятся и не установятся около вѣтки, сломленной вѣтромъ съ нагорнаго дуба и увязшей на днѣ рѣки. Тогда, сцѣпляясь одна съ другой, онѣ образуютъ изъ себя наносъ, — наносъ разрастается въ огромную промель, по которой падкій на добычу горецъ пробирается въ безпечную козацкую станицу....

Хеджреты принадлежатъ къ разряду людей, для ко-

торыхъ жизнь копѣйка, а голова наживное дѣло. Они во всякое время готовы на предпріятія самыя дерзкія, на похожденія самыя отважныя. По одеждѣ, они послѣдніе бѣдняки, по оружію первые богачи. Дорогой оправой винтовки и лохмотьями черкески одинаково тщеславятся; молодаго человѣка, надѣвшаго бешметъ съ галуномъ, язвятъ насмѣшкой. Въ этомъ отношеніи, но ужь, конечно, ни въ какомъ другомъ, они сродни тѣмъ циникамъ, у которыхъ сквозь дыры старыхъ плащей проглядывала гордость. Кожа съ убитаго хеджрета, говорятъ горцы, ни на что не годится, но когти этого звѣря дорого стóятъ. Про удалыхъ хеджретовъ поютъ пѣсни; прекрасный полъ честитъ ихъ предпочтеніемъ на празднествахъ, — а это самая вожделѣнная награда для Черкеса, — награда, для которой сердце молодаго наѣздника бьется ровно и спокойно подъ свистомъ русской картечи, предъ сверканьемъ русскаго штыка. По свободному ли сочувствію къ храбрости, или по наущенію стариковъ, царица шапсугскаго пира проходитъ, не поведя глазомъ, мимо блистающихъ красотой и галунами юношей и подаетъ руку оборванному, затертому въ толпѣ, хеджрету, чтобъ съ нимъ составить звѣно въ цѣпи ушюкурая. (Господствующая въ горахъ пляска, въ которой дѣвушки и молодые мущины, сцѣпившись плотно рука съ рукою, локоть съ локтемъ, дѣлаютъ изъ себя живую, движущуюся гирлянду).

За Кубанью хеджреты тоже, что за Терекомъ абреки. Хеджретъ (отъ арабскаго хеджра, бѣгство) значитъ: бѣглецъ, переселенецъ. Это чужое названіе гор-

цы благогосклонно приняли и водворили въ свой языкъ въ честь хеджры, или бѣгства, основателя ислама изъ Мекки въ Медину.

Но докончимъ обзоръ линіи.

Естественныя преграды, противопоставляемыя открытымъ нашествіямъ непріятеля мѣстностью низоваго протяженія линіи, исчезаютъ въ зимнюю пору, когда воды и болота Кубани замерзаютъ. Тогда, напротивъ, препятствія обращаются въ выгоды для горцевъ. Какъ при наступленіи, такъ и при отступленіи, они съ рѣшительнымъ успѣхомъ прикрываютъ свои летучія толпища дремучими камышами, которыми задвинутъ этотъ порогъ.

Такіе рѣзкіе оттѣнки пограничной мѣстности, очевидно, должны были внести нѣкоторыя особенности въ образованіе военныхъ силъ и въ самый характеръ службы Черноморскихъ козаковъ. Первая и существенная особенность является уже въ томъ, что Черноморское войско имѣетъ пѣхоту, — летучую штыковую пѣхоту, дѣлающую по двѣнадцати верстъ въ часъ; тогда-какъ мы привыкли представлять себѣ козака лишь на хребтѣ степнаго коня, или на кормѣ вооруженной ладьи. Потомъ, какъ въ пѣхотѣ, тякъ и въ конницѣ изстари ведется особенный, единственный въ своемъ родѣ разрядъ стрѣлковъ-развѣдчиковъ (éclaireurs), предпріимчивыхъ, мужественныхъ, неусыпныхъ, которыхъ могли вызвать и воспитать только извѣстная мѣстность и извѣстныя военныя обстоятельства. Это пластуны ([1]).

([1]) Пластунъ значитъ собственно — охотникъ, егерь. Слово малороссійское, котораго корень польское plazy, т. е. ползающія.

Печ. въ Лит. Р. Берендгофа
Литогр. Д. Осетровъ

Пластуны

РАЗСКАЗЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

Пластуны.

Они стоятъ на первомъ планѣ нижне-кубанской линіи и служатъ ей вѣрнѣйшею опорою. Ихъ положеніе въ отношеніи къ кордонной линіи почти тоже, что положеніе застрѣльщиковъ въ отношеніи къ первой боевой линіи. Въ наблюденіи за непріятелемъ они зорче и дальновиднѣе сторожевыхъ вышекъ, хоть и не такъ высоко, какъ эти послѣднія, поднимаютъ голову. На нихъ падаетъ первое взысканіе за неподмѣченный издали, невозвѣщенный въ пору налетъ хеджрета и прорывъ психадзе. Они разсѣяны по всѣмъ постамъ особыми товариществами, и преимущественно любятъ держаться въ самыхъ передовыхъ, оторванныхъ отъ главной черты широкими излучинами Кубани, притонахъ, «батареяхъ». Каждая батарея имѣетъ трехъ-фунтовую сигнальную пушку (чрезъ что и называется она батареей), изъ которой пластуны палятъ «на гасло», на тревогу, когда непріятель наступаетъ слишкомъ быстро и въ большихъ, открытыхъ силахъ.

Узнавъ мѣсто, занимаемое пластуномъ на линіи,

слѣдуетъ познакомиться съ его наружностью и нравственными свойствами.

Это, обыкновенно, дюжій, валкій на ходу козакъ, первообразнаго малороссійскаго складу и закалу: тяжелый на подъемъ и неутомимый, не знающій удержу послѣ подъема; при хотѣньи — бѣгущій на гору, при нехотѣньи — еле плетущійся подъ гору; ничего не обѣщающій внѣ дѣла, и удивляющій неистощимымъ запасомъ и разнообразіемъ, безконечной тягучестью способностей въ дѣлѣ.... ([1]) Это тяжеловатый и угловатый камень, которымъ неопытный и нетерпѣливый зодчій можетъ пренебречь, но который, если его поворочать на всѣ стороны, можетъ угодить въ главу угла. Изъ служивыхъ людей различныхъ народностей, входящихъ въ могучій составъ русскаго воинства, быть можетъ, Черноморецъ наиболѣе имѣетъ нужды въ ука-

---

([1]) Мы позволимъ себѣ повторить здѣсь фактъ, разсказанный однимъ старымъ кавказскимъ офицеромъ, въ слѣдующихъ словахъ. При мнѣ служилъ козакъ Олекса Цапъ, примѣрно честный и разсудительный человѣкъ. Въ одномъ мѣстѣ пришлось ему порядкомъ побѣгать по сѣдельникамъ и быть свидѣтелемъ досады, которую причиняла мнѣ неудовлетворительная работа плохихъ мастеровъ; причемъ онъ обыкновенно молчалъ. Наконецъ я замѣтилъ ему съ сердцемъ: «Ты виноватъ, что все плохихъ мастеровъ мнѣ находишь.» — «Я невиноватъ», отвѣчалъ Черноморецъ, «что въ этомъ мѣстѣ нѣтъ дѣльныхъ мастеровъ. А если вы меня *виноватите*, такъ я все поправлю и заново сдѣлаю не въ примѣръ лучше...» — «Развѣ ты знаешъ сѣдельное мастерство?» — «Трохи тямлю (немного смыслю)» Оказалось, что Олекса Цапъ превосходный сѣдельникъ и шорникъ. Расхваливая его издѣлье, я не могъ не спросить: «Отъчего же ты мнѣ прежде не сказалъ о своемъ умѣньи?» — «Але жъ вы мене не пытали» (но вѣдь вы меня не спрашивали).

заніи, ободреніи и добромъ примѣрѣ, и потомъ этотъ же Черноморецъ наиболѣе бываетъ благодаренъ и отдатливъ за всякую заботу о немъ, за всякую оказанную ему справедливость и за всякое теплое къ нему чувство. Въ старыхъ пѣсняхъ о добрыхъ вождяхъ козачества слышенъ просто плачъ.... Сквозь сильный загаръ описываемой личности пробиваются добродушіе, которое легко провести, и, вмѣстѣ, суровая сила воли и убѣжденія, которую трудно погнуть или сломить. Угрюмый взглядъ и навощенный, кверху вздернутый усъ придаютъ лицу пластуна выраженіе стойкости и неустрашимости. Въ самомъ дѣлѣ, это лицо окуренное порохомъ, превращенное въ бронзу непогодами, какъ бы говоритъ вамъ: не бойсь, передъ опасностью, ни назадъ, ни въ сторону! Когда вы съ нимъ идете въ опасномъ мѣстѣ или въ опасное дѣло, — отъ его шагу, отъ его взгляда и простаго слова вѣетъ на васъ какимъ-то спокойствіемъ, какимъ-то забвеніемъ опасности. И, можетъ быть, отсюда родилось это повѣрье, что одинъ человѣкъ можетъ заговорить сто другихъ противъ непріятельскаго оружія... Пластуны одѣваются, какъ Черкесы, и притомъ, какъ самые бѣдные Черкесы. Это оттого, что каждый поискъ по тѣснинамъ и трущобамъ причиняетъ сильную аварію ихъ наряду. Черкеска, отрепанная, покрытая разноцвѣтными, нерѣдко даже, — въ слѣдствіе потеряннаго терпѣнія, во время починки, — кожаными заплатами; папаха вытертая, порыжѣлая, но, въ удостовѣреніе беззаботной отваги, заломленная на затылокъ; чевяки изъ кожи дикаго кабана, щетиною наружу.

вотъ будничное убранство пластуна. Прибавьте къ этому: сухарную сумку за плечами, добрый штуцеръ въ рукахъ, привинтной штуцерный тесакъ, съ деревяннымъ набойникомъ, спереди, около пояса, и висящія съ боковъ пояса, такъ называемыя, причандалья: пороховницу, кулечницу, отвертку, жирникъ, шило изъ рога дикаго козла, иногда котелокъ, иногда балалайку, или даже скрыпку, — и вы составите себѣ полное понятіе о походной наружности пластуна, какъ она есть...

Довольно занимательно это сосѣдство балалайки и скрыпки съ бранными доспѣхами героя плавней. То ли еще можно видѣть на козацкомъ бивакѣ, въ закубанскихъ походахъ! Не все же метать громы герою плавней, — и ему есть время и охота побренчать на мусикійскомъ орудіи. «Не всегда натягиваетъ лукъ Аполлонъ, и онъ заставляетъ поразговориться молчаливую музу (¹)». Не такъ давно былъ вотъ какой случай: Пограничнаго Корсунскаго куреня пластунъ Омелько Вернигора, во время домовой льготы, возьметъ, бывало, ружье и скрыпку и отравится на лѣвую сторону Кубани охотиться за кабаномъ и оленемъ. Покончивъ съ охотой, зайдетъ онъ по дорогѣ въ мирной аулъ (онъ же зналъ шалтай-болтай по-черкесски), и давай потѣшать молодежъ бойкою игрою на скрыпкѣ. За то его угощали «четлипшемъ» и, подъ часъ, ссужали арбой для перевозки къ Кубани убитаго кабана.

(¹) Non semper arcum tendit Apollo,
Tacentem et ille suscitat musam.

Дѣвушки и «баранчуки» особенно его жаловали, и если случалось, что онъ долго не навертывался въ аулъ, скучали за нимъ. Охота за Кубанью требуетъ большой оглядки; это одно изъ тѣхъ дѣлъ, которыхъ даже мастеръ боится. Доводилось Омельку разъ-другой накинуть глазомъ *немирныхъ;* но это были одиночки, и онъ зналъ, что́ ему дѣлать. Вмѣсто того, чтобъ перемѣнять направленіе, или спѣшить укрыться, онъ держался своей тропинки и еще болѣе выставлялся на видъ. Горцы не видѣли пользы тратить съ нимъ время и уходили себѣ, куда шли. Они подозрѣвали засаду. Да притомъ храбрѣйшій изъ горцевъ не откажется немножко струсить, если на него никто со стороны не будетъ смотрѣть, если не случится свидѣтелей съ длинными языками. Когда нѣтъ въ виду добычи, Черкесъ любитъ, чтобы яркое солнце свѣтило на его подвигъ, чтобъ на него смотрѣли, если не сорокъ вѣковъ, такъ сорокъ земляковъ, у которыхъ, вѣдь, сорокъ языковъ. Наконецъ выпала Омельку Вернигорѣ недобрая встрѣча: Шапсуги подстрѣлили его въ ногу и накрыли лежачаго. Сидитъ подстрѣленый пластунъ въ глубокой ямѣ, въ немирномъ аулѣ, и думаетъ думу, какую? — онъ про то знаетъ. Ночи длинны; попытаться бы выкарабкаться изъ западни, такъ нога совсѣмъ не служитъ. Стало быть надобно потерпѣть и выждать: Богъ же не безъ милости, а козакъ не безъ доли. Дѣйствительно, отважному Омельку не долго пришлось горевать въ неволѣ. Его вызволила скрыпка. Когда въ мирныхъ аулахъ узнали о плѣнѣ пластуна-Орфея, тотчасъ молодые хубхаделы, по

просьбѣ своихъ «дяхедедъ-псассе», (пожалуй dames de leurs pensées) взялись пособить бѣдѣ и благополучно выкрали плѣнника.

Разсказанный случай принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ похожденіямъ пластуновъ, которыхъ дѣло — кочевать непрерывно по обоимъ берегамъ Кубани, въ лабиринтѣ плавней, которымъ заданъ нескончаемый урокъ — открывать неизвѣстныя, или вновь являющіяся тропинки въ болотахъ и броды въ пограничной рѣкѣ, класть и повѣрять примѣты на всѣхъ проходахъ, схватывать слѣды, [залегать живымъ капканомъ.]

Они пускаются въ свои трудные поиски мелкими партіями, отъ трехъ до десяти человѣкъ. [Искусство пользоваться мѣстностью, по-своему, — чуткость, зоркій глазъ, выстрѣлъ безъ промаху замѣняютъ имъ численную силу.] [Пластунъ скорѣе теряетъ жизнь, чѣмъ свободу;] а если, въ недобрую минуту, и попадется онъ въ желѣзный ошейникъ хеджрета, то скоро изъ него вырвется — «выкрутится». Купить въ горахъ порядочному хозяину пластуна — одинъ разоръ. Чтобъ ни предложено было ему работать, у него одинъ отзывъ: не умѣю, а на умѣ одна мысль: уйти! Скоро, или не скоро приберетъ онъ самый неупотребительный способъ выпутаться изъ цѣпи, или изъ колоды, [выкарабкается въ трубу очага и все-таки убѣжитъ въ свою кубанскую плавню.]

А какое добро [въ плавнѣ? Въ весеннюю и лѣтнюю пору, тамъ полно комара и мошки.] Надъ проходящимъ или сидящимъ человѣкомъ эти кровожадныя насѣкомыя, жалящія какъ крапива, сгущаются въ об-

лако пыли, крутимой вихремъ, — и ихъ усиленное гудѣнье даетъ замѣтить сторожкому психадзе, гдѣ приготовлена ему засада. Зима приноситъ пластунамъ неодолимыя трудности. Тогда ихъ скрытные пути погребены подъ сугробами снѣгу, сметаемаго въ болота съ возвышеній, тогда ихъ походы оставляютъ по слѣду глубокіе отпечатки, которыхъ ничѣмъ не заметешь; тогда обнаженные камышъ и кустарникъ ихъ не укрываютъ и конный хеджретъ набѣгаетъ на нихъ, ни оттуда, ни отсюда. Турецкая армія, какъ извѣстно, бываетъ плоше зимою, чѣмъ лѣтомъ. Тоже затѣтно отчасти и въ пластунахъ. Однако, суровые питомцы боевыхъ невзгодъ, и въ зимнюю вьюгу, такъ въ лѣтній туманъ, идутъ бодро и терпѣливо на встрѣчу опасности; проводятъ въ своихъ отважныхъ похожденіяхъ цѣлыя сутки сряду, чутко стерегутъ приближеніе врага, и первые встрѣчаютъ его своими мѣткими выстрѣлами, и первые приносятъ на посты вѣсти о «неблагополучіи». Замѣченные, въ свою очередь, вдали отъ опорныхъ пунктовъ, и настигнутые превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ, они умѣютъ такъ разсчитать свой огонь, что не скоро дадутъ подавить себя многолюдствомъ. Были примѣры, что пять-шесть дружныхъ односумовъ, неся на своихъ плечахъ многолюдную погоню, въ первой, попавшейся имъ на встрѣчу, чащѣ камышу, осоки, можжевельнику, оборачивались, разомъ прикладывались въ противниковъ и, не открывая огня, присѣдали, кому за что пришлось. Этотъ смѣлый и рѣшительный оборотъ останавливалъ преслѣдующихъ. Они вдавались въ опасеніе засады,

начинали осматриваться на всѣ стороны и открывать медленный, разсчитанный, огонь, на который однако жъ козаки не посылали отвѣта. Ободренные этимъ молчаніемъ, горцы принимали движеніе въ обходъ, или бросались на-прямикъ въ шашки съ обычнымъ крикомъ, который не всегда выражаетъ у нихъ увлеченіе на рѣшительный ударъ. Но отъ страшнаго, какъ и отъ высокаго, одинъ шагъ до смѣшнаго. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ козаки присѣли, горцы находили только шапки и башлыки, надѣтые на сломленный камышъ. Пластуны уже изчезли, какъ привидѣніе, и горцамъ осталось только повторить часто употребляемое восклицаніе: «шайтанъ гяуръ!»

Ясно, что отправленіе подобной службы, во всемъ ея пространствѣ и во всѣхъ ея случайностяхъ, не можетъ быть подчинено опредѣленному наблюденію, уставу и контролю. А потому пластуны предоставлены въ своихъ поискахъ, засадахъ и встрѣчахъ собственной предпріимчивости и изобрѣтательности. Они отдаютъ отчетъ только въ упущеніяхъ. Можетъ быть, изъ этой отрѣшенности въ трудномъ подвижничествѣ пластуны черпаютъ свои военныя добродѣтели: терпѣніе, отвагу, сноровку, устойчивость и, на придачу, несокрушимое здоровье. Когда по линіи смирно (это бываетъ обыкновенно во время полевыхъ работъ), они обращаютъ свои поиски въ охоту за дикимъ кабаномъ, козою, оленемъ, и такимъ образомъ непрерывно держатъ себя въ опытахъ своего труднаго назначенія.

Охота за кабаномъ требуетъ не меньше осмотри-

тельности, какъ поискъ за непріятелемъ, и учитъ правилу:

Хочъ утека, не все женися.

Два пластуна, отецъ и сынъ, залегли ночью на кабаньемъ слѣду, въ плавнѣ. Только разсвѣло, послышались имъ пыхтѣнье и хрускъ: огромный черный кабанъ ведетъ свою семью къ водопою (1). Пластуны произвели легкій шорохъ, кабанъ насторожилъ уши и сталъ какъ вкопанный. Отецъ предоставилъ себѣ честь перваго выстрѣла, — выстрѣлилъ и поранилъ, но не повалилъ кабана — не угодилъ старина, ни въ лобъ, ни подъ лопатку. Свинья съ поросятами шарахнулась назадъ, а кабанъ сдѣлалъ было яростный прыжокъ впередъ, на первый запахъ пороховаго дыма, но, ощутивъ рану, тоже повернулъ назадъ и покатилъ вслѣдъ за своимъ стадомъ. Отецъ продулъ ружье и сталъ заряжать, ворча, — успѣлъ-де понавѣдаться дурной глазъ, начинаетъ моя литовка легчить.... А сынъ

---

(1) Дикій кабанъ кубанскихъ плавней, до четырехъ лѣтъ своего возраста, носитъ рубашку пеструю — желтыя полосы съ темными, а въ четыре года (это его совершеннолѣтіе) получаетъ онъ сплошную чорную и лоснящуюся шерсть. Это животное моногамное. Самецъ, какъ Сатурнъ, пожираетъ своихъ нововыметанныхъ дѣтенышей, если самка, какъ Рея, ихъ не спрячетъ. Выводы (отъ осьми до двѣнадцати рылъ) отдѣляются отъ самца и самки не прежде, какъ по достиженіи четырехъ-лѣтняго возраста. Поэтому кабаны живутъ большими семьями и, при нападеніи волковъ, умѣютъ строить неодолимое каре: сильные впереди, слабые въ срединѣ. При нападеніи охотника, глаза кабана, маленькіе и выразительные, горятъ гнѣвомъ, уши ходятъ ходенемъ, углы рта пѣнятся, длинная щетина на хребтѣ встаетъ дыбомъ, и весь видъ животнаго, по истинѣ, бываетъ страшенъ.

со всѣхъ ногъ махнулъ за раненымъ звѣремъ, по горячему слѣду. Видитъ онъ кровавую струйку и слышитъ звучный трескъ очерета впереди себя, да никакъ не уловитъ глазомъ утекающаго звѣря, — слишкомъ густъ былъ очередъ. Пробѣжалъ онъ этакъ шаговъ сотню; кровавый слѣдъ и торопливый трескъ все впереди его.... Вдругъ что-то сзади толкнуло его въ ноги и больно, будто косой, хватило по обѣимъ икрамъ. Повалился пластунъ навзничъ и очутился на спинѣ кабана. Тряхнулъ кабанъ спиной, махнулъ клыкомъ и располосовалъ пластуну черкеску съ полушубкомъ отъ пояса до затылка. Еще одно мгновеніе, одинъ взмахъ клыка — и свирѣпое животное выпустило бы своей жертвѣ всѣ внутренности; но въ это бѣдовое мгновеніе раздался выстрѣлъ, пуля угодила въ кабанье рыло, пониже лѣваго глаза, и кабанъ, съ разинутой пастью, растянулся на мѣстѣ, во всю свою трех-аршинную длину. То былъ выстрѣлъ отца молодаго пластуна, такъ удивительно попавшаго на кабаній клыкъ, лезвее котораго чуть ли не острѣе черкесской шашки. А удивительнаго, впрочемъ, тутъ ничего нѣтъ. Раненый кабанъ, чуя за собою близкую погоню и прикрывая бѣгство своей самки съ дѣтенышами, бѣжалъ-бѣжалъ, да вдругъ вернулся назадъ, по своему слѣду, прыгнулъ въ сторону и сдѣлалъ засаду на своего преслѣдователя, котораго и подкузьмилъ сзади, какъ скоро тотъ миновалъ его. Обѣ икры бѣдняка были прохвачены до кости. «А що, хлопче, будешъ теперь знати, якъ гнатись, да не оглядатись», проговорилъ

старый пластунъ, перевязывая сыну раны и журя его за неосмотрительность.

Природа мой букварь, а сердце мой учитель — говоритъ мудрецъ; пластунъ скажетъ, что плавня съ дикими ея жильцами — его военная школа, а охота — учитель. И дѣйствительно, въ этой школѣ пріобрѣтаетъ онъ первый и твердый навыкъ къ трудамъ, опасностямъ и самоотверженію, и изъ этой выучки выходитъ онъ такимъ совершеннымъ стрѣлкомъ, что бьетъ безъ промаху въ потьмахъ, не на глазъ, — на слухъ. Примѣры подобнаго стрѣлецкаго совершенства между пластунами многочислены, иногда даже печальны. Приходитъ иногда въ курень съ кордоновъ плачевная вѣсть, что въ темную ночь пластунъ Левко застрѣлилъ пластуна Илька на засадѣ, въ глухой плавнѣ, пустивъ пулю на хрускъ камыша.

Пластуны принимаютъ къ себѣ новыхъ товарищей, большею частію, по собственному выбору. Прежде всего требуютъ они, чтобы новичокъ былъ стрѣлокъ, затѣмъ что на засадѣ, въ глуши, безъ надежды на помощь, одинъ потерянный выстрѣлъ можетъ повести дѣло на проигрышъ; потомъ требуютъ, чтобъ онъ былъ неутомимый ходокъ — качество, необходимое для продолжительныхъ поисковъ, которымъ сопутствуютъ холодъ и голодъ — и наконецъ, имѣлъ бы онъ довольно хладнокровія и терпѣнія про тѣ случаи, когда надобность укажетъ, подъ носомъ превосходнаго непріятеля, пролежать въ камышѣ, кустарникѣ, травѣ нѣсколько часовъ, не изобличивъ своего присутствія ни однимъ неосторожнымъ движеніемъ.

затаивъ дыханіе. Иногда — странное наведеніе! — эти разборчивые и взыскательные подвижники принимаютъ, не говоря ни слова, и даже сами зазываютъ въ свое товарищество какого-нибудь необстрѣляннаго «молодика», который еще не пересталъ вздыхать по «вечерницамъ» своего куреня, и еще не успѣлъ представить ни одного опыта личныхъ своихъ служебныхъ достоинствъ, но котораго отецъ былъ славный пластунъ, сложившій свои кости въ плавнѣ. Вообще, пластуны имѣютъ свои, никѣмъ не спрашиваемыя, правила, свои преданія, свои повѣрья и, такъ называемыя, характерства, заговоръ отъ пули, отъ обпоя горячаго коня, отъ укушенія змѣи; наговоръ на ружье и капканъ; «замовленье» крови, текущей изъ раны, и проч.; но ихъ суевѣрья не въ ущербъ вѣрѣ и не мѣшаютъ имъ ставить свѣчку святому Евстафію, который, въ земной своей жизни, былъ искусный воинъ и стрѣлецъ, сподобившійся видѣть на рогахъ гонимаго имъ, пустыннаго оленя крестъ, съ распятымъ на немъ Господомъ (1).

---

(1) «Я стану шептати, ты жъ, Боже, ратовати....» т. е. избавлять, выручать.... Вотъ, сколько извѣстно, начальная формула заговоровъ и наговоровъ.

Нельзя не обратить вниманія на самое слово *характерство*, которымъ опредѣляется всякое волхвованіе на случайности войны, а особенно заклинаніе или знаменіе, ограждающее воина отъ раны въ бою. Извѣстно, что подобное суевѣріе и у Французовъ выражается словомъ caractère. Напримѣръ: Il ne fut pas tué, parcequ'il portait un caractère. Какой вѣтеръ занесъ названіе повѣрья и, можетъ быть, самое повѣрье съ береговъ Сены на берега Днѣпра, а оттуда и на берега Кубани?...

Что касается тактики пластуна —она немногосложна. Волчій ротъ и лисій хвостъ: вотъ ея основныя правила. Въ ней вседневную роль играютъ: слѣдъ, «сакма», и засада, «залога». Тотъ не годится «пластуновать», кто не умѣетъ убрать за собою собственный слѣдъ, задушить шумъ своихъ шаговъ въ трескучемъ тростникѣ; кто не умѣетъ поймать слѣды противника и въ слѣдахъ его прочитать направленный на линію ударъ. Гдѣ спорятъ обоюдная хитрость и отвага, гдѣ, ни съ той, ни съ другой стороны, не говорятъ: иду на васъ! — тамъ нерѣдко одинъ, раньше или позже схваченный слѣдъ рѣшаетъ успѣхъ и неудачу. Перебравшись чрезъ Кубань, пластунъ исчезаетъ. А когда, по росистой травѣ или свѣжему снѣгу, слѣдъ неотвязно тянется за нимъ, онъ заплутываетъ его: прыгаетъ на одной ногѣ и, повернувшись спиной къ цѣли своего поиска, идетъ пятами напередъ, «задкуетъ», — хитритъ, какъ старый заяцъ, и множествомъ извѣстныхъ ему способовъ отводитъ улику отъ своихъ переходовъ и притоновъ. Какъ оборотни сказокъ — что́ чудно-дивно мѣняютъ свой ростъ, въ лѣсу вровень съ лѣсомъ, въ травѣ вровень съ травой, — пластуны, своими мелкими партіями, пробираются съ линіи, между жилищами непріязненныхъ горцевъ, къ нашимъ полевымъ закубанскимъ укрѣпленіямъ и оттуда на линію. Истина общеизвѣстная, что шагъ за низовую Кубань — шагъ въ непріятельскій лагерь, потому что поселенія горцевъ, на самомъ дѣлѣ, составляютъ обширный военный станъ, въ которомъ шатры замѣнены хижинами,

не много, впрочемъ, отличными отъ бивачныхъ шалашей. И какая бдительность, какая удивительная готовность въ этомъ осѣдломъ лагерѣ! По первому дыму сигнальнаго костра — днемъ, по первому выстрѣлу и гику — ночью, все при ружьѣ, все на конѣ и въ сборѣ. И между тѣмъ, — истина не менѣе извѣстная, — въ прежніе годы, когда еще въ горахъ не было русскихъ укрѣпленій, а въ обществахъ горцевъ не было, такъ называемыхъ, «приверженныхъ» къ намъ людей, пластуны проникали въ самую сердцевину горъ, осматривали мѣстоположенія ауловъ, сторожили за непріятельскими сборищами и ихъ движеніями, — и своимъ безкорыстнымъ самоотверженіемъ замѣняли продажныя, такъ часто лживыя, услуги нынѣшнихъ лазутчиковъ.

Во всѣхъ обстоятельствахъ боевой службы пластунъ вѣренъ своему назначенію. На походѣ, онъ освѣщаетъ путь авангарду; или, въ цѣпи застрѣльщиковъ, изловчается и примащивается, какъ бы вѣрнѣе «присвѣтить» въ хвастливо-гарцующаго наѣздника; или, наконецъ, бодрствуетъ въ отводномъ секретномъ караулѣ за сонъ ротнаго ночлега. Въ закубанскомъ полевомъ укрѣпленіи, онъ вѣчно на поискахъ по окрестнымъ лѣсамъ и ущельямъ. Его услужливая бдительность предохраняетъ пастбища, рубки дровъ, сѣнокосы и огородныя работы при укрѣпленіяхъ, а тѣмъ болѣе и самыя укрѣпленія отъ нечаянныхъ нападеній.

Наши закубанскія укрѣпленія снабжены, сверхъ другихъ средствъ обороны, ручными гранатами, про случай штурма. Пластуны придумали этимъ празднымъ

снарядамъ свое особенное употребленіе. Пускаясь, иной разъ, въ слишкомъ отважный поискъ, они берутъ въ свои сумки нѣсколько ручныхъ гранатъ; когда дойдетъ до тѣсныхъ обстоятельствъ, они зажгутъ и бросятъ гранату въ носъ Шапсугамъ, а сами — давай Богъ ноги. «Нуте жъ, ноги, да не лускайте».

По нынѣ-дѣйствующему войсковому положенію (1842 года), пластуны, такъ-сказать, получили право гражданства въ рядахъ военныхъ силъ Черноморскаго войска. Они признаны отдѣльнымъ родомъ, и число ихъ опредѣлено штатомъ: въ конныхъ полкахъ по 60, въ пѣшихъ баталіонахъ по 96 человѣкъ, въ каждомъ. (Но ихъ много сверхъ этихъ штатныхъ чиселъ). Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ справедливомъ уваженіи къ ихъ болѣе трудной и полезной службѣ, назначено имъ преимущественное, предъ прочими товарищами ихъ, жалованье. Жалованье—жалованьемъ, а какъ, по козацкой пословицѣ, «вовка ноги годуютъ» (кормятъ), то и съ вертела пластуна, во весь мясоѣдъ, не сходитъ лакомая дичь....

РАЗСКАЗЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

Плавни.

Куличе, куличе! якъ ти у болоті живешъ?
— «А я привыкъ». —

Свѣтъ, говорятъ восточные мудрецы, ничто иное, какъ каравансарай. Можно прибавить, что этотъ обширный каравансарай очень давней постройки и требуетъ непрерывныхъ поправокъ. Особенно плохи въ немъ стали водопроводы и фонтаны. Постояльцы озабочены своими дѣлами; были, да уѣхали, — а неисправности стараго зданія становятся замѣтнѣе и замѣтнѣе. Уголокъ, въ которомъ остановились Черноморцы, даетъ слишкомъ невыгодное понятіе о съѣхавшихъ передъ ними постояльцахъ. Чтó это за неряхи были такіе, чтó за беззаботныя и буйныя головы! Все переломали и опустошили. Отъ дивановъ остались однѣ щепки, отъ цвѣточныхъ горшковъ одни черепки. Но что особенно они понадѣлали съ водотоками и водоемами, до чего ихъ довели! Трудно пересказать: вездѣ только лужи да плавни.

Въ природѣ, на каждомъ шагу — противоположности. Чѣмъ ярче краска, тѣмъ скорѣе замѣтна полиня-

лость. Чѣмъ блистательнѣе свѣтъ, тѣмъ мрачнѣе тѣнь отъ него. Отъ горъ, которыми всѣ восхищаются, падаетъ своя тѣнь, которою никто не захочетъ восхищаться. Это плавни.

Въ верховыхъ, болѣе открытыхъ, участкахъ линіи, онѣ залегаютъ перемежающимися займищами, «кутами». Таково господствующее свойство прибрежной мѣстности на протяженіи первыхъ трехъ участковъ, отъ Редутскаго до Славянскаго поста, который находится на половинѣ кордонной линіи. Отсюда до самаго взморья плавни тянутся широкою полосою, съ частыми «грядами», то есть незамѣтными для глаза, межь камышей, прогалинами открытой и сухой земли. Эти-то естественныя плотины и служатъ воровскими путями предпріимчивымъ психадзе. Мрачна эта дымящаяся туманомъ закраина зеленыхъ степей и синихъ горъ, — гдѣ гражданственность и дикость столкнулись на долгую борьбу. Какъ опустѣлое поле совершившейся битвы, уныло это широкое дно, покинутое шумными волнами древняго, величественнаго Гиpаниса, поросшее очеретомъ и ивнякомъ по бороздамъ якоря. Печальна эта дряхлая старость высокороднаго «князя рѣкъ», кипяткомъ пробѣжавшаго свою молодость.

Отъ поста Славянскаго Кубань начинаетъ уставать подъ своей водной ношей и слегчаетъ ее въ боковые каналы; но горы насылаютъ ей новые избытки, и она, не зная куда съ нимъ дѣваться, бросаетъ ихъ по удоламъ прибрежья. Кордонныя укрѣпленія отодвигаются къ гребню стараго берега, избѣгая наводне-

ній и ища корму для коня, «пайщика службы царскія», терпѣливаго товарища еще болѣе терпѣливаго стража этой пустыни. Остатки разливовъ по набережью, то расплываются въ широкія плеса, то смежаются въ «урмы» — узкія, безпорядочныя теченія. Ихъ задвигаютъ «плавы», то есть плавающіе островки, отъ которыхъ и мѣстность получила свое названіе. Плавы составляются изъ корней болотныхъ растеній и наноснаго илу. По этому основанію бываютъ они покрыты землей, изъ которой вырастаютъ травы и цвѣты. Эти подвижные торфяники напоминаютъ описаніе цвѣтниковъ и огородовъ, которыми покрыты озера около Мексики; но тамъ творитъ искусство, а здѣсь колобродитъ природа, покинутая разумной помощью человѣка.

Подаваясь внизъ по теченію Кубани, къ Ахданизовскому лиману, вы погружаетесь въ самую глубину плавней и находитесь въ участкѣ линіи, самомъ неудобномъ для обезпеченія отъ опасности. Напрасно взоръ вашъ, измученный мрачнымъ однообразіемъ узкой дорожной просѣки, ищетъ простора, или предмета, на которомъ могъ бы отрадно остановиться и отдохнуть. Дремучій, безвыходный камышъ! При иномъ поворотѣ, лѣниво подползетъ къ дорогѣ узкій ерикъ, дремлющій въ своемъ заглохшемъ ложѣ, подъ одѣяломъ изъ широкихъ листьевъ водянаго лопушника, водяной лиліи и фіалки, — либо протянетъ къ вашему стремени свои усохшія, искривленныя вѣтви чахлая ветла, словно увѣчный, покинутый товарищами путникъ. Молитъ онъ проѣзжаго о помощи, а проѣзжій... какъ

бы только самому скорѣе проѣхать. Гдѣ мелькнетъ дикая коза и перебѣжитъ фазанъ, гдѣ-гдѣ покажется высокая пика разъѣзднаго козака, молчаливаго, безстрастнаго и угрюмаго, какъ окружающая его мѣстность. Глушь и оцѣпенѣніе кругомъ. Только невнятный шопотъ камышей, слегка машущихъ своими салтанами; только однозвучное жужжаніе кружащихъ надъ вашею головою насѣкомыхъ, да при объѣздѣ какого-нибудь лимана, кваканье цѣлыхъ сонмовъ лягушекъ, — базарная болтовня, вздорная, удручающая ухо и вниманіе. То вамъ слышится въ ней безконечный шумъ шибко работающаго мельничнаго жернова, то неровный трескъ раздираемой ветоши.... Тамъ долетитъ до вашихъ ушей какой-то задушенный вой, быть можетъ, волчій, а тамъ рѣзкій, тоскливый пискъ ждущихъ корму птенцовъ хищной птицы. И это вздрагиваніе и этотъ бредъ погруженной въ горячешный сонъ природы отдается въ вашемъ чувствѣ самосохраненія завѣтнымъ напоминаніемъ отшельника: «memento mori!» Покинутое внѣшними впечатлѣніями воображеніе разыгривается, наполняется мрачными представленіями опасности близкой, готовой вспорхнуть изъ-подъ копытъ коня. Зловѣщее предчувствіе неровнаго боя, внезапнаго плѣна и лишенія всѣхъ правъ гражданской личности — неволи въ горахъ, налегаетъ свинцомъ на душу. Завидѣвъ прежде васъ обгорѣлый пень, чуткій конь поднимаетъ голову, храпитъ и робко путаетъ свои шаги. И вотъ, гдѣ-то близко затрещалъ тростникъ, можетъ быть, подъ клыкомъ кабана, можетъ быть, подъ чевякомъ психадзе. Всадникъ вздра-

гиваетъ и торопливо заноситъ руку на прикладъ ружья. Чу — раздался выстрѣлъ и въ медленныхъ перекатахъ замеръ гдѣ-то въ бездонной глубинѣ, въ безконечной дали. И стая лебедей тяжело поднялась надъ лиманомъ, и стадо кабановъ шарахнуло въ камышахъ, съ трескомъ и гудѣньемъ. И всадникъ едва можетъ сдержать сполохнувшагося коня.

. . . .

Берега жизни вначалѣ улыбаются и зеленѣютъ, воздухъ благоухаетъ, птицы поютъ по набережью, въ кустарникѣ, — и солнце, поднимаясь изъ загустыхъ ивъ, обѣщаетъ прекрасный день. Между тѣмъ какъ ваша ладья скользитъ потихоньку, а вы, исполненные вѣры въ будущее, нападаете на нее за то, что она медленно движется, ваша душа и ваше тѣло наслаждаются такимъ отраднымъ привольемъ, что вы находите удовольствіе уже въ томъ одномъ, чтобъ жить.

Но тѣ, которые плывутъ по рѣкѣ впереди васъ, кричатъ вамъ издали, — и ихъ голосъ непріятно заглушаетъ гармоническое журчаніе воды, колышущей тростникъ и трепещущей, — они кричатъ:

Не предавайтесь этому удовольствію, которое нѣжитъ ваши чувства; это обольщеніе, это фантасмагорія; все это, вотъ и не видно, какъ изчезнетъ.

Такъ они кричатъ, потому что они уже не видятъ по берегамъ ничего больше, кромѣ травы пожелтѣлой и обгорѣлой, кромѣ старыхъ, усохшихъ елей и воды, едва-едва движущейся, да болотъ, распространяющихъ гнилыя испаренія. Они желали бы подняться вверхъ противъ теченія; но никакая человѣческая си-

ла сдѣлать этого не можетъ. Они думаютъ, что эти прекрасные берега убѣжали, преобразились; нѣтъ, лишь сами они ихъ миновали, а берега остаются на мѣстѣ для тѣхъ, которые слѣдуютъ позади ихъ и которые такъ же ихъ минуютъ.... Жизнь дѣлится на три полосы: надежду, наслажденіе и сожалѣніе. Теченіе неотразимо увлекаетъ васъ чрезъ эти полосы, какъ бы вы ни были могучи. Вамъ надобно пройти тамъ же, гдѣ проходятъ другіе. Вы желаете остановить вашъ взоръ на растеніи, подышать запахомъ цвѣтка; нѣтъ,— теченіе васъ увлекаетъ,—ступайте. Удовольствіе остается, а вы мчитесь. Видъ растенія, запахъ цвѣтка, пѣніе птички, есть позади васъ люди, которые насладятся ими одну минуту, и которые, какъ вы, минуютъ ихъ съ сожалѣніемъ.... (1)

(1) Sous les tilleuls. Alpchonse Karr.

РАЗСКАЗЪ СЕМНАДЦАТЫЙ.

Закубанскія укрѣпленія. Закубанскіе воры.

Ense et aratro.

Обитатель и оберегатель понизовья Кубани, Черноморскій козакъ, домостроителенъ, какъ бобръ. Съ этой наклонностью онъ не разлучается и на службѣ. Въ походѣ за Кубанью, гдѣ только онъ сложитъ свою сухарную сумку, тамъ тотчасъ явится, изъ земли выростетъ «курень», шалашъ. Недаромъ онъ зоветъ куренемъ и свою слободу, которая, по силѣ такого наименованія, всюду за нимъ слѣдуетъ, то есть, можно сказать, что слѣдуетъ.... Потомъ, едва кашеваръ успѣетъ развести огонь и установить свой треножникъ, какъ ужь «браты» похозяйничали: одни подсидѣли кабана, истребителя черкесскихъ хлѣбовъ, другіе наловили рыбы. По неимѣнію никакой снасти, рыболовы должны были подняться на хитрость — превратить въ сѣть рубаху и ближайшую къ ней статью козацкаго партикулярнаго одѣянія.

А если закубанскій отрядъ, для какой-нибудь военной операціи, простоитъ на одномъ мѣстѣ продол-

жительное время, то шалаши козацкаго бивака, принимая незамѣтно бо́льшіе и бо́льшіе объемы (потому что козаку все какъ-то тѣсно), достигаютъ, наконецъ, размѣровъ хатъ, изъ которыхъ простодушно, какъ дома въ слободѣ, выглядываютъ изрѣдка и «дымари» — плетеныя дымовыя трубы. Около нихъ возникаютъ хлевы, насѣсти, ясли, скотные дворы. Куры кудахтаютъ, телята мычатъ, бараны блеяютъ, — и на козацкомъ обѣдѣ, въ праздничный день, — кто повѣритъ? — являются даже «вареники», — блюдо, какъ извѣстно, любимое потомками Палѣя и Наливайка выше всѣхъ съѣстныхъ благъ міра сего; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, блюдо удивительно сложное и осѣдлое, и на походѣ возможное развѣ въ поэтической мечтѣ, въ сладостномъ воспоминаніи да въ игривомъ сновидѣніи.

Въ постоянной службѣ на кубанскомъ кордонѣ, Черноморскій козакъ, когда ему нечего дѣлать, кропаетъ ножемъ ложку, вырѣзывая на ея рукояти и на оборотѣ ея дна разные потѣшные узоры, долбитъ корыто, стружетъ вилу или ось и плететъ изъ свѣжихъ ивовыхъ прутьевъ «кошель», — подвижную житницу для зерна своей нивы. Если онъ человѣкъ малосемейный и малоимущественный, то кошель его имѣетъ видъ кувшина. A petit mercier petit panier. А если онъ отецъ большой семьи и обладатель полнаго плуга, то произведеніе его получаетъ видъ и широкій объемъ закрома. Пожалуй, оно займетъ его досуги на полгода. Тѣмъ лучше, — подобная полуработа разгоняетъ грусть-кручину козака по домашнихъ и сближаетъ его нравственно съ далекими пенатами. Въ тѣ

минуты, какъ онъ плететъ «всыпище» для своего амбара, улыбка шевелитъ его длинный усъ и услужливое воображеніе плететъ ему узорчатыя, разумѣется, воздушныя кружева домашняго довольства, домашнихъ радостей. За этимъ плетенымъ подаркомъ пріѣдетъ къ нему на кордонъ, передъ смѣною, его молодица круглолицая. Съ ней пріѣдутъ домашнія «поляницы» (¹) и дѣти. Онъ взвалитъ кошель на возъ и посадитъ въ него дѣтей. Малютки будутъ щебетать отъ удовольствія, какъ молодыя ласточки въ гнѣздѣ, откуда видны одни только ихъ носики. Нужно ли больше пояснять вамъ, отъ чего улыбка шевелитъ суровый усъ, въ тѣ минуты, какъ привычка къ труду шевелитъ руку, воздѣлывающую пустырь и карающую врага гражданственности?

Въ Закубанскихъ укрѣпленіяхъ, выдвинутыхъ далеко впередъ отъ линіи и имѣющихъ рѣдкія сношенія съ нею, домостроительное свойство Черноморцевъ достигаетъ полнаго приложенія къ дѣлу. Тамъ, отчужденные отъ всего остальнаго цивилизованнаго міра, они заводятъ огороды и бакши и, [какъ Ной только-что вышедшій изъ ковчега на трезвую землю, сажаютъ виноградную лозу; тамъ выдѣлываютъ они кожи, выжигаютъ горшки, плошки и разную глиняную посуду;] а о постройкахъ и заведеніяхъ, пріятно напоминающихъ имъ жизнь домашнюю, и говорить нечего.

(¹) Корень этого слова поле. Такъ назывались встарь въ малороссійскомъ войскѣ небольшіе пшеничные хлѣбцы, которыми козаки запасались, выступая въ походъ, въ поле. Теперь это названіе принадлежитъ бѣлому хлѣбу вообще.

Выходитъ, что Черноморской козакъ способенъ приниматься, для осѣдлой жизни, на всякой почвѣ, при всякой погодѣ, и что съ несомнѣннымъ успѣхомъ растетъ онъ живой изгородью на рубежѣ государства....

Вотъ польза занятія непокорнаго края нашими укрѣпленіями, а укрѣпленій такимъ войскомъ, которое, вмѣстѣ съ штыкомъ, носитъ заступъ и вмѣстѣ съ порохомъ — сѣмена колонизаціи.

Да, приговоръ справедливъ; но справка къ нему еще неполна. Вотъ второстепенныя и однако жъ важныя обстоятельства дѣла.

Въ населеніи, густо покрывающемъ лѣса и ущелья Закубанскихъ горъ, нѣтъ обществъ, потому-что нѣтъ власти. Тамъ есть только связи, постоянныя и преходящія: однѣ связи крови и рода, другія связи для встрѣчи общей опасности или для общаго похода за добычей, за золотымъ руномъ, и третьи связи для разбирательства споровъ и развода столкновеній, неизбѣжныхъ во всякомъ сборищѣ людей, какъ бы ни держались они врознь другъ отъ друга. Но тамъ невѣдомъ общество-зиждительный законъ, заповѣданный въ Божественномъ словѣ: «другъ друга тяготы носите», и «воздадите Кесарева Кесареви». Невѣдомы тамъ и тѣ безчисленныя благодѣянія, которыми общество облегчаетъ каждому изъ насъ ношу жизни, въ замѣну обязанностей, имъ на насъ возлагаемыхъ. Эгоистъ-дикарь открываетъ глаза на одну только сторону общества, закрывая ихъ для другой, — видитъ общество, взыскующее лихву, но не видитъ общества, дающаго таланты, и вотъ почему страшится онъ сдѣ-

латься намъ согражданиномъ и собратомъ. И что же? За свое грубое ослѣпленіе онъ обреченъ бороться съ волнами и бурями жизни, безъ кормила и якоря, безъ пристанища и убѣжища. Впадая въ сиротство и нищету, дѣлаясь жертвою многоразличныхъ золъ рока или порока, онъ видитъ себя въ безпомощномъ положеніи плавателя, выброшеннаго на пустынный берегъ. Опека, призрѣніе, общественное, воспитаніе, общественное исправленіе, общественная благотворительность, всѣ многоразличные виды покровительства, обузданія и воздаянія общества — для него не существуютъ. Про частную благотворительность можно сказать: дитя не плачетъ, мать не разумѣетъ; одному обществу дано заглаживать несправедливость, или смягчать справедливость и гнѣвъ судьбы. И вотъ отъ чего непокорные аулы Закубанскихъ горцевъ обременены людьми, выросшими безъ всякой отцовщины, безъ призрѣнія, безъ воспитанія, безъ религіи. Никто не можетъ сказать, какъ эти люди выросли. Ничего не посѣяно на пустырѣ ихъ нравственнаго существа; возрасли тамъ одни волчцы животныхъ стремленій. Повинуясь преобладающему изъ нихъ, стремленію къ обезпеченію своего существованія и къ содѣланію его пріятнымъ, — каково оно у людей имущественнныхъ, эти бѣдняки преданы воровству всѣми своими способностями. Жить и воровать для нихъ одно и тоже. Воровать у Русскихъ, или у своихъ — для нихъ все равно. Отъ чего же эти люди не живутъ и не богатѣютъ работой у другихъ людей? Оттого, что у другаго можетъ работать только «пшитль», рабъ, но

никакъ не «тльфекхотль», свободный человѣкъ, каковы Шапсуги всѣ. И оттого, что есть потребности, до удовлетворенія которыхъ, если тащиться путемъ работы, надобно доходить годами, а удовлетвореніе ихъ нужно сейчасъ. Нужна жена, а ее не дадутъ даромъ. И если, въ библейскія времена, служили за Рахиль въ работникахъ по шести лѣтъ: то, при нынѣшней дороговизнѣ женщинъ въ горахъ, Шапсугу пришлось бы прослужить вдвое больше. Итакъ, чтобъ имѣть возможность жениться, что имущественному человѣку легко сдѣлать законнымъ и нравственнымъ образомъ, бѣднякъ изъ-за того воруетъ. За доказанное воровство его присудили къ уплатѣ пени, онъ еще воруетъ. За рану, нанесенную имъ своему сосѣду въ дракѣ (а онъ очень скоръ на это) его опять прусудили къ пени, и онъ опять воруетъ (1). Воруетъ онъ до тѣхъ поръ, покамѣсть какой-нибудь рѣшительный человѣкъ не подсидитъ его и не поступитъ съ нимъ, какъ съ втравившимся въ овчарню волкомъ. А это не такъ скоро можетъ случиться, во-первыхъ потому, что воровство въ обычаѣ и даже въ нравахъ

(1) По адату, то есть по народнымъ обычаямъ и преданіямъ Закубанскихъ горцевъ, за всякое преступленіе, даже за человѣкоубійство, виновный присуждается къ уплатѣ пени. Другихъ наказаній нѣтъ. Такое уложеніе похоже на «Русскую Правду» Ярославову и, безъ сомнѣнія, имѣетъ общее съ нею происхожденіе. Въ назначеніи пеней, особенно когда дѣло идетъ объ удовлетвореніи князя или «уорка», нѣтъ никакой умѣренности. Для уплаты ихъ, при нынѣшней бѣдности горцевъ, нерѣдко продаютъ все имущество отвѣтчика, продаютъ въ рабство его самаго, его жену и дѣтей.

адигскихъ народовъ,—ни дать, ни взять, какъ было оно въ нравахъ древнихъ воинственныхъ Спартанцевъ. Воровать не стыдно, только попадаться стыдно. Болѣе презрительнаго попрека не можетъ сдѣлать дѣвушка-невѣста присватывающемуся къ ней молодому человѣку, отъ котораго нисколько еще не пострадала осьмая заповѣдь, какъ сказавъ ему, что онъ доселѣ и дойной коровы украсть не умѣлъ. Во-вторыхъ потому, что между горцами немного отыщется людей, у которыхъ поднялась бы рука на истребленіе самаго вреднаго для общества негодяя. Разъ, изъ мирныхъ ауловъ былъ приведенъ къ козакамъ, на кордонный постъ, молодой Черкесъ — отъявленный и неисправимый воръ. Приведшіе его убѣдительно просили козаковъ утопить этого негодяя въ Кубани. Козаки были не мало удивлены и спросили сосѣдей: «хиба жъ вы сами не зъумѣете сёго зробить?» — «Намъ, братцы, грѣхъ», отвѣчали Черкесы, «мы свои, мы одна кровь».

Впрочемъ, погибая гдѣ нибудь въ тѣсномъ закоулкѣ, отъ ночнаго кинжала, воръ можетъ сказать, какъ Мурцій Сцевола: за мною еще триста такихъ же отчаянныхъ головъ.

Если что́ еще обуздываетъ воровство, такъ это трудность сбыта воровскихъ животныхъ и пожитковъ. Появленіе нашихъ укрѣпленій за Кубанью втайнѣ обрадовало воровъ, которые увидѣли въ нихъ удобныя пристани для поспѣшнаго сбыта предметовъ своей промышленности. Дѣйствительно ни съ чѣмъ они такъ не навязываются къ Черноморцамъ, занимающимъ укрѣпленія, какъ съ воровскими предметами, за кото-

рые выпрашиваютъ самую ничтожную цѣну. Они готовы выкрасть у своихъ соотчичей лошадей, и сдѣлать ихъ пѣшими; готовы выкрасть у нихъ оружіе, и сдѣлать ихъ беззащитными; готовы, наконецъ, выкрасть рогатую скотину и барановъ, и сдѣлать ихъ голодными и холодными. Словомъ, наши закубанскія укрѣпленія могли бы сдѣлаться сифонами, способными вытянуть изъ непокорныхъ ауловъ всѣ средства къ сопротивленію и къ существованію, если бъ только мы захотѣли воспользоваться недостойными орудіями, въ нѣдрахъ самыхъ враждущихъ противъ насъ населеній сокрытыми. Но честь и слава Русскому оружію и русскому правительству! Ворота закубанскихъ укрѣпленій крѣпко заперты для толкущихъ въ нихъ обкрадывателей нашихъ заблуждающихъ противнlковъ. Для базаровъ, бывающихъ при укрѣпленіяхъ, постановлено даже правило, внушенное намъ великодушнымъ опасеніемъ, какъ бы не купить чего-нибудь воровскаго, незавѣдомо того. Правиломъ этимъ требуется, чтобы всякое проданное горцемъ на базарѣ животное было выдержано при укрѣпленіи трои сутки, на испытаніи — не окажется ли оно воровскимъ.

Будемъ справедливы и къ Черноморцамъ, вѣрнымъ и добросовѣстнымъ исполнителямъ благихъ намѣреній правительства. Въ строгомъ повиновеніи запрещенію принимать предложенія закубанскихъ воровъ они показываютъ честность примѣрную и твердость духа фабриціанскую. Соблазнъ великъ. За воротами укрѣпленія ржетъ добрый черкесскій конь. На своей сторонѣ не купить такого коня ни за сто рублей; а его

отдаютъ за пять. Тамъ же мычитъ проголодавшійся «огузъ», подъяремный волъ, не такъ рослый, но крѣпкій и способный тянуть плугъ по козацкой бороздѣ; за него возьмутъ всего-то полтора карбованца [1]. Такъ, огузъ мычитъ привлекательно, а конь ржетъ плѣнительно; но что, въ то же время, напѣваетъ совѣсть, которая никогда не молчитъ и не дремлетъ въ нравственной природѣ Черноморскаго козака? — И совѣсть ничего, — она снисходительно объясняетъ: десятая заповѣдь не велитъ желать, ни вола, ни осла ближняго своего, а это непріятельское.... Видите теперь, каковъ соблазнъ-то.

Есть между горцами люди, которые разумѣютъ и цѣнятъ наше великодушіе въ борьбѣ съ ними и нашу рыцарскую разборчивость въ средствахъ. О томъ и другомъ они отзываются съ уваженіемъ, вполнѣ сознаннымъ, хоть и не слишкомъ громко высказаннымъ. Настолько же признательны они и къ нашей осмотрительности въ пропускѣ за Кубань желѣза и желѣзныхъ издѣлій. Чрезъ это между закубанскими ворами не можетъ распространиться страшное, въ своемъ родѣ, орудіе — буравль. Для черкесскихъ воровъ буравль тоже, что для нашихъ сказочныхъ разбойниковъ волшебное растеніе «разрывъ-трава». Надобно знать, что

---

(1) Изъ нашихъ денегъ горцы берутъ одно лишь серебро (сребролюбцы!) и изрѣдка мѣдную монету; золота не берутъ, потому что вовсе не знаютъ цѣны этого металла, несуществующаго у нихъ ни въ какихъ издѣліяхъ. Про нихъ, Калифорнія могла бы подождать еще нѣсколько тысячелѣтій открывать свои завѣтныя златохранилища.

закубанскіе горцы совсѣмъ незнакомы съ употребленіемъ желѣзныхъ запоровъ и замковъ. Двери ихъ конюшенъ и кладовыхъ заколачиваются на ночь деревянными клиньями. Отъ чего въ аулахъ, каждый вечеръ и въ одно время, поднимается всеобщій стукъ, которымъ и заканчивается шумъ дневной дѣятельности.

Дверной запоръ горца гремитъ, колесо его арбы скрыпитъ; но его шашка, упрятанная вмѣстѣ съ рукоятью въ сафьяныя ножны, не звучитъ; его винтовка, скрытая въ черномъ косматомъ нагалищѣ, какъ молнія въ тучѣ, не блеститъ, пока не грянетъ громомъ выстрѣла; его чевякъ, мягкій и гибкій, какъ лапа тигра, не стучитъ; его конь, охлажденный ножемъ легчителя, не ржетъ на засадѣ; его языкъ, скудный гласными и составленный изъ односложій, не имѣетъ звуковъ при сговорѣ на ночное нападеніе....

При отпираньи, клинъ выбивается съ другаго конца, съ тѣмъ же стукомъ. Выходитъ, что воровское ночное покушеніе отпереть дверь, заклепанную такимъ запоромъ, не можетъ обойтись безъ шума. А сонъ горца тонокъ, его жилье, амбаръ и стойло сдвинуты тѣсно; ясли коня отъ спальни наѣздника отдѣлены одной тонкой перегородкой, и сквозь нее протянута привязь. Такъ вотъ, чтобъ отперетъ вышеобъясненый патріархальный запоръ безъ шума, воры прибѣгаютъ къ помощи буравля. Буравль направляется съ головной части клина и вползаетъ въ него такъ тихо, какъ змѣя въ нору; клинъ раскачивается и, уступая силѣ воровскихъ рукъ, выходитъ изъ своего гнѣзда безъ обычнаго, шумнаго содѣйствія долбни, похожей (ска-

зать мимоходомъ) на тѣхъ друзей, которые, оказывая вамъ услугу, шумятъ про нее на весь базаръ.

Вотъ почему зажиточный горецъ смотритъ на буравль, какъ на орудіе предательское и пагубное для его благосостоянія. Самоваръ про насъ хуже пушки и шерстяной шарфъ хуже шейной цѣпи; горло бутылки опаснѣе штуцернаго дула, а буравль — это змѣй-искуситель для нашей молодежи, и смотрите, чтобъ онъ не удружилъ намъ изгнаніемъ изъ дженета, — такъ проповѣдуютъ Несторы шапсугскихъ сходокъ.

Одинъ изъ великихъ двигателей нынѣшняго времени, архимедовъ винтъ могъ бы сдвинуть земной шаръ съ его основанія, если бы, внѣ его, нашлось мѣсто, куда эту страшную механическую силу упереть. Простой винтъ русскаго буравля могъ бы сдвинуть съ горъ и опрокинуть на козацкую степь пожитки Шапсуговъ и Натхокаджей, если бъ въ возвышенно-благородномъ образѣ мыслей и дѣйствій Русскихъ могла найтись ему точка упора...

Но послѣднее такъ же невозможно, какъ и первое. Разумѣйте языцы и покаряйтеся.

Уразумѣютъ и покорятся. «Ты что сѣешь не оживетъ, если не умретъ». Придетъ время, и изъ русскихъ костей выростутъ на землѣ дикарей миръ, безопасность, гражданственность, просвѣщеніе. Что наши нынѣшнія укрѣпленія, какъ не зачатки будущихъ органическихъ, исполненныхъ блага поселеній? Сперва четыре вала полеваго укрѣпленія, потомъ четыре длинныхъ, опушенныхъ терновникомъ плетня станицы, наконецъ хоромы и храмы города, — вотъ

формы, подъ которыми послѣдовательно и жизненно развивается русская мощь на Кавказѣ. Напрасно краснобаи шапсугскихъ сходокъ, «языки народа» (1) льстятъ своимъ слушателямъ, отзываясь о русскихъ укрѣпленіяхъ, что весь вредъ отъ нихъ заключается въ потерѣ какого-нибудь лоскута земли, едва достаточнаго подъ огородъ одного хозяина. Если это такъ, въ самомъ дѣлѣ, то за чѣмъ они, во всѣхъ своихъ хитросплетенныхъ переговорахъ съ нами о миролюбіи и покорности, прежде всего и больше всего, домогаются уничтоженія нашихъ укрѣпленій? Нѣтъ, горцы всегда трусили возведенія крѣпостей на своей землѣ. Въ 1783 году, по присоединеніи Крыма къ Россіи, Турки затѣяли построить крѣпость на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря, на землѣ Натхокаджей. Старѣйши-

---

(1) Какъ всѣ дѣла у горцевъ производятся и рѣшаются устно, то даръ слова цѣнится и уважается у нихъ наравнѣ съ храбростью, часто и выше. Caedant arma togae. Люди, получившіе отъ природы и обработавшіе упражненіемъ талантъ краснорѣчія, бываютъ уполномочены отъ своихъ общинъ говорить за нихъ въ собраніяхъ народныхъ, и тогда они называются «языкъ народа». Быть языкомъ общины, или быть вожакомъ шайки — двѣ ступени, выше которыхъ уже не могутъ подняться честолюбивыя вожделѣнія горца. А какъ истинные таланты всегда и во всемъ рѣдки, то крикуны, представляющіе шумное горло толпы, большею частію бываютъ тонкіе софисты и казуисты, запутывающіе дѣла въ такіе узлы, которые уже не развязываются словомъ, а разсѣкаются лезвіемъ шашки. Сверхъ того, въ аулахъ Закубанскихъ горцевъ повторяется явленіе, современное мелкимъ республикамъ ахейскаго союза, — именно, что краснорѣчіе и храбрость, сила слова и сила руки рѣдко достаются въ удѣлъ одной и той же личности. «Языкъ народа», гремящій на джемаатахъ грозными филиппиками противъ Русскихъ, рѣдко издаетъ рѣзкій гикъ передъ русскимъ штыковымъ ура.

ны родовъ Натхокаджскаго племени долго не рѣшались дать свое на то согласіе; наконецъ задобренные подарками и обольщенные обѣщаніями выгодъ отъ торговли ясыромъ (плѣнными людьми), они, одинъ по одному, перешли на сторону предпріятія Турокъ. «Большая важность уступить пядь земли, на которой могъ бы установиться турецкій кальянъ», — говорили родоначальники, передавая своимъ женамъ парчу и дараю, привезенныя ими съ турецкихъ кораблей. Но былъ одинъ старѣйшина изъ сильнаго рода Супако, въ послѣдствіи прозванный Калебатомъ, который не сдавался ни на какія предложенія и обѣщанія, и упорно противился сооруженію крѣпости на землѣ своего племени. Онъ возвышалъ голосъ въ народныхъ совѣщаніяхъ и остерегалъ своихъ соотчичей такою рѣчью: «Турція не то, что мы; Турція государство. Она можетъ вести войну съ другимъ государствомъ. По жребію войны, крѣпость можетъ перейти во власть государства побѣдоноснаго. Тогда и вся земля, на которой будетъ стоять завоеванная крѣпость, законно перейдетъ въ обладаніе того же государства». — Но противодѣйствіе одного, при согласіи всѣхъ, было голосомъ вопіющаго въ пустыни. Крѣпость воздвигнута. Это нынѣшняя Анапа. Однако нога Калебата, до самой его смерти, не была въ стѣнахъ Анапы. А пока пугавшая его крѣпость не отстроилась, онъ нападалъ на нее съ своими людьми и не разъ прерывалъ и повреждалъ работы. Отъ чего и получилъ онъ прозвище Калебатъ, — что значитъ: «раззоритель крѣпости».

Не только оружіе, но ужь одно близкое присут-

ствіе наше сокрушаетъ строптивый, алкающій крови и грабежа духъ горцевъ. *Слушай* русскаго часоваго, заревая дробь русскаго барабана, молитвенный благовѣстъ русскаго колокола отдаются въ разбойничьихъ вертепахъ пророческимъ голосомъ русскаго пѣвца:

Подобно племени Батыя,
Измѣнитъ прадѣдамъ Кавказъ,
Забудетъ алчной брани гласъ,
Оставитъ стрѣлы боевыя.
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы,
Подъѣдетъ путникъ безъ боязни,
И возвѣстятъ о вашей казни
Преданья темныя молвы.

Печ. въ Лит. Р. Беренгофа

Хеджеретъ

ЭПИЛОГЪ.

Черноморское войско въ 1794 и спустя полвѣка, въ 1846 году.

Настоящее объясняется прошедшимъ.

Чтобъ видѣть посѣвъ и видѣть всходъ, мы сблизимъ подъ одинъ взглядъ два разновременные документа, въ которыхъ, какъ въ зеркалѣ, отразились внутреннія дѣла Черноморскаго войска, въ двѣ эпохи, на разстояніи одна отъ другой пятидесяти лѣтъ.

Эпоха первая.

«Перваго генваря 1794 года, отъ атамана кошеваго Захара Чепѣги, войсковаго судьи Антона Головатаго и войсковаго писаря Тимофея Котляревскаго, вѣрнаго войска Черноморскаго полковникамъ, бунчуковому товариству, полковымъ старшинамъ, куреннымъ атаманамъ и всему войску:»

«Порядокъ общей пользы.

Да будетъ въ семъ войскѣ войсковое правительство, навсегда управляющее войскомъ на точномъ и непоколебимомъ основаніи всероссійскихъ законовъ, безъ и малѣйшей отмѣны, въ которомъ засѣдать должны: атаманъ кошевый, войсковый судья и войсковый писарь».

«Ради войсковой резиденціи, къ непоколебимому подкрѣпленію и утвержденію состоящихъ на пограничной стражѣ кордоновъ, при рѣкѣ Кубани, въ карасунскомъ кутѣ, воздвигнуть градъ и, для вѣчнаго достопамятства нынѣшней жизнодательницы и благодѣтельницы нашей, Всемилостивѣйшей Государыни Императрицы Екатерины Алексѣевны, Самодержицы Всероссійской, именовать его Екатеринодаромъ».

«По воинской дисциплинѣ, ради собранія войска, устроенія довлѣемаго порядка и прибѣжища бездомовыхъ козаковъ, въ градѣ Екатеринодарѣ выстроить сорокъ куреней, подъ названіемъ симъ: Екатериновскій, Кисляковскій, Ивоновскій, Конелевскій, Сергіевскій, Динскій, Крилевскій, Каневскій, Бутуринскій, Поповичевскій, Васюринскій, Незамаевскій, Ирклієвскій, Щербиновскій, Титаревскій, Шкуринскій, Кореневскій, Роговскій, Корсунскій, Калниболоцкій, Уманьскій, Деревянковскій, Ниже-стебліевскій, Выше-стебліевскій, Джереліевскій, Переяславскій, Полтавскій, Мишастовскій, Минскій, Тимошевскій, Величковскій, Леушковскій, Пластуновскій, Дядьковскій, Брюховецкій, Ведмедевскій, Платнировскій, Пашковскій, Кущевскій и Березанскій, — по плану; да и войско при границѣ поселить куренными селеніями, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ какому куреню по жребію принадлежать будетъ».

«Въ курени избирать атамановъ тѣхъ куреней войску, изъ достойныхъ людей, и перемѣнять ихъ другими каждаго года, мѣсяца іюня 29 числа, т. е. въ день св. Апостоловъ Петра и Павла, и на вѣрность должности приводить ихъ къ присягѣ».

«Куренные атаманы долженствуютъ въ куреняхъ, безотлучное пребываніе всегда имѣя, по нарядамъ начальства на службу козаковъ чинить немедленное выстаченіе и случающіяся между куренными людьми маловажныя ссоры и драки разбирать голословно и примирять, съ доставленіемъ обиженной сторонѣ справедливаго удовольствія, а за важное преступленіе представлять подъ законное сужденіе войсковому правительству».

«Всѣ, обрѣтающіеся у войскѣ, старшины, безъ должности, какого бы ранга не были, и козаки да повинуются атаману и товариству; напротивъ того, и атаманы, съ товариствомъ, отдавая заслугамъ справедливую признательность, старшинъ и козаковъ, въ недавно кончившуюся Турецкую войну, за вѣру и отечество Всероссійскаго Престола, дѣйствительно лично служившихъ и кровь проливавшихъ, съ уваженіемъ пристойнымъ образомъ, да почитаютъ».

«Для заведенія и утвержденія по всей войсковой земли, къ долгоденственному спокойствію, благоустроеннаго порядка, раздѣлить войсковую землю на пять округовъ и завесть окружныя правленія, подъ названіемъ таковымъ: первое — при рѣкѣ Кубани, между Козачимъ-еркомъ и Усть-Лабинскою крѣпостію, въ городѣ Екатеринодарѣ — *Екатеринодарское*. Второе — отъ Чернаго моря до Чернаго-ерка, на Фанагорійскомъ островѣ, въ называемой Тамани — *Фанагорійское*. Третье — отъ Ачуева вверхъ по Азовскому морю, до рѣчки Челбасъ и лѣвой стороны теченія рѣки Бейсуга, при устьи его — *Бейсугское*. Четвертое — отъ

рѣки Чолбасъ до рѣки Еи, при устьи ея — *Ейское*; а пятое — при границѣ отъ стороны Кавказскаго намѣстничества, по размежеванiи земель, гдѣ способнѣе будетъ — *Григорьевское*».

«Для управленiя округами, въ окружныя правленiя опредѣлить по одному полковнику, писарю, есаулу и хорунжему, и, на должность приведя къ присягѣ, велѣть имъ, исключая первую Екатеринодарскую округу, въ послѣднихъ четырехъ округахъ, выстроить окружные города, яко-то: *Фанагорiю*, *Бейсугъ*, *Ейской* и *Григорьевской;* а села всѣмъ поселять въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ назначено будетъ, переселяющимися изъ разныхъ мѣстъ сего войска людьми, и для печатанiя письменныхъ дѣлъ, подѣлать окружныя печати за гербами, по приличiю округовъ свойственными, яко-то: на Екатеринодарской, такъ какъ на границѣ противу врага имени хрестiанскаго, козакъ, водрузившiй ратище въ землю и, приложа къ нему вомѣсто присѣшекъ ружье, держа лѣвою рукою ратище и ружье, а другою прикладъ — врага стрѣляющiй; на Фанагорiйской, по морю плавающая лодка, со всѣмъ воинскимъ приборомъ; на Бейсугской—рыба; на Ейской козакъ, на на границѣ единовѣрныхъ — съ ружьемъ, на караулѣ стоящiй; а на Григорьевской — отъ пустаго степу, такъ какъ на отводномъ бикетѣ, козакъ, сидящiй на конѣ, при всемъ воинскомъ приборѣ».

«Окружныя правленiя и команды долженствуютъ по посылаемымъ отъ атамана кошеваго и войсковаго правительства письменнымъ повелѣнiямъ, чинить не-

премѣнное и немедленное исполненіе, безъ и малѣйшаго упущенія».

«Окружныя правленія имѣютъ попеченіе о заведеніи жителями хлѣбопашества, мельницъ, лѣсовъ, садовъ, виноградовъ, скотоводства, рыболовныхъ заводовъ, купечества и прочихъ художествъ, къ оживленію человѣческому способствующихъ; а имѣющіяся лѣса и родючее дерево да сохранятъ отъ опустошенія вырубкою, скотомъ и пожаромъ, въ цѣлости, къ общей войсковой пользѣ; такъ же между людьми встрѣчающіеся ссоры и драки голословно разбирать, обиженныхъ защищать, съ доставленіемъ справедливаго удовлетворенія, свирѣпыхъ укрощать, лѣнивыхъ понуждать къ трудолюбію; для распространенія семейственнаго житія, холостыхъ къ женидьбѣ понуждать, непокорящихся власти и непочитающихъ старшинъ, по мѣрѣ преступленія, штрафовать; а содѣявшихъ важное преступленіе, къ законному сужденію, присылать въ войсковое правительство».

«Окружныя правленія о благосостояніи въ той округѣ всѣхъ военныхъ жителей семидневные, а о черезвычайностяхъ, въ тотъ же самый часъ, имѣютъ присылать рапорты: атаману кошевому и въ войсковое правительство, для донесенія главной командѣ».

«Окружныя правленія долженствуютъ имѣть прилежное смотрѣніе, дабы всѣ жительствующіе въ тѣхъ округахъ старшины и козаки, имѣя въ себя на каждую мужескаго пола душу военное орудіе, во всякой чистотѣ исправное, на случай наглаго военнаго времени, или воровскимъ образомъ на войсковыхъ жителей и

проѣзжающихъ по сей землѣ посторонних Россійскихъ людей, непріятельскаго нападенія, имущественные конно, а неимущественные пѣшо, къ пораженію непріятеля были на всякой часъ въ готовности, и чтобъ на войсковой землѣ, за всякимъ дѣломъ ѣздить, ходить, хлѣба пахать, рыбу ловить и скотъ на паству гонить, безъ военнаго орудія никто не дерзалъ, а кто въ семъ ослушнымъ окажется, на томъ же мѣстѣ штрафовать».

«Окружныя правленія да имѣютъ смотрѣніе по своимъ округамъ, чтобъ на рѣкахъ, болотахъ и гдѣ надобно, переправы, мосты и гати были во всей исправности».

«Окружныя правленія должны смотрѣть за жителями, чтобъ, въ городахъ и селеніяхъ, по улицамъ и дворамъ, сохранена была чистота, и, на случай пожара, имѣли къ утушенію онаго воду и обыкновенные для пожара, желѣзные инструменты».

«Въ тѣхъ округахъ, гдѣ появятся воры и разбойники, окружнаго правленія командиры долженствуютъ, съ подчиненными имъ старшинами и козаками, стараться всѣхъ переловить и отослать къ законному сужденію, какъ и передержателей, въ войсковое правительство, при рапортѣ».

«Ежели въ какой округѣ на людяхъ появится заразительная болѣзнь, отъ чего Боже сохрани, окружныя правленія имѣютъ тотчасъ, зараженныхъ отъ здоровыхъ людей отдѣля, окружить карауломъ, съ великою осторожностію, дабы зараженные съ здоровыми отнюдь не совокуплялись, и съ подробнымъ по-

ясненіемъ, откудова таковое зло возымѣло начало, рапортовать атаману кошевому и войсковому правительству, безъ и малѣйшаго замедленія, для донесенія о томъ главной командѣ».

«При случаѣ въ тѣхъ округахъ скотскаго падежа, окружныя правленія, стараясь оное зло истребить, чрезъ кого слѣдуетъ увѣдавъ о томъ подробно, тотчасъ рапортуютъ: атаману кошевому и войсковому правительству, и, отдѣля скотъ больной отъ здороваго, содержать больной на особомъ закрытомъ пастьбищѣ, пока отъ заразы выздоровѣетъ, и съ палаго кожъ не снимать, а съ оными зарывать въ глубокія ямы, и какъ съ того мѣста никуда зараженнымъ не выѣзжать, такъ и въ оное съ стороны съ здоровымъ скотомъ въѣзжать запретить, покудова отъ заразы то мѣсто освободится».

«Въ окружныхъ правленіяхъ чиновъ перемѣняетъ войсковое правительство другими каждаго года, іюня 29 числа, т. е. въ день св. Апостоловъ Петра и Павла; а ежели изъ нихъ первые явятся чрезъ тотъ годъ въ препорученности своей должности исполнителями довлѣемаго по законамъ порядочнаго служенія безспорны, то о таковыхъ уважая, пріостановлять ихъ при тѣхъ же должностяхъ и на дальнѣйшее время; а которые окажутся въ непорядочномъ поведеніи и законамъ противныхъ преступленіяхъ, сихъ, не дожидаясь года, въ то самое время, когда увѣдано будетъ, перемѣня другими, предавать законному сужденію и штрафу».

«Сначала учрежденія вѣрнаго войска Черноморска-

го, старшинамъ и козакамъ, во всю, недавно кончившуюся съ Портою Оттоманскою войну, за вѣру, отечество и сію землю дѣйствительно лично служившимъ и тѣмъ вольность пріобрѣвшимъ, за ихъ труды и подвиги, позволяется въ городахъ и селеніяхъ, по желанію ихъ, имѣть собственные дворы, а въ степи хутора и мельницы, заводить лѣса, сады, винограды, хлѣбопашество и скотоводство, а на приморскихъ косахъ и другихъ удобныхъ мѣстахъ рыболовные заводы».

«Въ отмѣнное воздаяніе старшинамъ, яко вождямъ, наставникамъ и попечителямъ, отъ общихъ сего войска благъ, при своихъ хуторахъ сродственниковъ и вольнoжелающихъ людей, населить дворовъ и опредѣлить подъ оныя земли, по прилагаемой у сего штатной росписи».

«Старшины населенныхъ въ своихъ хуторахъ людей да почитаютъ не поддаными своими, а вольноживущими подъ ими козаками и выходить онымъ съ старшинскихъ хуторовъ на войсковыя земли, куда пожелаютъ, вольно, кромѣ долговъ, коими ежели кто будетъ обязанъ, не имѣетъ воли выйтить, дондеже долгъ хозяину не возвратитъ».

«Козаковъ, какъ выше писано, во уваженіе ихъ службы и понесенныхъ ими трудовъ, ни въ какія общественныя и войсковыя тажести, подъ конецъ ихъ жизни, не употреблять».

«Вышеписаннымъ старшинамъ и козакамъ, на вѣчно-спокойное показанными дворами, хуторами, мельницами, лѣсами, садами, виноградами и рыболовны-

ми заводами, владѣніе, выдать открытые листы, съ тѣмъ, чтобъ до онаго кромѣ хозяина и законнаго ихъ наслѣдія, ко владѣнію никто права не имѣлъ, да и землей не утѣснялъ».

«Для военнаго время, а въ случаѣ и воровскимъ образомъ нападенія на войсковыхъ жителей, или постороннихъ Россійскихъ людей, отъ закубанскихъ зловредныхъ сосѣдъ, какъ служившіе старшины, съ поселенными людьми и козаками, такъ и неслужившіе старшины, и козаки (исключаи только старыхъ сколѣченныхъ и малолѣтковъ, къ службѣ негодныхъ), словомъ сказать — безъ изъятія долженствуютъ, со всѣмъ воинскимъ исправнымъ приборомъ, къ пораженію непріятеля, имущественные конно, а неимущественные пѣшо, быть на каждой часъ во всей готовности».

«Войсковый есаулъ долгъ имѣетъ, по границѣ и внутри войсковой земли разъѣзжая, смотрѣть за опредѣленными въ окружныя правленія чинами и кордонными старшинами, дабы всѣ повелѣнія атамана кошеваго и войсковаго правительства были выполняемы въ самой точности, безъ и малѣйшей отмѣны, и ежели за кѣмъ будетъ имъ усмотрѣна какая неисправность, рапортовать атаману кошевому и войсковому правительству, съ подробнымъ поясненіемъ его винности, для чего отъ кошеваго давать ему о томъ на оное наставленіе».

Спустя пятьдесятъ лѣтъ.

Представленіе исправлявшаго должность наказнаго атамана Черноморскаго войска, генералъ-маіора Раш-

пиля командовавшему войсками на Кавказской линіи и въ Черноморьи, генералъ-лейтенанту Заводовскому, отъ 28 іюня 1846 года (№ 3,089).

«....При заселеніи Черноморскаго края, частная польза предпочиталась общей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно бросить одинъ поверхностный взглядъ на станичныя и хуторскія селитьбы. Лучшія угодья и приволья заняты хуторами, т. е. частными людьми, а станицамъ, т. е. народу предоставлена мѣстность, не представляющая никакихъ особенныхъ удобствъ и выгодъ. Мало того, хутора окружаютъ, такъ сказать — содержатъ въ облежаніи станицы, изъ коихъ большая часть имѣетъ выходъ въ поле только въ одну сторону, такъ что козакъ, преимущественно долженствующій дорожить, вообще дорогимъ для земледѣльца, временемъ, принужденъ нерѣдко выносить плугъ и косу за десять и болѣе верстъ отъ своей хаты. Вотъ гдѣ должно искать начала этой, такъ рѣзко видимой въ настоящее время въ войскѣ, потери равновѣсія народнаго благосостоянія между чиновнымъ классомъ и народомъ. Первый произвольно захватилъ лучшіе, обширнѣйшіе и притомъ неумѣстные участки; народу же достались участки, противу тѣхъ скудные, не представляющіе никакихъ поощреній къ развитію промышленности и даже производительности, а сверхъ того, для нѣкоторыхъ станицъ — несоразмѣрно малые. Такимъ образомъ, неумѣстное сближеніе степныхъ хуторовъ съ станицами, подавивъ промышленныя и производительныя силы этихъ послѣднихъ, было вмѣстѣ съ тѣмъ причиною крайняго упадка въ станицахъ и

сельскихъ ремеслъ, такъ что въ настоящее время во многихъ станицахъ трудно даже найти кузнеца или плотника».

«Нѣтъ сомнѣнія, что при степномъ скотоводствѣ хутора такъ же необходимы, какъ кочевыя юрты; но ихъ мѣсто въ степи, вдали отъ станицъ. И только съ освобожденіемъ станицъ отъ облежанія хуторовъ и со снабженіемъ ихъ достаточными пропорціями земли, откроется возможность учредить правильное трехпольное хлѣбопашество, завести лѣса, станичные плодовые конные косяки и прочее, что къ общественному благосостоянію станицъ, Высочайшимъ о войскѣ положеніемъ, преподано, и чего до настоящаго времени нѣтъ и быть не можетъ безъ размежеванія земли».

«Оказалось даже невозможнымъ, за всѣми предпринятыми попытками, достигнуть, посредствомъ учрежденія особыхъ станичныхъ табуновъ, одной изъ важнѣйшихъ выгодъ для службы, чтобы конные козаки, возвращаясь со службы въ свои станицы на льготу, не сбывали своихъ верховыхъ лошадей — къ чему принуждаетъ каждаго изъ нихъ недосугъ для ухода за конемъ, при хозяйственныхъ занятіяхъ и заботахъ. Предположенное, къ отвращенію этого видимаго зла для службы, учрежденіе изъ строевыхъ лошадей льготныхъ служивыхъ козаковъ, особыхъ станичныхъ табуновъ, а на зиму для нихъ зимовниковъ, съ общими запасами сѣна, нашло рѣшительную преграду въ недостаткѣ земли по станичнымъ юртамъ».

«Бѣдность козаковъ, происшедшая отъ перевѣса народнаго благосостоянія на сторону немногихъ,

сильныхъ въ прежнее время въ войскѣ людей, произвольно захватившихъ огромные и лучшіе участки земель, упала и на молодое поколѣніе офицеровъ, не наслѣдовавшихъ хуторовъ. Такъ какъ войсковая земля досталась въ произвольныхъ участкахъ ихъ предшественникамъ, передавшимъ ее своимъ потомкамъ; то новому поколѣнію офицеровъ суждено существовать однимъ козачьимъ окладомъ жалованья и, слѣдовательно, содержать себя не прилично званію офицера, а на льготѣ и того лишаться, — и сверхъ того, не находить употребленія свободному своему времени. Они виновны только тѣмъ, что родились послѣ другихъ, — и они такъ же, вмѣстѣ съ народомъ, ожидаютъ скорѣйшаго размежеванія земли».

«Словомъ, въ краю далеко отброшенномъ отъ провинцій, въ которыхъ развита промышленная жизнь, имѣющемъ сосѣдями враждующихъ дикарей, — въ краю, гдѣ не промышленная дѣятельность, но, такъ сказать, только земля и вода, въ соединеніи съ простымъ, обрабатывающимъ трудомъ, доставляютъ обывателямъ средства благосостоянія, правильное и безпристрастное раздѣленіе земли составляетъ одно изъ существенныхъ условій народнаго довольства, и оно только можетъ возстановить въ войскѣ нарушенное, между высшимъ и низшимъ классами, и между старымъ и молодымъ поколѣніями, равновѣсіе народнаго благосостоянія».

«Кромѣ чувствительныхъ для массы народонаселенія лишеній, проистекающихъ отъ этой, въ своемъ родѣ, монополіи на народное богатство, захваченной въ руки немногихъ, — самое войско теряетъ отъ на-

стоящаго неуравнительнаго порядка въ пользованіи земельными довольствіями не малую часть своихъ доходовъ, ибо, при распредѣленіи войсковой земли на пропорціональные участки, войсковые обыватели богатые стадами, не могущими помѣститься на частныхъ, въ собственность стадохозяевъ поступившихъ, участкахъ, должны бы были, по Высочайшему положенію, платить войску за тѣ огромныя пространства пастьбищъ и сѣнокосовъ, которыми они пользуются безъ всякой платы».

«Не распространяясь о дальнѣйшихъ матеріальныхъ выгодахъ размежеванія войсковой земли, должно коснуться здѣсь и блага нравственнаго, неизбѣжно долженствующаго сопутствовать сказанному размежеванію».

«Козакъ-офицеръ и простой козакъ, внѣ фронтовой службы, суть равно граждане въ своей станицѣ. Общественныя дѣла не только должны равно занимать обоихъ; но первый и въ этомъ случаѣ, какъ въ службѣ, долженъ предшествовать послѣднему. Но какъ офицеры Черноморскаго войска имѣютъ обыкновенно свои жилища въ степныхъ хуторахъ, а станицы населяются одними козаками, и какъ, притомъ, самые козаки, увлекаясь примѣромъ офицеровъ, при малѣйшемъ достаткѣ, покидаютъ свои станицы и такъ же основываютъ свои жилища въ степи, одинокими хуторами; то и всѣ общественныя дѣла въ станицахъ, какъ спорныя и судныя, такъ и касающіяся общественнаго благосостоянія, обсуживаются и рѣшаются на станичныхъ сходкахъ, однимъ народомъ. Легко же можно

вообразить себѣ положеніе и поведеніе простаго, ограниченнаго въ понятіяхъ о вещахъ и притомъ бѣднаго, слѣдственно на низшей степени нравственнаго достоинства стоящаго народа, предоставленнаго въ своемъ общественномъ быту самому себѣ. Приэтомъ такъ же легко составить, себѣ понятіе о произносимыхъ народомъ этимъ, по общественнымъ дѣламъ, приговорахъ, нерѣдко касающихся и принадлежащихъ къ станицѣ чиновниковъ. Но какъ Высочайшимъ о войскѣ положеніемъ, поземельные участки опредѣляются офицерамъ по жизнь ихъ, а не въ потомство, и притомъ третья ихъ часть отводится въ общемъ станичномъ юртѣ; то это истинно благодѣтельное установленіе должно повести къ тому, что офицеры, не теряя выгодъ отъ степныхъ своихъ участковъ, перенесутъ свою осѣдлость въ станицы, составятъ общество, сблизятся съ козакомъ, облагородятъ его своимъ присутствіемъ, на станичныхъ сходкахъ подадутъ лучшій совѣтъ, лучшую мысль, подумаютъ объ улучшеніяхъ общественнаго быта, дадутъ воспитаніе и собственнымъ дѣтямъ, которые перестанутъ, прозябая въ степи, видѣть одни стада. А возвращеніе зажиточныхъ козаковъ изъ хуторовъ въ станицы подчинитъ и ихъ отправленію тѣхъ земскихъ повинностей, отъ которыхъ находили они убѣжище въ застаничныхъ своихъ жильяхъ, къ несправедливому отягощенію бѣдныхъ своихъ собратовъ. Что же всего важнѣе — размежеваніе земли положитъ конецъ этимъ повседневнымъ, безчисленнымъ распрямъ за поземельное до-

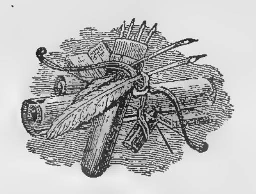
вольствіе, неизбѣжнымъ при настоящемъ положеніи войсковой земли....»

Раздѣленіе земли и установленіе бдительной охраны на предѣлахъ земельныхъ довольствій станицъ и чиновныхъ лицъ (дѣло особенной важности тамъ, гдѣ нѣтъ правъ земельной собственности) составитъ свѣтлую эру въ существованіи Черноморскаго войска, составитъ эру возрожденія. Упадокъ общежительности, разрозненность во взглядахъ и убѣжденіяхъ, разрывъ между чиновнымъ и рядовымъ козацтвомъ, общественный застой и весь нравственный туманъ поднимется и исчезнетъ. До этого времени никому не было дано, и потому каждый устремлялъ всѣ свои усилія на то, чтобъ взять; каждый истощался отдѣльно, и для общаго дѣла не оставалось никого. Но этимъ эгоистическимъ, во взаимныхъ встрѣчахъ враждебнымъ и для общества безплоднымъ, усиліямъ не будетъ больше мѣста, когда послѣдуетъ раздача, а за ней и необходимость быть сыту опредѣленной дачей. Тогда и правительству удобнѣе будетъ слѣдить за истинными потребностями и входить въ истинныя нужды сословій и общества. Тогда всѣ зерна улучшеній, брошенныя преобразованіемъ 1842 года, примутся, взойдутъ и принесутъ плодъ. Почувствовавъ твердое основаніе подъ ногами и твердое обезпеченіе съ тыла, молодое поколѣніе, благородно мыслящее и благородно чувствующее поколѣніе, дружно двинется впередъ, на встрѣчу попеченіямъ и надеждамъ правитель-

ства. Раскроется и явится въ прекрасныхъ дѣлахъ это врожденное въ Черноморскомъ козакѣ, потомкѣ рыцарскаго козачества Украинскаго, расположеніе къ доброму, честному и доблестному.

Уже не далеко то время, когда въ быту, нравахъ, гражданскихъ и полевыхъ качествахъ козаковъ исчезнетъ и послѣдняя слабая тѣнь временъ отжитыхъ, когда и въ образованной Европѣ перестанутъ произносить имя козака съ предубѣжденіемъ, нынѣ почти неосновательнымъ и вполнѣ несправедливымъ. Древняя мимоидоша. Что прошло — прошло и противъ теченья не всплыветъ. И пошли Богъ долгіе и славные дни Тому, Чьи благія попеченія свели насъ съ нашего вѣковаго проселка на большую дорогу цивилизаціи. Съ нашими молодыми, сбереженными силами мы пойдемъ по этому пути безъ отсталыхъ, и еще поведемъ за собою эти орды полудикихъ пріемышей великодушнаго нашего отечества. И исполнится царское слово: да будетъ свѣтъ и въ хижинахъ!

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

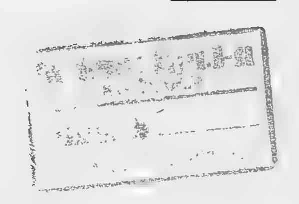
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОПЕЧАТКИ.

СТРАН.	СТРОКА.	*Напечатано:*	*Должно быть:*
49	28	рыхъ	которыхъ
50	24	слогомъ	словомъ
55	8	направяется	направляется
74	6	вытѣняетъ	вытѣсняетъ
81	2	его	ею
—	11	переводитъ	переводилъ
167	1	отдѣленіемъ	съ отдѣленіемъ
168	18	заключаючающимся	заключающимся
171	18	Межигородскую	Межигорскую
223	2	кардонный	кордонный
240	23	тякъ	такъ
250	5	очередъ	очеретъ
257	28	съ нимъ	съ ними
268	21	Мурцій	Муцій
277	17	Да будетъ	«Да будетъ
285	10	Исключаи	Исключая

КАРТА
ЧЕРНОМОРЬЯ
составленная со съемки
Межевой Коммисiи ЧЕРНОМОРСКАГО Козачьяго Войска
въ 1857 Годъ
Масштабъ
Литогр. Военно-Топогр. Депо.
РОСТОВСКIЙ УѢЗДЪ
ЕКАТЕРИНОСЛ. ГУБЕРН.
ЧЕРКАССКIЙ ОКРУГЪ
ЗЕМЛИ ДОНСКИХЪ КОЗАКОВЪ
СТАВРОПОЛЬСКАЯ ГУБЕРНIЯ
ЗЕМЛЯ КАВКАЗСКИХЪ КОЗАКОВЪ
ЗЕМЛЯ ГОРСКИХЪ НАРОДОВЪ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
Г. Ейскъ
Г. Екатеринодаръ
Г. Темрюкъ
Еникале
Укр. Вареникоевское

Цѣна три рубля серебромъ.

Продается въ С. Петербургѣ у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Они же могутъ обращаться за полученіемъ книги въ Типографію П. А. Кулиша, на углу Вознесенскаго и Екатерингофскаго проспектовъ, въ домѣ Лея.

2 4 i
241–242, 243, 244,

